

М. Абдуллин

**Борьба
без
компромиссов**

М.Абдуллин

Борьба без компромиссов

(Критика буржуазных концепций
разрешения национального вопроса
в республиках Поволжья и Урала)

КАЗАНЬ

ТАТАРСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

1982

А13 Абдуллин М. И.
Борьба без компромиссов (Критика буржуазных концепций разрешения национального вопроса в республиках Поволжья и Урала). Казань, Татарское кн. изд-во, 1982.

254 с.

На основе анализа значительного числа зарубежных источников кандидат исторических наук М. И. Абдуллин раскрывает несостоятельность буржуазных концепций разрешения национального вопроса в шести автономных республиках Поволжья и Урала. Основное внимание автора сосредоточено на вопросах истории революционного движения, создания советской национальной государственности, социалистического строительства в регионе.

А 10204—071
М132[03]—82 28—82

1805020000

ББК 66.5

Введение	4
Глава I. Зарождение и эволюция буржуазной историографии народов Поволжья и Урала советского периода . .	11
Глава II. Интернационализм КПСС и «советология» .	39
§ 1. Интернационализм идеологии Коммунистической партии против национализма	41
§ 2. Правда и вымысел об интернационалистской политике Коммунистической партии	54
§ 3. Интернациональный принцип построения пролетарской партии и его критики	62
Глава III. Партия во главе борьбы масс за победу демократической и социалистической революций: мифы и реальность	70
§ 1. Социально-экономические и политические истоки революционного движения в регионе	70
§ 2. Социалистическая революция в освещении буржуазной историографии	92
Глава IV. Отражение в буржуазной историографии деятельности Коммунистической партии и Советского правительства по созданию советской государственности народов Поволжья и Урала	104
§ 1. Разработка проекта создания ТБСР	109
§ 2. Образование Башкирской Советской Республики . .	118
§ 3. Возникновение Татарской АССР и автономных областей	136
Глава V. История возникновения и развития областных партийных организаций в кривом зеркале буржуазной историографии	147
Глава VI. Измышления буржуазных историков о роли партии в строительстве социализма	173
§ 1. Создание материально-технической базы социализма	178
§ 2. Революция в области идеологии и культуры . .	196
§ 3. Разрешение национального вопроса	215
Заключение	221
Примечания	225

ВВЕДЕНИЕ

В течение многих веков по Волге и ее притокам рядом с русскими живут мордва, чуваша, марийцы, татары, удмурты и башкиры — те, кого собирательным именем называют «народы Поволжья и Урала». Несмотря на различия в языке (одни из них относятся к уральской языковой семье, другие — к алтайской) и культуре, имеется много общего в их исторических судьбах, в их прошлом и настоящем. Объективные факторы: «исторические (присоединение к России еще в XVI веке, традиции совместной борьбы народных масс против общих врагов), географические (местоположение в центре России), экономические (давние рыночные и хозяйственные связи) и межнациональные условия (этническая чересполосность и смешение населения, мирное сожительство) питали и усиливали традиции содружества»¹ этих народов друг с другом и с русским народом. Трудящиеся народов Поволжья и Урала вместе с трудящимися других народов страны совершали Великую Октябрьскую социалистическую революцию, с оружием в руках громили внутренних и внешних врагов Советской власти, строили социалистическое общество. На полях сражений Великой Отечественной войны они еще не раз доказывали свою преданность новому общественному строю, в послевоенный период в дружной семье советских народов воздвигают величественное здание коммунизма.

История народов Поволжья и Урала, как и история многих других народов Советского Союза, богата и поучительна. Пройдя через горнило многочисленных испытаний, лишений и борьбы, народные массы под руководством Коммунистической партии обрели, наконец, подлинное человеческое счастье. Эта история вселяет уверенность в могучую творческую силу идей марксизма-ленинизма, в решающую роль народных масс в преобразовании условий своей жизни. Она способ-

ствует воспитанию новых поколений советских людей в духе советского патриотизма и интернационализма.

Прогрессивных людей всего мира интересует, в частности, опыт разрешения национального вопроса в СССР. Всего за два десятилетия, прошедшие после победы Октябрьской революции, народы страны ликвидировали бывшее неравноправие, пережитки национального недоверия и вражды, покончили с хозяйственной и культурной отсталостью. Они создали свои государственные образования, в основном консолидировались в социалистические нации и народности. Опыт разрешения национального вопроса в СССР и других социалистических странах дает четкий и ясный ответ на вопрос, каким образом ликвидировать деление наций на угнетающие и угнетенные, привилегированные и непривилегированные, передовые и отсталые. Этот опыт пристально изучается на всех континентах нашей планеты.

Однако в мире есть еще реакционные силы, которым не по нутру тяга народов к опыту стран социалистического содружества, к опыту разрешения национального вопроса. Правде о социалистическом общественном и государственном строе, социалистической внутренней и внешней политике пропагандистский аппарат империалистических государств противопоставляет идеологические диверсии.

Апологеты империализма преследуют в области национального вопроса следующие цели:

а) опорочить опыт социалистических стран, попытаться не допустить его заимствования в первую очередь молодыми развивающимися странами;

б) посеять семена национализма в сознании отсталой части населения стран социалистического содружества, вызвать недоверие и вражду между нациями; в первую очередь врагам социализма хотелось бы ослабить единство советского народа;

в) оживить националистические шатания внутри мирового коммунистического и рабочего движения, оторвать отдельные коммунистические партии и противопоставить их социалистическим странам;

г) проповедью национализма попытаться смягчить классовые противоречия в буржуазном обществе, укрепить свои расшатанные позиции.

Идеологическим наскокам сил империализма страны социалистического содружества, стоящие во главе их коммунистические и рабочие партии стремятся противопоставить единый фронт. В практику деятельности коммунистических и рабочих партий социалистических стран стало внедряться проведение совместных совещаний, симпозиумов и конференций, издание литературы по вопросам идеологической работы. Эта деятельность способствует воспитанию всех трудящихся в духе пролетарского интернационализма и одновременно — объединению усилий братских партий.

Борьба против тлетворной националистической идеологии, откуда бы она ни исходила, является законом жизни и деятельности Коммунистической партии Советского Союза. Эта работа особенно оживилась и приобрела планомерный и целенаправленный характер после исторического XX съезда КПСС, который, подчеркнув творческий характер марксистско-ленинского учения, ориентировал советских ученых на усиление теоретической и методологической основы их исследований. Большое значение в деле усиления борьбы против антикоммунизма имели последующие форумы КПСС — XXIV, XXV и XXVI съезды партии, которые не только проанализировали стратегию мировой империалистической реакции на современном этапе, но и определили основные направления борьбы с враждебной трудящимся идеологией. Так, XXVI съезд КПСС отметил, что для Запада обострение идеологической борьбы не сводится к противоборству идей, что «он пускает в ход целую систему средств, рассчитанных на подрыв социалистического мира, его разрыхление»².

За последние 20 с небольшим лет в советской общественной науке критика буржуазных концепций по национальному вопросу заняла заметное место. Состоялся ряд научных форумов в Уфе, Каунасе, Кишиневе, Пятигорске, Таллине, Ашхабаде, Ташкенте, Калинин и некоторых других городах, с трибуны которых советские ученые подвергли принципиальной критике мышления буржуазных обществоведов по вопросам теории и истории национальных отношений в СССР³. В нашей стране издан ряд монографий, опубликовано значительное число статей и сообщений, в которых со-

ветские ученые, руководствуясь марксистско-ленинской методологией, раскрыли научную и политическую несостоятельность подхода буржуазных философов, социологов, историков, юристов и филологов к рассмотрению различных аспектов теории и практики национального вопроса в СССР.

Процесс критического разбора «советологических» концепций советскими учеными затронул по крайней мере следующие проблемы:

- марксистско-ленинскую теорию наций и национальных движений;
- марксистско-ленинскую концепцию права наций на самоопределение;
- некоторые вопросы истории разработки классиками марксизма-ленинизма национальной программы революционного пролетариата;
- вопросы ленинской стратегии и тактики в национально-освободительном движении;
- взаимоотношения между коммунистическими партиями различных социалистических стран;
- основы ленинского учения о федерации и автономии;
- образования и развития советского многонационального государства;
- возникновения и развития многонациональной советской культуры;
- разрешения национального вопроса в СССР;
- возникновения новой исторической общности — советского народа и другие.

Немаловажный вклад в критику буржуазной фальсификации национального вопроса внесли советские историки. Используя специфические методы исторической науки, они дали бой советологам по ряду узловых вопросов: национальной программы и политики партии, борьбы В. И. Ленина и большевиков против идеологии и политики национализма, роли В. И. Ленина в создании Советского многонационального государства, истории национально-государственного строительства и т. д.

Значительная по своему объему критическая литература посвящена вопросам истории советских республик. При этом нужно отметить, что большинство работ написано историками среднеазиатских республик, Украи-

ны и Казахстана⁴. Это объясняется в первую очередь тем, что идеологические диверсии врагов коммунизма направлены чаще всего против этих республик. В то же время нельзя не констатировать, что за последние десятилетия буржуазные пропагандисты активизировали свою деятельность и по советским республикам Закавказья и Прибалтики.

Сравнительно реже буржуазные ученые касались вопросов истории советских автономных республик. При определении объектов для своих нападок идейные противники руководствуются такими критериями, как наличие в этих республиках в прошлом сильных буржуазно-националистических движений и серьезных столкновений между националистами и органами Советской власти. С этих позиций выбор советологов чаще падает на Татарскую и Башкирскую АССР, реже — на остальные республики Поволжья и Урала.

Советские историки и публицисты своевременно давали отпор всем измышлениям антисоветской печати о народах Поволжья и Урала. В 1924 г. в Москве была опубликована книга видного татарского советского писателя, ученого и публициста Г. Ибрагимова «Черные веки или белоэмигрантская литература», в которой он, наряду с азербайджанскими, крымскими и северокавказскими белогвардейскими изданиями, подверг принципиальной партийной критике концепции, проповедовавшиеся татарскими буржуазными националистами-эмигрантами. Несколько позднее общественный деятель Советской Татарии Г. Касымов в своей книге «Пантюркистская контрреволюция и ее агентура султангалиевщина» (1931 г.) выступил с разоблачением духовного родства султангалиевцев и татарских белоэмигрантов, пытавшихся фальсифицировать коренные проблемы истории татарского и башкирского национальных движений. К этому же времени относится и появление «Очерков панисламизма и пантюркизма в России», в которых А. Аршаруни вскрыл несостоятельность пантюркистских утверждений контрреволюционных тюркских националистов Г. Исхаки, З. Валидова, М. Чокаева и других.

Дальнейшие выступления советских авторов против антисоветчиков относятся к послевоенному периоду. Так, в 1949 г. «Литературная газета» дала достойную

отповедь реакционному французскому журналисту А. Пьеру, который пытался иронизировать по поводу перевода произведений А. С. Пушкина, как он выразился, на «грубый язык бурят-монголов, коми, якутов и чувашей»⁵. В том же году 34 работников литературы и искусства Чувашии выступили с протестом против шовинистических статей журнала «Эйроп Нувель» и газеты «Монд», направленных, в частности, против чувашской советской национальной культуры. Деятели советской культуры «подвергли резкой критике империалистических сверхчеловеков», пытавшихся создать впечатление, что будто бы «высоты человеческой цивилизации недоступны для представителей малых советских народов, в том числе и чувашей»⁶.

После XX съезда КПСС повысился идейный и теоретический уровень исследований в исторической науке, усилилась борьба против буржуазных антинаучных теорий. В периодической печати чаще стали появляться статьи, в которых подверглись критическому разбору фальсификаторские концепции буржуазных историков (например, статьи С. Г. Батыева, М. А. Сайдашевой и К. Н. Сайдашева, У. Белялова и некоторых других)⁷. Имели место несколько выступлений по данной тематике на научных конференциях⁸, несколько статей научного характера опубликовано в вузовских и юбилейных сборниках и академических изданиях⁹.

Некоторые историки и социологи включили критику концепций советологов в тексты своих книг. Наиболее значительный по объему материал содержится в работах М. А. Сайдашевой и К. Ф. Фасеева¹⁰.

Однако в целом советская историография, выступающая с критикой буржуазной историографии народов Поволжья и Урала, в тот период еще не поднялась до самостоятельных исследований. Исключением является работа историков Татарии, изданная в 1977 г. и книга К. Ф. Фасеева, написанная в социально-политическом аспекте¹¹.

За исключением этой республики, фальсификация истории других народов Волго-Уральского региона еще не являлась предметом систематического рассмотрения. Чаще всего критике советских историков подвергались отдельные вопросы в сочинениях советологов, связанные с образованием национальной государствен-

ности, национальной политикой КПСС, правовым положением народов внутри Советского Союза, оценкой их достижений в социалистическом и коммунистическом строительстве.

Автор настоящей книги поставил перед собой цель — дать критический разбор основных концепций буржуазных историков по истории шести народов Поволжья и Урала периода перехода от капитализма к социализму. В своей работе он постоянно исходил из указаний XXV и XXVI съездов КПСС о необходимости усиления борьбы против идеологических диверсий империализма, о дальнейшем улучшении политико-воспитательной работы. Книга призвана помочь советским людям распознавать фальшь антикоммунистической пропаганды, разоблачать ее коварные методы.

Автор сосредоточил свое внимание на трех основных проблемах: борьбе ленинской партии во главе масс за установление Советской власти в регионе; роли партии в создании советской национальной государственности народов; мероприятиях партии по руководству социалистическим строительством. Учитывая актуальность раскрытия интернационалистской сущности КПСС, автор выделил этот вопрос в самостоятельную главу. В интересах дифференцированного подхода к рассмотрению концепций буржуазных историков и эволюции их взглядов основной части работы предшествует историографический обзор литературы.

Автор пользуется случаем, чтобы выразить благодарность сотрудникам московских библиотек, которые в течение многих лет помогали ему выявлять литературу по теме исследования, создавали условия для практического пользования ею. В частности, он приносит свою благодарность следующим товарищам: Н. В. Беловой и З. М. Волощенко (библиотека Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС), И. А. Гусинскому (Всесоюзная библиотека им. В. И. Ленина), Г. С. Бухолдиной и Г. И. Дрогавцевой (библиотека Института научной информации по общественным наукам Академии наук СССР), М. Я. Сорокиной и А. А. Гришиной (Всесоюзная государственная библиотека иностранной литературы), а также работникам читального зала № 1 библиотеки Казанского государственного университета им. В. И. Ульянова-Ленина и национально-краеведческого отдела Республиканской научной библиотеки ТАССР им. В. И. Ленина.

Глава I

ЗАРОЖДЕНИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ БУРЖУАЗНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ НАРОДОВ ПОВОЛЖЬЯ И УРАЛА СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

До Великой Октябрьской социалистической революции история народов Поволжья и Урала рассматривалась буржуазными историками и филологами в русле российского востоковедения. Основное внимание ученых уделялось таким отраслям науки, как этнография и археология. Собственно политическая история находилась на втором плане — ее наличие признавалось фактически лишь за одними татарами, господствующие классы которых в средние века создали Казанское ханство.

В послеоктябрьский период, в связи с созданием советской государственности народов региона, буржуазные историки начали анализировать также вопросы национальных движений и национально-государственного строительства. Это были, в первую очередь, представители белой эмиграции, работы которых, изданные за рубежом, отличались в целом скудостью и тенденциозным подбором источников, антисоветскими выпадами и озлобленностью. Именно в их работах впервые были изложены основы концепций, получивших позднее широкое распространение в буржуазной исторической литературе.

Однако, не все части антисоветской эмиграции сыграли одинаковую роль в зарождении и становлении буржуазной историографии народов региона. Русская белая эмиграция, настроенная в основном шовинистически, имела своим идеалом восстановление «единой и неделимой России». Отсюда — ее пренебрежитель-

ное отношение к истории населяющих страну нерусских народов, их настоящему и будущему. Эмигрантские политические деятели и историки (П. Милюков, А. Керенский, Ф. Дан и др.) как правило, использовали в своих сочинениях отдельные факты из истории народов региона в качестве «доводов» против большевистской национальной политики.

Так, бывший лидер кадетской партии, известный буржуазно-либеральный историк П. Милюков в книге «Россия на переломе» пытался утверждать, что якобы Временное буржуазное правительство намеревалось приступить к решению национального вопроса в России, но этому помешали пришедшие к власти «неразумные» большевики, которые «в противоречии с русской реальностью», пошли на несоразмерно большие уступки нерусским народам: в частности, «они выкопали из истории и воскресили целый ряд древних народностей и создали из них ряд «автономных областей и республик...» (в качестве примера кадетский историк ссылался, наряду с другими республиками и областями, также на Башкирскую и Татарскую республики, Чувашскую и Марийскую автономные области)¹. В рассуждениях буржуазно-либерального историка нет и тени понимания того обстоятельства, что при Советской власти нерусские народы страны впервые стали равноправными, превратились в носителей национального суверенитета.

В унисон кадетскому лидеру, но более откровенно, выступил бывший глава Временного правительства А. Керенский. Обвиняя буржуазную эмиграцию тюркских народов в «покушении на цельность Российской федерации», Керенский патетически вопрошал: «Ну как в самом деле можно мыслить себе «независимую Казань»? Как можно во имя интересов семимиллионного меньшинства провоцировать, вызывать к себе искусственно «вражду» окружающего подавляющего большинства, веками уже сжившегося и сроднившегося с желаниями мифического Идель * — Урала?»².

На аналогичной точке зрения стоял и автор памфлета «Турция и пантурсизм» (Париж, 1930 г.) дашнакский политический деятель Зареванд, рассматривавший

* И д е л ь — татарское название Волги.

историю национальных движений среди тюрков России с точки зрения недопустимости осуществления их планов. На эту сторону вопроса в свое время обратила внимание и белоэмигрантская азербайджанская печать³.

Несколько по-иному подходили к данному вопросу представители так называемой «евразийской школы» белоэмигрантской историографии. Признавая, что при Советской власти впервые «разные туранские народы, татары, киргизы, башкиры, чувашы, якуты, буряты, монголы стали участвовать наравне с русскими в общегосударственном строительстве...», «евразийцы» в то же время видели в советской национальной политике некое сочетание политических традиций допетровской Руси с государственным курсом Петра I. Сторонники этой школы приходили в конечном счете к выводу, что «Советская власть все же находится всецело во власти недавнего прошлого и продолжает старый курс, хотя и в новой форме»⁴.

Проблемы истории народов Поволжья и Урала советского периода получили более развернутое отображение в сочинениях представителей буржуазно-националистической эмиграции. При этом, конечно, недопустимо принципиальное противопоставление «трудов» представителей нерусской буржуазно-помещичьей эмиграции сочинениям представителей русской и прочей контрреволюционной эмиграции, так как их философская и политическая основа одна и та же: идеализм и метафизика, антикоммунизм и антисоветизм. Против подобной ошибки предостерегал и Г. Ибрагимов, указывая, что, несмотря на некоторые (несущественные) различия, политическая основа эмигрантской буржуазной историографии едина. Это — «очернительство революции и Советов, защита капитализма, восхваление буржуазной культуры, хуление диктатуры пролетариата»⁵.

Одна из первых работ, написанных представителями тюркской контрреволюции по социально-политическим проблемам «своих» народов — это книга татарского эмигранта-богослова М. Бигиева «Азбука ислама» (1923 г.). В ней предпринята попытка рассмотреть политические события 1917—1920 гг. в России, в том числе и в Волго-Уральском регионе, с точки зрения «соответствия» их канонам ислама. Одновременно Би-

гиев предстает перед читателями и как пантюркист, так как причисляет все тюркские народы к «единой нации».

Бигиев в своей брошюре замахивается на критический разбор таких крупных теоретических и политических проблем, как теория классовой борьбы К. Маркса, вопрос о формах собственности, о переходе от одного общественного строя к другому, о соотношении буржуазной демократии и диктатуры пролетариата, о национальных идеалах ранее угнетавшихся в России народов и т. д. Ответы, которые даются в книге Бигиева на эти вопросы, отражают коренные интересы эксплуататорских классов вообще и буржуазно-помещичьей верхушки тюркских народов — в особенности: частная собственность священна и неприкосновенна; классовая борьба — выдумка коммунистов; революции — результат случайного стечения обстоятельств; буржуазная демократия всегда предпочтительнее диктатуры пролетариата; интересы всех классов тюркского народа едины; национальная политика большевиков, как и вся их политика в целом, противоречит исламу, так как она, дескать, является «продолжением» шовинистической и русификаторской политики царизма⁶.

В «трудах ученых» представителей белой эмиграции впервые были изложены, таким образом, теоретические и методологические основы буржуазной историографии народов Поволжья и Урала. В ней в зародышевой форме содержатся многие из тех концепций, которые позднее получили права гражданства в буржуазной науке Запада.

Сами исторические события больше отображены в книгах и статьях А. Баттала-Таймаса, З. Валиди, Г. Исхаки и других историков и политических деятелей. В эмигрантской историографии 20—30-х годов подвергся рассмотрению ряд проблем истории народов Поволжья и Урала: возникновение и развитие национальных движений, политические и социально-экономические мероприятия Коммунистической партии и Советского правительства, проблемы культурной революции и некоторые другие. Буржуазные историки умышленно не затрагивали вопросы истории победы Великой Октябрьской социалистической революции, ограничиваясь

утверждениями об установлении «большевистского руководства», «красной диктатуры» и т. п. При этом большевистское правительство изображалось как антидемократическое учреждение, навязанное сверху силой всем народам страны. Именно в те годы в среде буржуазной эмиграции зародился миф о том, что будто бы победа и упрочение Советской власти в Поволжье и на Урале произошли «после ряда боев» с «национальными» воинскими частями⁷.

Внимание буржуазных историков особенно часто привлекал вопрос о причинах, обусловивших поражение пантюркистского движения за создание так называемого «Идель — Уральского Штата». Наряду с отказом Советского правительства признать гегемонистские планы пантюркистски настроенной татарской буржуазии назывались и другие негативные факторы, как-то: нежелание башкирских буржуазных лидеров сотрудничать с татарскими лидерами и «неуступчивая политика» белых генералов в отношении нерусских народов. Эта концепция «трех факторов», впервые изложенная в книге А. Баттала-Таймаса «Тюрки Казани» (Стамбул, 1925 г.), находится (правда, с различными модификациями) на вооружении буржуазной историографии до сих пор.

В целом научный уровень (даже по буржуазным меркам) эмигрантской историографии был невысок, он страдал бросающейся в глаза односторонностью и тенденциозностью, примитивными рассуждениями и выводами.

Что касается профессиональных буржуазных историков Запада, то история народов Поволжья и Урала советского периода не сразу привлекла их постоянное внимание. В первое десятилетие после Октябрьской революции отдельные упоминания и факты из жизни этих народов встречались, главным образом, в ориенталистских журналах типа «Ориенте модерно» (Италия), «Дер нойе ориент» (Германия), «Ревю дю монд мусульман» (Франция) и т. п. В основном они относились к истории национального движения, а также вопросам этнографии и культуры. Так, например, журнал «Дер нойе ориент» («Новый Восток») в октябрьском номере за 1917 год поместил статью под названием

«Конгресс магометан России в Казани»⁸. Итальянский журнал «Ориенте модерно» («Современный Восток») в томах VII (№ 4) и IX (№ 2) напечатал сообщение некоего Н. Дмитриева по фольклористике и лингвистике башкир, а в томе VI (№ 10) познакомил своих читателей со статьей о татарском фольклоре М. Губайдуллиной и К. Губайдуллина⁹. Отдельные материалы и факты по истории национального движения татар и башкир встречались также на страницах немецкого журнала «Ди нойе вельт» («Новый мир») ¹⁰. По объему и значимости помещаемых материалов о народах региона в те годы на первом месте, пожалуй, находился «Ревю дю монд мусульман» («Журнал мусульманского мира»). Судя по указателю, за первые двадцать лет своего существования (1906—1926 гг.) журнал хотя бы по одному разу упоминал о всех народах Волго-Уральского региона. Но основное свое внимание он уделил, конечно, народам, исповадовавшим ислам. Так, в журнале неоднократно печатались материалы, относившиеся к истории национальных движений башкир и татар и роли в них буржуазно-националистических лидеров ¹¹. Среди опубликованных материалов нужно отметить статьи Ж. Кастаня, являвшегося французским атташе и находившегося в годы гражданской войны в Советской Средней Азии. Вышедший в октябре 1922 г. под заголовком «Большевизм и ислам» 51-й том журнала целиком был отведен для публикации работы Кастаня «Советские организации мусульман России». Свою обширную статью (фактически книгу) французский историк посвятил основным актам национальной политики КПСС первых лет Советской власти и истории образования национальных республик мусульманских народов России, в том числе татар и башкир. Через статью Кастаня буржуазные читатели могли ознакомиться с подлинными документами советской национальной политики — «Декларацией прав народов России», Обращением Совнаркома «К трудящимся мусульманам России и Востока», соглашением Советского правительства с башкирским правительством от 20 марта 1919 г. о советской автономии Башкирии, декретом ВЦИК и СНК от 27 мая 1920 г. об образовании Татарской АССР и другими. «Журнал мусульманского мира» в т. 56-м (дек. 1923 г.) опубликовал статью Кастаня

«Россия славянская и Россия тюркская», в которой между прочим говорилось о политической деятельности татарской буржуазии в царской России в период после революции 1905 года.

Отмечая наличие в работах Кастаня определенной документальной базы, нельзя в то же время не заметить его приверженности к сообщениям империалистической и белогвардейской прессы. Так, в том же самом журнале в 1925 году Кастань со ссылкой на белогвардейские органы печати писал о формировании в Поволжье советской армии «Интернационал», состоящей из военнопленных немцев и мадьяр, татар и представителей других народов Поволжья и подготавливаемой якобы на случай... вторжения в Индию (!). ¹²

Все материалы буржуазных журналов, имеющие отношение к СССР, были проникнуты духом антисоветизма. Более того, большинство из них определялось интересами империалистической политики. Так, например, немецкий буржуазный ученый Г. Кампфмейер откровенно признавал, что ориенталистский журнал «Ориенте Модерно» «без сомнения, в сильной степени вызван к жизни из-за политического интереса» ¹³. То же самое можно было бы сказать и о немецких «научных» изданиях. Например, «Журнал по геополитике», публикуя схематическую карту Советского Союза с обозначением зоны черноземья (в нее были включены также территории Башкирской и Татарской АССР и Чувашской Автономной области), писал о советском государстве как об «аграрной стране первого ранга, естественной кладовой зерна и масла Европы», которая в то же время якобы «десятилетиями всегда вновь охвачена тяжелым социально-политическим кризисом...» ¹⁴. Другой немецкий журнал «Остойропа» («Восточная Европа») в декабрьском номере 1934 года сообщал об открытии новых месторождений нефти в Волго-Уральском регионе и завершении строительства железной дороги «Уфа — Ишимбаево» ¹⁵. Эти и подобные им заявления и сообщения немецких журналов не были проявлением платонического интереса к Восточной Европе, они исходили в конечном счете из программы территориальных захватов, изложенной в книге А. Гитлера «Моя борьба»: «Мы приостанавливаем вечное германское движение на юг и Запад Европы

и устремляем взор на земли на востоке. Мы окончательно рвем с колониальной и торговой политикой довоенного времени и переходим к земельной политике будущего»¹⁶.

После прихода фашистов к власти в Германии система «остфоршунга» стала составной частью политики «Дранг нах Osten» («Натиск на Восток»). В глазах руководителей фашистского рейха восточные районы СССР приобретали важное военно-стратегическое значение. В связи с этим немецкие буржуазные ученые заметно усилили свое внимание к национальному вопросу в СССР вообще и к истории тюркских народов в частности. «Выполняя социальный заказ правящих кругов, буржуазные историки в 30—40-х годах опубликовали ряд книг и статей. Среди них в первую очередь нужно назвать книги Г. фон Менде «Национальная борьба тюрков России» (1936 г.) и «Народы Советского Союза» (1939 г.).

Наиболее крупной из них являлась книга о тюрках России. Она вызвала восторженные отзывы в буржуазной печати. Рецензенты отмечали довольно значительную источниковую базу работы и даже утверждали, что будто бы автору «удалось набросать точную и ясную картину истории национальной мысли»¹⁷.

В центре внимания Менде — деятельность буржуазии тюркских народов России. Он довольно подробно рассматривает вопросы, связанные с зарождением панисламистского и пантюркистского движений, рассказывает о съездах мусульманской буржуазии, знакомит с ее лидерами. Сами тюркские народы, в том числе татар и башкир, Менде изображает как почти недифференцированную массу, покорно идущую за «своей» буржуазией.

Не отвергая прямо концепцию «трех факторов», Менде в то же время видит главную причину поражения националистических движений в России в действиях иных, более кардинальных причин. По его мнению, буржуазно-демократическая революция в России пришла к тюркским народам «на несколько десятилетий раньше», т. е. тогда, когда они еще не успели достигнуть определенного уровня социально-экономического и политического развития¹⁸. Кроме того, указывал Менде, тюркские народы России в силу внутреннего положе-

ния своего региона не смогли опереться в борьбе за создание своей государственности на немецкие штыки — как это сделала буржуазия Польши, Прибалтики и Финляндии в 1917—1918 годах¹⁹. Это высказывание немецкого профессора приобретало злобный анти-советский смысл в условиях подготовки фашистской Германией войны против СССР.

Советский период в истории народов СССР Менде изображает как мрачную картину их подавления и русификации «безнациональным» коммунистическим правительством. Немецкий антисоветчик совершенно бездоказательно утверждал, что будто бы с созданием РСФСР «право (народов.— Авт.) на самоопределение стало иллюзорным», что создание СССР якобы означало «победу централизаторского принципа»²⁰ и т. д. Тем самым он стремился замолчать тот факт, что централизм советского государства является демократическим, что он не исключает, а предполагает право на самоопределение наций. Симпатии немецкого остфоршера всецело на стороне буржуазных националистов и национал-уклонистов. Менде одним из первых в западной буржуазной историографии затронул вопрос о татарском буржуазном националисте Султан-Галиеве. Таким образом, политическая направленность книги Менде полностью соответствовала внешнеполитическим установкам военно-государственного руководства «третьего рейха».

Антисоветская сущность концепций Менде получила дальнейшее развитие и конкретизацию в его следующей книге, увидевшей свет в год подписания пакта о ненападении правительствами Германии и СССР. Не случайно на суперобложке книги сделана наклейка «секр.» (—етно): автор высказал в ней то, чего он не договаривал в «Национальной борьбе тюрков России».

По содержанию вторая книга Менде заметно отличается от первой: исторические сведения имеют в ней подчиненное значение, главное внимание уделено современности. Повествование ведется о всех народах Советского Союза, которых автор разделил на 12 групп: русских, украинцев, тюрков, финские народы и т. д. Менде обращает внимание читателей на то обстоятельство, что важнейшие залежи полезных ископаемых СССР находятся в районах с нерусским населением

(например, нефть — в Азербайджане и Башкирии, бронза — в Башкирии, медь — в Казахстане и т. д.). По утверждению Менде, нерусские народы СССР якобы не имеют возможности использовать эти богатства для повышения собственного благосостояния. Кроме того, Менде пытался создать впечатление, что будто бы национальные культуры народов испытывают сильное давление политики русификации. Правовое положение народов СССР фашистский профессор изображал как «колониально-подобную зависимость от центральной власти»²¹. Снова, как и в предыдущей работе, только в более грубой форме, Менде стремился противопоставить центральные общесоюзные и общереспубликанские органы органам союзных и автономных республик, обходя полным молчанием тот факт, что центральные органы Советской власти конструируются из представителей с мест, что поэтому центральная власть не противостоит интересам народов, а, напротив, выражает единство их действий в защите национального суверенитета, в обеспечении своей обороны, в совместном строительстве социализма и коммунизма. Клеветнические утверждения понадобились Менде для доказательства тезиса, что якобы «живущие в Советском Союзе нерусские народы должны рассматриваться поэтому как сильнейшие взрывные силы в отношении сферы большевистского господства»²². Еще более прозрачно выражалась одна из надписей на суперобложке книги: «С 1917 года национальное сознание большинства нерусских народов в СССР пробудилось: его нужно поддержать!» Не вызывает сомнения, что среди фашистских политиков, дипломатов и генералов, к которым была адресована книга Менде, не было двух мнений относительно способов «поддержки» национального сознания нерусских народов. Тенденциозный антисоветский характер книги Менде настолько очевиден, что даже американский «советолог» Р. Пайпс, известный своими антикоммунистическими взглядами, после ознакомления с нею охарактеризовал ее как «национал-социалистическую точку зрения»²³ (т. е. фашистскую точку зрения).

В предвоенные годы вопросов истории народов Поволжья и Урала советского периода попутно касались и другие немецкие буржуазные историки и пуб-

лицисты (И. Бенцинг, Г. Симон, П. Шмитц и т. д.). По мере роста реваншистских настроений в Германии и усиления захватнических appetитов правящей фашистской клики буржуазная историография все больше теряет остатки былого «академизма», ее тон становится все более развязным, а утверждения — все более провокационными. Такова, например, статья И. Бенцинга «Большевизм, тюркские народы и ислам», в которой тенденциознейшее изложение вопроса о положении «мусульманских» народов в СССР перемежается с открытыми призывами к саботажу мероприятий Советской власти на предприятиях промышленности и сельского хозяйства²⁴.

О том, что немецкая буржуазная историография все больше превращается в военно-прикладную науку фашизма, свидетельствовала и книга буржуазного ориенталиста Б. Шпулера «Идель-Урал», изданная в Берлине в 1942 г. В ней содержались некоторые сведения по истории народов Волго-Уральского региона. Особое внимание уделялось истории русского завоевания и русско-татарским отношениям, делался акцент на «русское», а затем и «большевистское» господство, говорилось о национальных движениях. К книге были даны обширные приложения, в том числе приводились многочисленные цифровые данные по административно-территориальному делению ТАССР: площадь каждого района, число деревень и сельских Советов, количество жителей, их деление по национальному признаку. Публиковалась также этнографическая карта республики. На титульном листе книги стоял гриф: «Только для служебного пользования». Эта книга, изданная при прямом участии розенберговского министерства по делам восточных областей, явно предназначалась на случай фашистской оккупации территории Татарии.

В годы войны в фашистской же Германии при содействии ведомства Геббельса были изданы две грязные книжонки изменника Родины Т. Давлетшина-Уязбека «Татарская история» и «Татары — знаменитый народ», которые в целях разжигания национальной вражды распространялись гитлеровцами на оккупированной территории Советского Союза²⁵. Уже в первых своих «работах» Давлетшин выступил как шовинист, отрица-

за всеми народами Поволжья, кроме татар, право на самостоятельное национальное существование. В то же время он стремился убедить своих читателей в том, что будто бы в поддержке германского рейха и его вождя Адольфа Гитлера заключается «единственное спасение тюрко-татарского народа»²⁶.

Великая Отечественная война Советского Союза, показавшая нерушимую прочность советского общественного и государственного строя и развеявшая в прах все расчеты и пророчества недругов социализма, заставила буржуазный мир взглянуть и на национальные отношения в СССР несколько иными глазами. В военные и первые послевоенные годы в западной буржуазной печати появился ряд работ (в том числе Лемона, Лоримера и Романвилля)²⁷, авторы которых сделали попытку отрешиться от затасканных антисоветских штампов. Однако начатая вскоре международным империализмом «холодная война» фактически перечеркнула эти тенденции и выдвинула на первый план в буржуазной науке старые антисоветские концепции разрешения национального вопроса в СССР. Острая потребность в агрессивных антикоммунистических схемах и доктринах вызвала к жизни «историческую» литературу, написанную белоэмигрантами и так называемыми «перемещенными лицами» из числа коллаборационистов и изменников Родины.

Прежде чем охарактеризовать эту литературу, следует отметить, что ее авторы, как правило, не являются профессиональными историками. Они плохо знают историю и совершенно не владеют методами анализа исторического материала и, если и ссылаются на какие-то источники, то не для установления истины, а для того, чтобы заставить читателей поверить в свои измышления. Для них на первом плане стоят не научные (даже в буржуазном понимании), а конъюнктурные политические интересы. Этим продиктована проблематика «исследований», этим же объясняется постоянный выход авторов подобных работ в современность.

Сам метод изложения материала основан у этих авторов на огульном, беспочвенном обвинении Коммунистической партии и Советского правительства во всех «смертных грехах», для них в советской действительности не существует ни одного светлого пятна, все

плохо, всюду они видят проявление «шовинистической» политики КПСС. Эти идеологические диверсанты (Т. Давлетшин, В. Гришко, Г. Файзуллин, А. Хакимов, Б. Мусабаев и др.) принесли в буржуазную историографию ряд наиболее реакционных, наиболее антисоветских концепций.

В условиях «холодной войны» заметно возросла активность профессиональных буржуазных историков. Организация в ряде ведущих капиталистических стран многочисленных государственных центров и институтов, создание крупных фондов для финансирования научных исследований (Форда, Карнеджи и т. д.) способствовали возрастанию роли буржуазной исторической науки в идеологическом противоборстве двух систем. Произошла дальнейшая политизация исторической науки, сближение ее кадров с правительственным аппаратом и возникновение политико-академического комплекса.

В послевоенный период произошло перемещение центра «советологических исследований» из Германии в США и Англию. Это признавали и сами западногерманские буржуазные историки. Так, в одном из западногерманских научных документов начала 50-х годов констатировалось, что «Германия (имеется в виду ФРГ.— Авт.) потеряла свое до этого ведущее место в исследовании Востока...»²⁸ Тем не менее, и в ФРГ продолжали выходить книги и статьи по истории национальных отношений в СССР. Одной из подобных работ была изданная в 1955 году книга Г. Менде «Национальная политика Советского правительства 1917—1953 годов».

Империалистическая политика «холодной войны» вызвала к жизни давно обветшавшие антисоветские схемы и догмы. Снова стали модными утверждения о «советском» или «московском» «империализме», попытки отождествления советской национальной политики с колониальной политикой. Непременным компонентом в рассуждениях апологетов «холодной войны» стал тезис о «тоталитаризме» советской государственной и общественной системы и необходимости ее изменения. Так, например, В. Коларз писал, что только изменение политического строя может гарантировать национальностям СССР сколько-нибудь обеспеченное будущее²⁹.

Буржуазная историография истории народов Поволжья и Урала советского периода также не являлась в этом отношении исключением. Четко прослеживается преемственность между концепциями буржуазных историков довоенного времени и концепциями таких историков, как В. Коларз, Х. Сетон-Уотсон, Б. Мейснер и т. д. В то же время буржуазные авторы стремились создать впечатление объективности своих «трудов» и научности своих выводов, ссылаясь на работы советских авторов и материалы советской печати.

Приемы и методы написания исторических работ периода «холодной войны» можно проследить по книге В. Коларза «Россия и ее колонии» (1952 г.). Английский историк довольно поверхностно освещает вопросы истории национально-государственного строительства, передергивает факты, повторяет домыслы буржуазных идеологов. Например, Коларз делает попытку ответить на вопрос, почему не была создана Татаро-Башкирская Советская Республика. Но вместо анализа причин, которые привели ЦК партии и Советское правительство к пересмотру первоначального решения о создании ТБСР и к выводу о целесообразности образования двух отдельных республик, автор попросту наклеивает пропагандистские ярлыки на важные государственные акты Советского правительства. В его трактовке создание Татарской АССР — это «пробный случай», а Башкирская АССР понадобилась большевикам как «пропагандистский инструмент»³⁰.

Книга Коларза — одна из немногих в буржуазной историографии, в которой, наряду с татарами и башкирами, говорится и о других народах Поволжья и Урала. Для сообщения исторических сведений о мари, мордве, чувашах и удмуртах английский историк применил тот же методологический «ключ», который он использовал в отношении башкир и татар, а именно: он изображает их историю советского периода как проявление «национальной оппозиции» политике партии и Советского правительства. В этих целях Коларз тщательно коллекционирует материалы о «национальных уклонах» в автономных республиках Поволжья и Урала, опубликованные в советской периодической печати тридцатых годов.

Еще в довоенные годы буржуазная историография

проявляла нездоровый интерес к антисоветской эмиграции тюркских народов (работы Б. Шпулера, И. Бенцинга, Г. Менде). В условиях, когда силы махровой империалистической реакции организовали настоящий антикоммунистический шабаш, спрос на литературу об антисоветских зарубежных организациях и их деятельности несказанно повысился. Появляется ряд работ, в которых определенное место отводится освещению истории контрреволюционной эмиграции тюркских народов Поволжья и Урала и ее лидеров. К литературе подобного рода относятся книги Р. Смол-Стоцки «Национальная проблема Советского Союза и русский коммунистический империализм» (Милуоки, 1952) и Ч. Хостлера «Тюркизм и Советы» (Лондон, 1957).

В послевоенный период заметный интерес к истории народов Поволжья и Урала стала проявлять американская буржуазная историография. Официально провозглашенная Вашингтоном политика «отбрасывания» коммунизма и «освобождения угнетенных народов России» не могла не оказать влияния и на реакционных буржуазных историков США. В частности, в июле 1959 г. американский конгресс принял закон о «неделе угнетенных наций» мира, среди которых значатся и нации «Волго-Урала»³¹. Появляется ряд исследований по истории советского национально-государственного строительства, в том числе и тюркских народов СССР (Р. Пайпс, Ч. Хостлер, Ф. Баргхорн и др.).

Реакционная буржуазная историография внесла свою лепту в идеологическую обработку общественного мнения капиталистических стран в духе крайнего антикоммунизма и антисоветизма. Однако ей, как и буржуазному пропагандистскому комплексу в целом, становилось все труднее замалчивать и искажать успехи реального социализма, не считаться с их влиянием на страны так называемого «третьего мира». С позиций примитивного антикоммунизма невозможно было объяснить, каким образом национальная политика КПСС обеспечила социальный, экономический и культурный прогресс народов СССР, в том числе и народов Поволжья и Урала. С другой стороны, последовательная и принципиальная внешняя политика КПСС и Советского правительства обусловила провал «жесткого» курса империалистических стран на «отбрасывание» и «сдер-

живание» коммунизма. В этих условиях для наиболее дальновидных буржуазных идеологов становилось все более насущной необходимостью перехода на рельсы «гибкого», «академического» антикоммунизма.

«Гибкий» антикоммунизм не сводился лишь к признанию отдельных положительных результатов социалистического и коммунистического строительства в СССР и других социалистических странах. Он исходил также из необходимости замены крайне тенденциозных, не прикрыто антисоветских доктрин и концепций более усложненными и более наукообразными. В этом отношении показательна, например, статья американского историка Р. Пайпса «Первый эксперимент в советской национальной политике, Башкирская республика 1917—1920 годов».

Автор не скрывает своих антикоммунистических убеждений. Он буквально обрушивается на советских историков, обвиняя их в «искажениях» и даже «фальсификации» истории национальных отношений в СССР³². В то же время антикоммунистические концепции Пайпса заметно отличались от концепций буржуазных авторов, выступавших в печати до него.

В своей статье Пайпс открыто не обвиняет Советское правительство в «шовинистических устремлениях», как это делали многие буржуазные историки. Он даже отмечает, что Башкирская Советская республика имела «нескольких влиятельных друзей в центре, среди них Ленина...»³³. Однако, указывает Пайпс, в местных партийных и советских органах существовало будто бы засилье русских и татарских элементов, которым была не по душе башкирская автономия. К концу гражданской войны якобы изменило свое отношение к автономии и Советское правительство. В результате башкирская советская автономия стала фикцией... Эта концепция была включена Пайпсом в главу четвертую его монографии «Образование Советского Союза. Коммунизм и национализм. 1917—1923» (Нью-Йорк, 1954), в которой говорится также о башкирской и татарской автономных республиках.

Схема Пайпса, построенная на передержках и прямой фальсификации исторических источников, вызвала, однако, и критические замечания со стороны объективистски настроенных буржуазных историков. Так, из-

вестный английский историк Э. Карр, отметив, что статья Пайпса «в некоторых аспектах является еще несовершенной и односторонней»³⁴, указал на целый ряд конкретных искажений источников и их подлинного смысла. Но большинство буржуазных историков одобрительно отозвалось о концепциях Пайпса по национальному вопросу. Его монография была признана «хорошо документированной» и «объективной» работой, «скрупулезным и тщательным научным исследованием»³⁵.

Но «гибкий» антикоммунизм еще не был характерен для буржуазной исторической науки начала 50-х годов, почти всецело находившейся во власти «холодной войны». Да и в самих работах Пайпса сильны мотивы и схемы старого, твердолобого антикоммунизма³⁶. Как течение в буржуазной науке «гибкий» антикоммунизм утверждается в конце пятидесятых — начале шестидесятых годов. К этому времени ясно определился крах политики «с позиции силы» в отношении Советского Союза, возрос его международный авторитет. На мировую арену вышли независимые государства Востока, стала налаживаться их дружба с нашей страной. Это обстоятельство породило среди буржуазных политиков и историков стремление выяснить, так сказать, теоретические основы дружественных отношений между исламскими странами и социалистическим Советским Союзом. Перед буржуазной исторической наукой была поставлена задача — объяснить «успех коммунистического учения среди русских мусульман после 1917 года и... среди их братьев на Среднем Востоке в последующие годы»³⁷.

Постановка в буржуазной науке вопроса о соотношении ислама и коммунизма дала сильный импульс к изучению истории тюркских народов СССР. Возникает тенденция к более углубленному, чем прежде, рассмотрению истории отдельных тюркских народов, особенно в плане их сотрудничества с Коммунистической партией и Советским правительством.

В концептуальном плане наметились различные подходы к данному вопросу. Американский историк С. Зеньковский, например, считал «странным феноменом» «союз между консервативными мусульманскими клерикалами и коммунистами»³⁸, не видя в этом проявления союза между российским пролетариатом и

национально-освободительным движением народов Востока. Для объяснения причин этого союза Зеньковский пытается путем схоластического теоретизирования отыскать «черты общности» между коммунистической идеологией и исламом, приписывая им «космополитизм», «антинационализм», «авторитаризм», «утопизм» и т. п.³⁹ Эта антинаучная попытка американского историка вызвала критические отклики даже среди его коллег. Так, Х. Кон отметил, что Зеньковский «чрезмерно подчеркивает предполагаемые черты сходства исламской традиции и коммунистической идеологии». В то же время сам Кон утверждал, что будто бы черты такого же сходства существуют также между марксизмом-ленинизмом и христианством. На этом основании американский историк приходил к выводу о необходимости искать другие причины успеха коммунистической пропаганды среди мусульман России в 1917 году.⁴⁰

По мнению французских историков А. Беннигсена и Ш. Лемерсье-Келькеже, причины успеха коммунистической идеологии среди восточных народов коренятся якобы в том, что они как жертвы чужденационального колониального гнета являются «пролетарскими» народами. Исходя из этого тезиса, принадлежавшего татарскому буржуазному националисту Султан-Галиеву, Беннигсен и Лемерсье-Келькеже оправдывали существование особого, синтезированного с исламом, «азиатского коммунизма», будто бы «близкого» и «понятного» угнетенным нациям.⁴¹

Таким образом, буржуазные историки оказались бессильными объяснить на основе идеалистической философии истории теоретические основы союза народов Востока с социалистическими государствами. Тем не менее, в опубликованных ими работах собран значительный, по сравнению с предыдущими историками, материал по истории тюркских народов СССР, в том числе татар и башкир. Так, С. Зеньковский приводит в своей книге отдельные данные об экономическом и культурном развитии татар в XIX—XX веках, рассказывает о некотором их участии в революции 1905—1907 гг. Особенно большое внимание автор уделяет национальному движению татар и башкир, закончившемуся, однако, созданием их советской государствен-

ности. В связи с этим американская буржуазная научная общественность дала высокую оценку труду Зеньковского, указав, что он базируется «на внимательном и обширном научном исследовании» и потому «на длительное время останется авторитетным источником для изучающих национализм...».⁴² В то же время от внимания американских историков не ускользнуло то существенное обстоятельство, что все эти вопросы освещены Зеньковским с позиций антикоммунизма. Так, один из рецензентов его книги отметил, что личное знакомство автора с тюркскими эмигрантскими деятелями «прибавило... тон симпатии к его научной обработке предмета».⁴³

В монографиях Беннигсена и Лемерсье-Келькеже «Султангалиевщина в Татарии» (Париж, 1960 г.) и «Пресса и национальное движение у мусульман России до 1920 года» (Париж, 1964 г.) приводится довольно значительный фактический материал о классах татарского общества, о развитии рабочего и социал-демократического, а еще больше — национального движения, о развитии национальной прессы, об этапах создания татарской и башкирской советской государственности. В них содержатся также некоторые сведения из истории татарской областной партийной организации. Но изложение этого материала подчинено у французских историков реализации определенного политического замысла: отрицанию контрреволюционной сущности национализма, в особенности султангалиевщины.

Если в названных трудах французских историков еще содержались некоторые, так сказать, «либеральные» мотивы, то их уже не стало в последующих работах. Это относится, в частности, к книге Беннигсена и Лемерсье-Келькеже «Ислам в Советском Союзе» (Лондон, 1967 г.), предметом которой является, как определили сами авторы во введении, история реформистских и социалистических движений в мусульманском мире. Тон работы сразу же задает предисловие, написанное известным антисоветчиком, директором исследовательского центра по изучению Средней Азии полковником Д. Уилером, который, например, безапелляционно отождествляет коммунизм с империализмом, а национальную политику КПСС и Советского правительства — с колониальной политикой царизма.⁴⁴ В труде

исчезли нюансы, смягчавшие прежние утверждения авторов, изложение мыслей приобрело более жесткий и однозначный характер. Так, Беннигсен и Лемерсье-Келькеже, которые, например, прежде писали, что Татаро-Башкирская Советская Республика не была создана в силу действия целого ряда политических факторов⁴⁵, стали однозначно и совершенно бездоказательно утверждать, что это произошло только из-за «официальной оппозиции большевистских лидеров»⁴⁶.

В результате появления работ Р. Пайпса, С. Зеньковского, А. Беннигсена и Ш. Лемерсье-Келькеже буржуазная историография народов Поволжья и Урала несколько обновила свой концептуальный багаж с учетом изменения политической обстановки в мире. Во всяком случае, ссылки на книги и статьи указанных авторов встречаются в современной буржуазной историографии довольно часто.

В послевоенные годы отдельные буржуазные историки и филологи стали проявлять определенный интерес, кроме татар и башкир, также к другим народам Поволжья и Урала. Так, в самом начале 50-х годов увидела свет небольшая статья Б. Шпулера о мордве. Несколько позднее в США была переиздана «Первая марийская грамматика» 1775 года со введением и другими материалами Т. Себеока и А. Рауна. В 60-х годах была опубликована довольно объемистая книга американского специалиста Д. Крюгера «Чувашский учебник», в которой, наряду с географическими и филологическими материалами, приводились сведения по истории Чувашии, носящие фрагментарный характер.

В последнее десятилетие внимание буржуазных советологов стали привлекать более частные проблемы. Например, западно-германские историки П. Мюлен и И. Хофман опубликовали монографии об участии восточных народов Советского Союза во второй мировой войне. Причем это «участие» предстает в весьма неприглядном свете, лишь как служба военнопленных в созданных фашистским командованием «остлегионах». Несмотря на различные оговорки, речь идет о попытке оправдать предательство в годы войны. Поэтому доцент Иенского университета (ГДР) Клаус Ремер, написавший рецензию на книгу Мюлена «Между свастикой и советской звездой» (Дюссельдорф, 1971), определил

как основную цель монографии стремление «выпятивать давно забытых антисоветских изменников и коллаборационистов прошлого», внушить читателям мысль, что «будто бы эти элементы, а не миллионы смелых советских солдат, партизан, рабочих и колхозников всех советских наций, руководимых Коммунистической партией Советского Союза, написали страницы истории второй мировой войны и особенно Великой Отечественной войны Советского Союза»⁴⁷.

Советологи стали затрагивать также отдельные проблемы культурного строительства среди народов Поволжья и Урала. Так, статья английского автора Б. Сильвера, посвященная вопросам школьного образования в СССР, хотя и отвергает тезис антисоветчиков о мнимой русификаторской национальной политике КПСС, в то же время берет под сомнение ее глубоко демократический характер. С этих позиций делается вывод о том, что будто бы «будущее большинства национальных языков в СССР относительно смутно»⁴⁸. В другой статье, опубликованной в 1974 году во французском «советологическом» журнале «Кайе дю монд рюс э советик» («Тетради русского и советского мира») некто А. Рорлич пытался воссоздать искаженный политический облик выдающегося татарского ученого, писателя и общественного деятеля Г. Ибрагимова.

В буржуазной историографии наряду с умеренно-либеральными концепциями продолжают существовать и концепции твердолобого антикоммунизма. Правда, некоторые из советологов пытаются несколько «осовременить» свои работы либо признанием отдельных достижений советского общества в социально-экономической и культурных областях (С. Гарип), либо путем отказа от своих прежних наиболее одиозных концепций (Т. Давлетшин). Так, Давлетшин в своей книге «Советский Татарстан. Теория и практика ленинской национальной политики» (Лондон, 1974) уже не осмеливается открыто высказываться за создание Татарской АССР в границах Булгарского или Казанского ханства, как прежде, видимо, учитывая обвинения советских историков в великодержавном татарском шовинизме. Тем не менее, сущность его концепций пронизана тенденциозным антикоммунизмом и антисоветизмом. Не случайно партийно-советская печать, характеризую книгу

Давлетшина, писала: «В новом своем «труде» предатель Давлетшин, давно и навсегда оторвавшийся от своего народа, не имеющий абсолютно никакого представления о его сегодняшнем дне, еще раз пытается бросить тень на ленинскую национальную политику Советского государства, приписывая ей цели сознательного ущемления прав, «дискриминации, насильственной ассимиляции и русификации» татарского народа, преднамеренной ликвидации татарской национальной культуры»⁴⁹. Антисоветскую направленность книги Давлетшина признает и буржуазная печать, пытаясь одновременно создать впечатление, что якобы его «труд» представляет «немного больше, чем пропагандистскую обличительную речь»⁵⁰.

С позиций дремучего антикоммунизма написана книга татарского белоэмигранта А. Акыша «Иск Идель-Урала и советский империализм» (Анкара, 1963 г.). Читая эту книгу, не можешь овсободелиться от впечатления, что взгляды его автора законсервировались где-то на уровне начала двадцатых годов. Безудержный антикоммунизм и национализм, часто ничем необоснованные утверждения, невежественное высокомерие и демагогия присущи книге Акыша.

Интересы эффективной борьбы против антикоммунизма и антисоветизма требуют хорошего знания взглядов, приемов фальсификации наших идеологических противников. Одни антикоммунисты применяют методы грубой фальсификации, другие же — более утонченные и наукообразные, одни искажают сами источники, другие дают искаженное толкование смысла источников и т. д. На наш взгляд, успешная борьба с идеологическими извращениями невозможна без дифференцированного подхода к оценке советологов, без умения различать их методологию и направления.

Это — сложный вопрос, поставленный самой жизнью. Советским обществоведам предстоит еще немало потрудиться над его решением.

Х. Ш. Иноятв в основу деления буржуазных историков на группы кладет признак обоснованности их утверждений ссылками на определенные источники и литературу. С этой точки зрения он различает среди советологов три группы: первую — голословно рассуждающих об исторических событиях, вторую — ссылаю-

щихся на авторитет лиц, враждебность которых к Советскому Союзу хорошо известна (т. е. на буржуазных националистов, военных преступников и изменников Родины) и третью — буржуазных историков, подводящих под свои «исследования» «документальную базу со значительным количеством ссылок и сносок»⁵¹.

И. С. Зенушкина подходит к делению буржуазных историков с точки зрения их происхождения. В одну категорию она объединяет буржуазных националистов-эмигрантов и членов их семей, в другую — иностранных специалистов-историков⁵².

Среди советских историков часто встречается деление советологов по характеру их взглядов, по их мировоззрению. Так, М. А. Абдуллаев относит к откровенно реакционному направлению, «отвергающее марксизм с порога». Либеральным он называет такое направление среди буржуазных историков, которое на словах признает кое-какие успехи социализма, а на деле — тонко фальсифицирует его достижения⁵³.

М. И. Куличенко предложил положить в основу деления буржуазных историков на группы методику, приемы фальсификации ими исторического материала: первое направление, — злобствующий антикоммунизм, не признающий никаких достижений народов при социализме; второе направление — умеренное, либерально-буржуазное, частично признающее прогрессивные преобразования на базе социализма; третье направление — играющее в эффективность, но на деле верой и правдой служащее делу капитализма и его борьбы с коммунизмом; четвертое — ревизионистское и националистическое, осуществляющее политику антикоммунизма и антисоветизма якобы с позиций марксизма-ленинизма⁵⁴.

К сожалению, предложенное М. И. Куличенко деление не позволяет четко отделить третье направление от второго, а четвертое лежит вне пределов чисто буржуазной науки. Со своей стороны, мы предлагаем в зависимости от тона изложения, способа использования советских источников и характера оценок и выводов разделить всех буржуазных историков на три основные группы. К первой группе отнести оголтелых антисоветчиков-эмигрантов и перемещенных лиц, а также тех профессиональных буржуазных историков, которые

грубо фальсифицируют историю, явно искажают ленинскую национальную политику Коммунистической партии. Во вторую группу объединить тех буржуазных ученых, которые, хотя и стоят на позициях антикоммунизма, но так или иначе вынуждены признавать отдельные негативные моменты в политике буржуазии и ее партий. Некоторые сторонники этого либерального направления признают частично достижения советских народов в социально-экономической и культурной областях. Наконец, третью (самую малочисленную группу) образуют среди буржуазных ученых объективисты. Для них характерно, в отличие от сторонников буржуазно-либерального направления, отсутствие видимого антисоветизма и заимствование у советских ученых отдельных положений и выводов. В частности, это характерно для английского историка Э. Х. Карра.

Естественно, такое деление буржуазных ученых на группы носит условный характер. Нельзя не учитывать происходящую эволюцию взглядов буржуазных историков. Нередко непоследовательность и противоречивость взглядов отдельных ученых затрудняет отнесение их к определенной группе. Видимо, имеются и переходные типы из одной группы в другую. Во всяком случае, не претендуя на окончательный характер предложенного деления советологов на группы, автор стремился выработать схему, удобную для практического пользования.

Важное научное и идеологическое значение имеет также вопрос об источниковой основе буржуазной советологии. Характер используемых буржуазными историками литературы и источников иногда помогает лучше понять истоки применяемых ими в идеологической борьбе концепций. Между тем, как отмечалось в нашей исторической литературе, «до сих пор в советских работах, посвященных критике буржуазной историографии, уделялось недостаточное внимание критическому анализу ее источниковой базы»⁵⁵. Исключением являются лишь монография И. С. Зенушкиной и отдельные работы Г. З. Иоффе и Ю. И. Игрицкого. Учитывая важность проблемы, автор данной работы также предпринял попытку внести посильный вклад в ее рассмотрение.

Выше уже говорилось о примитивной источниковой

базе, белоэмигрантских работ 20—30-х годов. Поэтому автор посвящает свой критический разбор библиографии работ наиболее крупных западных буржуазных историков, относящихся к послевоенному периоду.

Прежде всего, рассмотрим библиографию по книге американского историка Р. Пайпса «Образование Советского Союза. Коммунизм и национализм. 1917—1923» (Нью-Йорк, 1954 год). Указанная в книге общая литература по советской национальной политике уже была проанализирована советским исследователем И. С. Зенушкиной, которая пришла к выводу, что из 13 названных американским историком советских работ самая поздняя была опубликована в 1945 году. На основе анализа литературы, относящейся к Октябрьской революции на Украине, И. С. Зенушкина отмечает, что из 63 советских работ 54 вышли в двадцатые годы.

Конечно, пишет советский историк, «при желании Пайпс вполне мог использовать во втором издании своей книги (1964 год) * многочисленные документальные материалы, опубликованные хотя бы к 40-летию Октября. Однако, если судить по американским историческим «исследованиям», подобного рода публикаций не существует. Такой подход американских историков к источникам нельзя расценить иначе, как стремление скрыть от читателя все созданное советской исторической наукой за последние десятилетия».

Особое пристрастие буржуазных обществоведов к советской литературе двадцатых годов, которая содержит большой фактический материал, объективно подрывающий выводы фальсификаторов, советский историк объясняет двумя обстоятельствами: во-первых, недостаточно научным и даже наполовину мемуарным характером советских исторических работ тех лет и, во-вторых, тем, что, в силу особенностей того периода, наша литература уделяла тогда главное внимание выявлению врагов пролетарской революции и меньше внимания — показу участия народных масс в Октябрьской революции⁵⁶.

Указанная тенденция к преобладающему использованию советской литературы двадцатых годов в

* Книга Р. Пайпса издавалась также в 1968 и 1970 годах.

ущерб литературе послевоенных лет вскрывается и при анализе работ, перечисленных Пайпсом по разделу истории волжских татар: из 31 работы 23 относятся к двадцатым годам и только две — к сороковым. По разделу истории башкир американский историк перечисляет 12 советских работ, из них 9 изданы в двадцатых годах и одна — в сороковых годах.

Тенденциозный характер отбора литературы Пайпсом виден и на примере истории чувашей: единственная названная им советская книга «Чувашия» (1926 год) написана националистическим писателем Д. Петровым (Юманом).

Неблагоприятное с точки зрения научных интересов соотношение между советской литературой двадцатых годов и последующих лет характерно и для книги С. Зеньковского «Пантюркизм и ислам в России» (Кэмбридж, 1960 год). По Татарии из 44 названных советских работ 26 были опубликованы в двадцатых годах и только 7 — в пятидесятых. Американский автор не использовал такие важные документальные источники, как «Революционное движение в Татарии в 1905—1907 гг.» (Казань, 1957 г.) и «Татария в борьбе за победу пролетарской революции (февраль — октябрь 1917 г.)» (Казань, 1957 г.) и сборник статей «Татария в дни первой русской революции» (Казань, 1955 г.).

Несколько лучшее соотношение советской литературы двадцатых и пятидесятых годов у Зеньковского в разделе по истории Башкирии — 8:7. Но и в данном случае американский историк прошел мимо ряда важных советских работ, изданных в 50-х годах, в частности, сборников документов и материалов «Подготовка и проведение Великой Октябрьской социалистической революции в Башкирии (февраль — октябрь 1917 г.)» (Уфа, 1957 г.) и «Образование Башкирской Автономной Советской Социалистической Республики» (Уфа, 1959 г.).

Что касается чувашей, то Зеньковский, хотя и упоминает о них в начале своей работы как об одном из тюркоязычных народов, но совершенно не называет ни одного источника по их истории.

Американский советолог при желании мог учесть эти упущения при издании своей работы в 1971 году в переводе на турецкий язык. Вместо этого он просто-

напросто опустил весь научно-справочный аппарат своей книги.

Значительная библиография, относящаяся только к Татарии, указана французскими буржуазными историками А. Беннигсеном и Ш. Келькеже к их книге «Национальные движения у мусульман России. «Султангали-евщина» в Татарии» (Париж, 1960 г.). Однако и здесь проявляется та же закономерность: на 108 названий советской литературы, изданной в двадцатых годах, приходится лишь 42 советские работы, опубликованные в пятидесятых годах. В отличие от названных выше буржуазных историков, Беннигсен и Келькеже в библиографии перечислили многие работы советских историков Татарии, увидевшие свет в послевоенный период. В то же время они указали наибольшее число фальсификаторских работ по истории Татарии, изданных за рубежом. Так, если Пайпс называет по истории Татарии всего 3 работы подобного рода, а Зеньковский — 7, то перечень антисоветской литературы у французских историков содержит 30 названий.

О том, что А. Беннигсен и Ш. Келькеже заняты, говоря словами М. И. Куличенко, лишь «игрой в объективность», свидетельствует более внимательное ознакомление с их приемами использования советской литературы. Можно привести не один пример того, как в угоду своим антисоветским концепциям они кромсают и препарируют утверждения советских авторов. Так поступают они, например, с тем местом в статье В. Грачева, опубликованной в сборнике № 1 (17) «История пролетариата СССР» за 1934 год, где говорится о росте интернациональной сплоченности русских и татарских рабочих в борьбе против царизма и буржуазии⁵⁷. Французские советологи выбрасывают это место из статьи советского автора, чтобы заменить его своим «выводом» о том, что будто бы татарские рабочие «повсюду были изолированы от своих русских товарищей»⁵⁸.

Длинный перечень литературы содержат работы П. Мюлена, Т. Давлетшина и других советологов. Однако количество указанной литературы никогда не переходит в качество, т. е. не повышает научного уровня «трудов» фальсификаторов истории. Их антикоммунистическая, антисоветская направленность от этого нисколько

ко не убывает, а, наоборот, лишь маскируется под «объективность».

Среди буржуазных историков большой популярностью пользуются такие источники, как переписка, беседы и интервью с белоэмигрантами и отщепенцами. Так, например, Ч. Хостлер упоминает в книге о переписке с лидером башкирских националистов белоэмигрантом Заки Валидовым. Он же отмечает, что один из подручных Валидова антисоветчик Тюрккан при написании книги предоставил ему материалы о пантюристах⁵⁹. Патрик фон цур Мюлен при рассказе о деятельности татарского поэта Мусы Джалиля в фашистском плену ссылается как на источник информации на интервью с изменником Родины Султаном Гарипом (подлинное имя и фамилия — Гариф Султанов)⁶⁰. Характер этой информации не вызывает сомнений, если учесть, что С. Гарип — один из тех, кто выдал врагам антифашистскую группу татарского поэта-героя. За эти «заслуги» фашисты наградили предателя бронзовой медалью «За выявление врагов Германии»⁶¹.

Таким образом, источниковая база буржуазной историографии, несмотря на те или иные конъюнктурные вариации, призвана в общем и целом служить советологам фундаментом для конструирования антисоветских схем и концепций или в качестве их камуфляжа. Лишь в очень ограниченном числе случаев отдельные советские издания рассматриваются ими в качестве источников, несущих положительную информацию о социалистическом общественном и государственном строе.

Независимо от того, к какому течению в буржуазной историографии — реакционному или либеральному принадлежит тот или иной историк, его работы имеют антисоветскую, антикоммунистическую направленность. В конечном счете они способствуют удержанию трудящихся капиталистических стран во власти предрассудков и реакционных концепций и тем самым помогают империалистическим правительствам усиливать свое идейное влияние на массы. Одной из целей буржуазной историографии является также идеологическая диверсия против других стран социалистического содружества. Поэтому интересы общественного прогресса требуют решительного разоблачения научной и

политической несостоятельности буржуазной идеологии, в какие бы «модные» наряды она ни рядилась.

Сферой острого столкновения двух идеологий является вопрос о содержании и значении интернационализма КПСС. Это — один из кардинальных вопросов, наиболее часто подвергающихся фальсификации в буржуазной историографии. Поэтому прежде чем перейти к конкретным вопросам истории народов Поволжья и Урала, необходимо раскрыть клеветнический характер концепции советологов о интернационалистской природе КПСС.

Глава II

ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМ КПСС И «СОВЕТОЛОГИЯ»

Интернационализм с самого начала присущ пролетариату. Прежде всего, интернационально само его экономическое положение. Все рабочие без различия национальности лишены средств производства и поставлены в одинаковые условия по отношению к капиталистам, т. е. эксплуатируются ими. У рабочих всех национальностей одинаковые классовые интересы и один и тот же классовый враг. Успех классовой борьбы пролетариата обеспечивается в конечном счете его интернациональным единством, так как условия освобождения пролетариата, т. е. социалистическая революция, также носят интернациональный характер. Строительство социализма тоже требует совместных усилий пролетариата. Как известно, эти положения впервые были сформулированы К. Марксом и Ф. Энгельсом и развиты затем В. И. Лениным (см., например, его письмо к И. Ф. Арманд от 20 ноября 1916 г.)¹.

Интернационализм КПСС есть результат научного отражения существующего интернационализма пролетариата, это не выдумка отдельных политических деятелей, как утверждают советологи. Верность КПСС пролетарскому интернационализму проявлялась и проявляется в идеологии, политике и организационных принципах.

Советские историки и философы, занимающиеся критическим разбором концепций буржуазных общест-

ведов, внесли свой весомый вклад и в защиту принципов интернационализма. Так, в книге Э. А. Баграмова «Национальный вопрос и буржуазная идеология» (Москва, 1966 г.) глубоко и всесторонне рассматривается вопрос о фальсификации буржуазными социологами, философами и историками интернационализма как идеологии. Работы многих советских авторов посвящены защите интернационализма одновременно как идеологии и политики. В работе Г. А. Хидоятова «Ленинская национальная программа и современная идеологическая борьба» (Ташкент, 1972 г.) хотя и рассматриваются главным образом вопросы фальсификации теоретических основ ленинской национальной политики, т. е. ведется защита интернационализма как идеологии, но в отдельных местах работы (например, на стр. 206, 254 и др.) автор критикует нападки буржуазных пропагандистов на интернационализм как на политику.

И. С. Зенушкина в своей монографии «Советская национальная политика и буржуазные историки» (Москва, 1971 г.), как об этом свидетельствует само название книги, дает отповедь фальсификаторам, подвергающим нападкам национальную политику КПСС. В то же время она попутно разоблачает несостоятельность утверждений буржуазных идеологов по программным вопросам (см., например, § 1 главы II) и, как она сама выражается, по вопросам «практической политики»², т. е. берет под защиту интернационализм как практику. Вдобавок, автор на стр. 256—258 критикует советологов по вопросу об организационных принципах большевизма.

В книге И. И. Грошева и О. И. Чеченкиной «Критика буржуазной фальсификации национальной политики КПСС» (Москва, 1974 г.) одна из глав отводится ленинской теории и программе по национальному вопросу и их буржуазным критикам.

К сожалению, некоторые советские специалисты по истории партийного строительства не затрагивают, как правило, вопрос о критике буржуазных советологов, фальсифицирующих интернациональный принцип построения партии. Это относится, в частности, к интересной в целом работе В. А. Молибошко «Критика буржуазной фальсификации вопросов партийного строительства» (Минск, 1977 г.), а также брошюре Ф. Гуме-

рова «Вымыслы и действительность» (Москва, 1967 г.), в которой разоблачаются буржуазные фальсификации организационных принципов КПСС. Лишь в одном абзаце, попутно, Ф. Гумеров объясняет, почему большевики отвергли национальный принцип организационной структуры и создали партию, руководствуясь интернациональным принципом³. В статье В. Ф. Шевченко «Вымыслы современных фальсификаторов о первичных и местных организациях марксистско-ленинских партий», опубликованной в журнале «Вопросы истории КПСС» (1976, № 5), подвергаются критике нападки украинских националистов-эмигрантов на интернациональный принцип построения партии.

Отдавая себе отчет в том, что глубокий и всесторонний критический анализ буржуазных концепций по всему спектру интернационализма под силу лишь коллективу ученых, автор, тем не менее, предпринял попытку рассмотреть их, хотя и схематично, в одной работе. В пользу такого решения говорит то основное обстоятельство, что советологи подвергают фальсификаторской критике интернационализм КПСС в целом. В данной главе интернационализм рассматривается как идеология (в основном по вопросам программы), политика дооктябрьского периода и организационный принцип. Попытка осветить интернационализм как политику КПСС послеоктябрьского периода (применительно к Волго-Уральскому региону) предпринята в последующих главах книги.

§ 1. ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМ ИДЕОЛОГИИ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ ПРОТИВ НАЦИОНАЛИЗМА

В буржуазном обществоведении давно насаждается миф о том, что будто бы ленинизм не имеет международного значения. Концепция, изображающая ленинизм как чисто русское явление, находится сегодня на вооружении наиболее реакционных и шовинистически настроенных идеологов буржуазии, реформистов и ревизионистов.

Коммунисты, сознательные рабочие всех стран выступают против попыток отделить ленинизм от марксизма и противопоставить их друг другу. В мировом ком-

мунистическом движении общепризнано, что ленинизм — это не просто применение марксизма к российской действительности, как считают ревизионисты, но и дальнейшее продолжение и развитие марксистской теории в новую историческую эпоху — эпоху империализма и пролетарских революций, что тот, кто попытается обвинить ленинизм в «национальной ограниченности», тот сам страдает национальной ограниченностью и нежеланием признать творческий дух марксистского учения, постоянно развивающегося и обогащающегося новыми выводами и положениями.

Подчеркивая исторические заслуги В. И. Ленина в творческом развитии марксизма, член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС т. М. А. Суслов отметил, что Ленин поднял марксизм на новый, высший этап: «В. И. Лениным были углублены и осуществлены на практике важнейшие идеи марксизма о социалистической революции, диктатуре пролетариата, руководящей роли партии, рабочего класса, разработаны основные проблемы строительства социалистического общества и перехода к коммунизму»⁴. Поэтому теоретические и политические выводы В. И. Ленина носят не «российский», а универсальный характер, они имеют непреходящее всемирно-историческое значение.

Борьба партии за классовые интересы пролетариата и его союзников требовала укрепления интернационалистской солидарности с трудящимися других стран и вместе с тем — с народами колоний и полуколоний, создания интернационального фронта — союза рабочего класса и всех угнетенных народов внутри страны. Поэтому, с одной стороны, выдвигая и обосновывая свои программные требования, партия всегда увязывала борьбу за их осуществление с коммунистическим и рабочим движением в других странах мира, с общими задачами мирового революционного движения. В проекте программы РСДРП, разработанном в начале 1902 года, В. И. Ленин писал, что «русская социал-демократия смотрит на себя как на один из отрядов всемирной армии пролетариата, как на часть международной социал-демократии»⁵. С другой стороны, вождь партии отмечал немыслимость социалистической революции «без движения несознательных пролетарских и полупролетарских масс против помещичьего, цер-

новного, монархического, **национального** (выделено мною.— Авт.) и т. п. гнета»⁶, требовавшего постоянного руководства со стороны революционного пролетариата.

С момента своего появления национальная программа партии была объектом многочисленных нападков оппортунистов и открытых врагов марксизма-ленинизма. В ходе борьбы с антимарксистами В. И. Ленин дал глубокую характеристику сущности национального вопроса, с подлинно научных позиций обосновал требования национальной программы партии. И сегодня ленинская аргументация является острейшим оружием в борьбе против попыток фальсификации марксистско-ленинских идей по национальному вопросу.

Исходным пунктом рассуждений советологов является тезис о якобы «безразличном» или даже «враждебном» отношении марксистов-ленинцев к нации и национальному движению. По словам американского социолога А. Лоу, Ленин будто бы был «холоден, безразличен, даже враждебен к национальному государству и к национальности». Американский советолог видит в Ленине убежденного космополита⁷. Немецкий буржуазный историк Г. Клейнов писал об «анархо-социализме» Ленина⁸. Сторонников подобных точек зрения в буржуазной историографии немало. Их цели ясны: «доказать», что будто бы коммунисты не собирались всерьез заняться разрешением национального вопроса.

Попытки обвинить марксистов в «анархизме» свидетельствуют лишь о научной нечистоплотности буржуазных идеологов, которые стремятся приписать сторонникам научного коммунизма взгляды их политических противников, т. е. используют те же самые приемы, которые на протяжении многих десятилетий практикуют антикоммунисты в борьбе против марксистов. Известно, как решительно критиковал К. Маркс анархистские взгляды прудонистов и бакунистов на национальное движение и национальное государство⁹. Так же отрицательно относился к анархизму вообще и к анархистским взглядам на национальный вопрос В. И. Ленин, рассматривая их как форму непролетарского, домарксистского социализма¹⁰.

Никто иные, как классики марксизма-ленинизма, до-

казали, что национальное освобождение — реальная цель, которая достижима на основе социального освобождения рабочего класса и всех трудящихся.

Лишены всякого основания и попытки низвести В. И. Ленина до уровня буржуазного космополита. Общеизвестна горячая любовь В. И. Ленина к демократической России, ее истории, культурному наследию, традициям борьбы против насилия и угнетения. Достаточно сослаться хотя бы на статью В. И. Ленина «О национальной гордости великороссов», в которой он выразил свой социалистический патриотизм.

Развивая идеи К. Маркса и Ф. Энгельса, В. И. Ленин дал научное обоснование происхождения национальных движений, их места и роли в истории общества. Он вскрыл экономическую основу этих движений, состоявшую в стремлении национальной буржуазии в интересах завоевания внутреннего рынка обеспечить государственное сплочение территорий с одноязычным населением. В. И. Ленин подчеркивал, что «принцип национальности исторически неизбежен в буржуазном обществе, и, считаясь с этим обществом, марксист вполне признает историческую законность национальных движений»¹¹. Он рассматривал как безусловную ошибку некоторых социал-демократов тенденцию «игнорировать задачи национального освобождения в обстановке национального гнета»¹², отмахнуться от возникших массовых национальных движений¹³.

В то же время Ленин указывал на историческую обусловленность национальных движений, видя в них, вслед за К. Марксом и Ф. Энгельсом, «выражение борьбы руководимых буржуазией народных масс против феодализма»¹⁴. Поэтому он считал недопустимым для марксистов забывать о классовом содержании демократических требований, выдвигаемых в ходе этой борьбы. Он неоднократно предупреждал о наличии в данном вопросе грани, за которой признание принципа национальности превращается в апологию национализма. Чтобы этого не произошло, вождь партии указывал на необходимость ограничиваться «строжайше только тем, что есть прогрессивного в этих движениях...»: «Скинуть всякий национальный гнет, всякое угнетение наций, всякие привилегии одной из наций или одному из языков — безусловная обязанность проле-

тариата, как демократической силы, безусловный интерес пролетарской классовой борьбы, которая затемняется и задерживается национальной грызней. Но содействовать буржуазному национализму за этими, строго ограниченными, в определенные исторические рамки поставленными пределами — значит изменять пролетариату и становиться на сторону буржуазии»¹⁵.

Не игнорирование национальных движений, как изображают буржуазные обществоведы, а требование классового подхода к их оценке лежит в основе ленинской национальной программы. Без этого пролетариат и его партия не смогут выработать правильную революционную линию борьбы, добиться успехов в руководстве трудящимися различных национальностей. В. И. Ленин учил, что «политика пролетариата в национальном вопросе (как и в остальных вопросах) лишь поддерживает буржуазию в определенном направлении, но никогда не совпадает с ее политикой»¹⁶. Национальная буржуазия заинтересована в получении привилегий для «своей» нации, в создании исключительных условий для ее развития. Пролетариат же ставит во главу угла интересы классовой борьбы и освобождения трудящихся независимо от национальной принадлежности. Буржуазия склонна к сделкам с буржуазией других наций против трудящихся. Пролетариат заинтересован в сплочении всех трудящихся против власти капитала разных наций. Национальная буржуазия националистична, пролетариат интернационалистичен.

Коренная противоположность интересов буржуазии и пролетариата четко видна и в отношении их к праву наций на самоопределение. «Теоретически нельзя ругаться наперед, — писал В. И. Ленин, — отделение ли данной нации или ее равноправное положение с иной нацией закончит буржуазно-демократическую революцию; для пролетариата важно в **обоих случаях** обеспечить развитие своего класса; буржуазии важно затруднить это развитие, отодвинуть его задачи перед задачами «своей» нации. Поэтому пролетариат ограничивается отрицательным, так сказать, требованием признания права на самоопределение, не гарантируя ни одной нации, не обязуясь дать **ничего** насчет другой нации»¹⁷. Таким образом, в праве на самоопределение В. И. Ленин видел не

самоцель, в средство для сближения трудящихся различных наций.

Это замечательно глубокая диалектическая ленинская постановка национального вопроса вызывает многочисленные нападки буржуазных историков и социологов. Она объявляется «неясной», «двусмысленной», «противоречивой» и т. п. В связи с этим в буржуазной историографии широко распространен тезис о якобы чисто «словесном» или тактическом признании большевиками права наций на самоопределение.

В качестве «аргументов» буржуазные идеологи приводят следующие доводы:

а) большевики и марксисты вообще предпочитают крупные государства мелким, раздробленным (А. Лоу)¹⁸;

б) марксисты-ленинцы, провозглашая право на самоопределение, одновременно ведут пропаганду слияния пролетариата разных наций (Р. Шпорлюк)¹⁹;

в) самоопределение наций в марксистском понимании фактически означает самоопределение пролетариата, который в своей массе против отделения (П. Феденко)²⁰.

Известно, что К. Маркс и В. И. Ленин отдавали предпочтение крупным, унитарным государствам перед мелкими, раздробленными, так как в крупном государстве быстрее складываются благоприятные условия для сплочения многонационального пролетариата и подготовки его к социалистической революции. В то же время в интересах угнетенных наций марксисты признают право на самоопределение. Объясняя точку зрения марксистов, В. И. Ленин писал: «Право на самоопределение есть **исключение** из нашей общей посылки централизма. Исключение это безусловно необходимо перед лицом черносотенного великорусского национализма, и малейший отказ от этого исключения есть оппортунизм...»²¹

Советологи, спекулируя на том обстоятельстве, что до февральской революции 1917 года большевики отстаивали необходимость унитарного государства, пытаются утверждать, что в данном вопросе они якобы фактически стояли на одних позициях с русскими буржуазными и мелкобуржуазными партиями. Так, западногерманский советолог Ю. Арнольд пишет, что будто бы «в своем унитаризме большевики соприкасались с

меньшевиками и кадетами»²². Это — грубейшая фальсификация демократической сущности ленинской национальной программы.

Известно, что кадеты были сторонниками лишь культурного, но не политического самоопределения наций, они отстаивали необходимость сохранения самодержавия и «единой и неделимой России». Недаром В. И. Ленин называл их шовинистами в белых перчатках²³. Что касается меньшевиков, то они и в национальном вопросе скатывались на позиции либеральной буржуазии, считая существенным не свержение царизма, а введение конституции. Основным пунктом национальной программы меньшевиков был лозунг «культурно-национальной автономии», который вместо объединения многонационального пролетариата плодил националистические предрассудки и ослаблял единую классовую борьбу рабочих²⁴.

Принципиальное отличие большевистской позиции по данному вопросу от позиции непролетарских партий заключалось в том, что борьбу за самоопределение наций марксисты связывали с борьбой за демократию и социализм. В противовес всем непролетарским партиям большевики во главе с В. И. Лениным считали главной предпосылкой решения национального вопроса в России свержение царизма и капитализма и демократизацию всей общественно-политической жизни страны. Социалистическая революция была призвана свергнуть буржуазию — класс, угнетавший как многонациональный пролетариат, так и народы колоний и полуколоний. Естественно, что в этих условиях было бы невозможно существование прежней «единой и неделимой России» — тюрьмы народов, в которой многочисленные нации и народности удерживались силой. Идеалом большевиков было, по словам В. И. Ленина, создание «свободной и независимой, самостоятельной, демократической, республиканской, гордой Великороссии, строящей свои отношения к соседям на человеческом принципе равенства, а не на унижающем великую нацию крепостническом принципе привилегий»²⁵. Поэтому унитаризм в большевистском и унитаризм в кадетско-меньшевистском понимании — это совершенно разнородные понятия, соответствовавшие одно — мировоззрению и

политике революционного пролетариата, другое — мировоззрению и политике буржуазии.

Несостоятельны также утверждения буржуазных историков о противоречивости признания большевиками права на самоопределение и одновременной пропаганды ими лозунга слияния пролетариев всех наций. Отвечая на подобные обвинения противников марксизма, В. И. Ленин в 1914 году писал о резолюции Августовского (Поронинского) совещания ЦК с партийными работниками: «Есть люди, которым кажется «противоречивым», что эта резолюция в 4-ом пункте, признавая право на самоопределение, на отделение, как будто бы «дает» максимум национализму (на деле в признании права на самоопределение **всех** наций есть максимум демократизма и минимум национализма), — а в пункте 5-ом предостерегает рабочих против националистических лозунгов какой бы то ни было буржуазии и требует единства и слияния рабочих всех наций в интернационально-единых пролетарских организациях. Но видеть здесь «противоречие» могут лишь совсем плоские умы, не способные понять, например, почему единство и классовая солидарность шведского и норвежского пролетариата **выиграли**, когда шведские рабочие отстаивали свободу отделения Норвегии в самостоятельное государство»²⁶ (речь идет об отделении Норвегии от Швеции в 1905 г.)

Наконец, советологи допускают грубое искажение ленинской мысли, заявляя, что будто большевики подменяли самоопределение наций самоопределением пролетариата. В статье «Национальный вопрос в нашей программе», на которую в качестве доказательства ссылается белоэмигрант П. Феденко, В. И. Ленин писал об обязанности каждого социал-демократа подходить к требованию права наций на самоопределение не огульно, а с точки зрения интересов классовой борьбы пролетариата. Именно исходя из этого «вождь нашей партии» выдвигал требование, чтобы действительно социалистическая партия в интересах содействия рабочему классу «не развращала пролетарское сознание, не затемняла классовой борьбы, не обольщала рабочий класс буржуазно-демократическими фразами, не нарушала единства современной политической борьбы пролетариата»²⁷. Именно в этом смысле Ленин призывал со-

действовать самоопределению пролетариата в каждой нации. Статья Ленина совершенно не дает основания для утверждения, что будто бы большевики не добились самоопределения для угнетенных наций. Напротив, она недвусмысленно отстаивает необходимость этого требования в программе партии.

Коммунистическая партия с самого начала своего существования стояла на точке зрения признания за всеми угнетенными нациями реального, а не словесного права на самоопределение. В. И. Ленин резко критиковал оппортунистов и каутскианцев за «непоследовательное, чисто словесное и в силу этого, по своему политическому значению, лицемерное признание самоопределения...»²⁸. Он указывал на фактическое совпадение позиций шовинистов и социал-демократов великодержавных наций, которые не отстаивают свободы отделения колоний и наций, угнетаемых «их» нациями. По предложению В. И. Ленина Поронинское совещание большевиков в 1913 году уточнило и конкретизировало содержание закрепленного в программе партии права наций на самоопределение, добавив: «т. е. на отделение и образование самостоятельного государства»²⁹. В эпоху невиданного обострения национального вопроса подчеркивание права угнетенных народов на самоопределение вплоть до отделения и создания самостоятельного государства способствовало разоблачению империалистической политики буржуазных правительств и одновременно — их оппортунистической агентуры в рабочем движении. Не случайно ни одна из партий II Интернационала не последовала примеру большевиков, которые одни стояли на последовательно интернационалистских позициях.

Советологи намеренно смешивают вопрос о реальности права на отделение с двумя другими вопросами — о том, желает ли каждая угнетенная нация воспользоваться этим правом и каково отношение пролетарской партии к каждому отдельно случаю использования этого права. Буржуазные идеологи исходят из необходимости обязательного использования права на отделение. Они рассуждают так: раз право дано, оно должно быть реализовано. В. И. Ленин писал по этому поводу, что такая политика метафизична теоретически, а на практике ведет к подчинению пролетариата буржуазии,

так как именно для буржуазии характерна безусловная постановка на первый план своих национальных требований³⁰. Нация может отделиться, а может и остаться в составе данного демократического государства на равных правах с другими нациями. Это зависит от целого ряда факторов — политических, экономических, исторических, языковых, географических и т. д.

В. И. Ленин подчеркивал, что признание партией права на самоопределение «отнюдь не исключает самостоятельной пролетарской оценки, а, напротив, требует ее»³¹. При этом вождь партии призывал исходить из условий развития капитализма и положения пролетариата в данной стране и общих задачах демократии, особенно интересов классовой борьбы пролетариата за социализм. Поэтому признание права наций на отделение, как указывал В. И. Ленин, нисколько не исключало пропаганды и агитации против отделения³² — в случае, если оно не соответствовало интересам классовой борьбы пролетариата. Такая постановка вопроса является единственно правильной, так как «обязанности социал-демократии, защищающей интересы пролетариата, и права нации, состоящей из различных классов, — две вещи разные»³³.

В двух различных подходах к данному вопросу отразились две различные концепции разрешения национального вопроса — буржуазная и пролетарская. Национальная буржуазия всегда стремится «разрешить» национальный вопрос путем отделения от данного государства и создания «своего» государства, т. е. путем обособления «своей» наций от других наций и увековечения таким образом национального недоверия и вражды. Поэтому буржуазия даже в рамках демократического государства не может до конца решить национальный вопрос, а может лишь уменьшить в какой-то степени национальные трения и столкновения. Об этом свидетельствует, в частности, факт существования национального вопроса в США, Канаде, Бельгии, Англии и т. п. Пролетарское же решение национального вопроса предполагает необходимость ликвидации самой причины национального гнета и неравноправия — капиталистического общества. Только таким путем можно устранить национальную грызню и недоверие и

обеспечить установление подлинно равноправных и дружественных отношений между нациями.

Таким образом, ленинская постановка вопроса о праве наций на самоопределение была последовательной и реалистичной, она неуязвима с точки зрения любой критики. Даже отдельные противники марксизма вынуждены признать эту цельность и глубокую обоснованность ленинской концепции. Так, американский советолог Пейдж отмечает, что «в терминах своего марксистского подхода Ленин был замечательно последователен. Если народ (читай: буржуазия — М. А.) неправильно понимал его терминологию, Ленин мог пожимать плечами и позволять глупцам обманывать самих себя»³⁴. Не допуская недооценки национального вопроса, Ленин в то же время был далек от его переоценки. Его позиция в национальном вопросе гарантировала как от национального нигилизма, так и от национализма. Это была выдержанная марксистская интернационалистская позиция, которая одна обеспечивала пролетариату самостоятельность его действий и успех в борьбе за решение как социального, так и национального вопросов.

Буржуазные идеологи приложили также много усилий для того, чтобы извратить вопрос об отношении большевиков к федерации. Советологи в фальсификаторских целях игнорируют ленинские указания о необходимости конкретно-исторического подхода к федерации как государственной форме разрешения национального вопроса. Они заявляют, что признание большевиками в 1917 году целесообразности федеративного устройства государства вызвано якобы желанием «предотвратить дальнейший распад России»³⁵. Не видя принципиальной разницы между различными типами федерации — буржуазной и социалистической, советологи обвиняют большевиков в заимствовании этого лозунга у мелкобуржуазной партии эсеров³⁶.

Известны многочисленные высказывания Ленина против федерации как возможной формы государства в России, относящиеся к периоду до февраля 1917 года. В полном соответствии с марксистской методологией вождь Коммунистической партии обосновывал преимущества унитарного государства перед федеративным с точки зрения интересов классовой борьбы за

социализм. «Централизованное крупное государство есть громадный исторический шаг вперед от средневековой раздробленности к будущему социалистическому единству всего мира, и иначе как через такое государство (неразрывно связанное с капитализмом) нет и быть не может пути к социализму»³⁷, — писал В. И. Ленин в 1913 г. В годы первой мировой войны он подчеркивал, что «признание самоопределения не равносильно признанию федерации, как принципа»³⁸.

В то же время Ленин допускал, как исключение из общего правила, поддержку лозунга создания федеративного государства при определенных условиях. Так, в 1912 г., когда сознательные рабочие Сербии, Болгарии, Черногории и Греции выступили с призывом создать балканскую федерацию, Ленин увидел в этой инициативе «великий шаг вперед к разрушению остатков средневековья во всей Восточной Европе»³⁹. В 1916 г. он указывал, что «можно быть решительным противником этого принципа (федерации.— М. А.) и сторонником демократического централизма, но предпочитать федерацию национальному неравноправию, как единственный путь к полному демократическому централизму»⁴⁰.

После февральской революции 1917 г. В. И. Ленин в интересах трудящихся России выдвинул требование о создании федерации советских республик. Он призвал трудящихся не «бояться отдельных республик». «С точки зрения рабочих и крестьян,— говорил великий стратег социалистической революции,— это не страшно. Пусть Россия будет союзом свободных республик»⁴¹.

В этой связи советологи обвиняют в заимствовании идеи федерации В. И. Лениным у эсеров. Известно, что ни Ленин, ни вообще большевики не могли заимствовать идею федерации у эсеров, так как у последних речь шла о федерации в условиях капитализма, т. е. буржуазной федерации. Не случайно В. И. Ленин считал эсеровское требование федеративного устройства России мещанским идеалом⁴². Подчеркивая необходимость создания братского союза «пролетарско-крестьянской республики российской с республиками какой угодно иной нации»⁴³, вождь партии имел в виду советскую федерацию.

В буржуазной историографии искажается также

позиция В. И. Ленина по отношению к национальной автономии как пункту программы партии. Феденко, например, клеветнически приписывая В. И. Ленину негативное отношение к национальной автономии вообще, пытается объяснить этим то обстоятельство, что в партийной программе 1903 года «нет упоминания о национальном самоуправлении, как будто бы Россия состояла только из одного народа»⁴⁴. Появление требования национальной автономии в ленинских «Тезисах по национальному вопросу» (1913 г.) антисоветчик рассматривает как уступку буржуазным националистам и оппортунистам, которые «перед революцией 1917 года отстаивали национально-территориальную автономию в границах Российского государства»⁴⁵.

Партийная программа, принятая II съездом РСДРП, проникнута демократизмом и интернационализмом. В ней нет ни одного слова, которое можно было бы трактовать как негативное отношение к интересам угнетенных наций России. Программа большевиков, ставившая ближайшей политической задачей низвержение царского самодержавия и замену его демократической республикой, предусматривала наделение всех граждан широкими правами и свободами. Составной частью программы являлась задача создания благоприятных условий для свободного развития всех наций и народностей. В этих целях партия наметала осуществить полное равноправие всех граждан независимо от расы и национальности, она признавала за ними право получить образование на родном языке и объясняться на нем на собраниях. В программе отмечалась необходимость введения родного языка наряду с русским во всех местных общественных и государственных учреждениях.

Однако первая программа партии не включала требования национальной автономии. В то время В. И. Ленин справедливо считал, что в условиях, когда нужно было всемерно спланировать рабочих всех национальностей для борьбы на возможно более широкой арене за демократическую республику и социализм, превращение лозунга поддержки национальной автономии в программную обязанность пролетариата могло объективно способствовать разобщению и раздроблению его сил. Поэтому партия считала возможным ограни-

читься требованием равноправия граждан и их права на демократическое самоопределение. В целях более глубокого демократического переустройства общества программа признавала необходимость создания областного самоуправления «для тех местностей, которые отличаются особыми бытовыми условиями и составом населения»⁴⁶.

В процессе дальнейшего углубления и разработки требований национальной программы партии В. И. Ленин пришел к выводу, что автономия разных областей, в том числе областей и округов с разным национальным составом населения, «нисколько не противоречит демократическому централизму; напротив, лишь посредством автономии областей в большом и пестром по национальному составу государстве можно осуществить действительно демократический централизм»⁴⁷. Включение в программные требования партии пункта о национально-территориальной автономии вызывалось также необходимостью разоблачения лозунга культурно-национальной автономии, проповедовавшегося различными оппортунистическими группами (см. об этом ниже).

Следовательно, появление в программных документах нашей партии требования национально-территориальной автономии ни в коем случае не может рассматриваться как «уступка» Ленина националистическим и оппортунистическим элементам, о чем пишут буржуазные идеологи. Наоборот, этот шаг большевиков свидетельствовал об их верности идеологии пролетарского интернационализма, о последовательной защите ими интересов многонационального пролетариата. Точно так же, как и признание за нациями права на самоопределение вплоть до отделения и создания самостоятельного государства, лозунг создания национально-территориальной автономии способствовал еще более тесному сплочению сознательных трудящихся страны вокруг Коммунистической партии.

§ 2. ПРАВДА И ВЫМЫСЕЛ ОБ ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТСКОЙ ПОЛИТИКЕ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ

Сущность национальной политики КПСС дооктябрьского периода определялась программными целями и

задачами борьбы революционного пролетариата. В ее основе лежали интересы сплочения трудящихся всех наций и народностей России во имя свержения царизма и буржуазии. Поэтому национальная политика партии была в корне противоположна как национальной политике царского правительства, русских помещиков и буржуазии, выражавшейся известным девизом «Разделяй и властвуй», так и националистическим устремлениям господствующих классов и групп угнетенных наций.

Основными направлениями национальной политики партии являлись:

а) требование полного равноправия наций, в том числе и в отношении государственного строительства, т. е. права на самоопределение;

б) борьба со всяким национализмом и в первую очередь — с великорусским;

в) поддержка выступлений угнетенных наций России против политики царизма и русской буржуазии;

г) отстаивание единства пролетарской борьбы и пролетарских организаций⁴⁸.

В трудах советских историков воссоздана впечатляющая картина деятельности большевистской партии по осуществлению национальной политики в дооктябрьский период⁴⁹. В них показано, как преодолевая многочисленные трудности и препятствия, создаваемые царским и Временным правительствами, господствующими классами всех наций и народностей России, партия отстаивала интернациональные и национальные интересы народных масс, боролась против развращения сознания трудящихся буржуазным национализмом, добивалась их сплочения в борьбе против реакции и буржуазии. Красной нитью через все работы советских ученых проходит мысль о том, что в сложнейших политических условиях России начала нынешнего столетия партия сумела удержать знамя пролетарского интернационализма.

Буржуазная историография подходит к данному вопросу с совершенно противоположных позиций. Ей органически чужда концепция интернационализма, которая выражала насущные интересы трудящихся всех народов и народностей, но за которой буржуазным ученым мерещится замаскированное стремление русских большевиков эксплуатировать нерусские народы в сво-

их корыстных интересах. Буржуазные концепции национальной политики КПСС основаны на примитивном приеме — противопоставлении послеоктябрьских «дел» большевиков их дооктябрьским «обещаниям». Поэтому национальная политика партии дооктябрьского периода интересует их лишь постольку, поскольку в ней можно найти факты для «обоснования» фальсификаторской страпни советологов.

Именно поэтому буржуазные идеологи обходят молчанием важнейшие направления национальной политики. Их внимание привлекают лишь отдельные моменты этой политики, которым они дают антикоммунистическую интерпретацию.

Так, говоря о разработке на II съезде РСДРП национальной программы партии, определившей в дальнейшем ее национальную политику, буржуазные историки и социологи пытаются поставить под сомнение искренность В. И. Ленина и его единомышленников. Пейдж, в частности, утверждает, что честность Ленина в политике могла якобы «расстроить его настоящую цель», что «подлинные намерения Ленина... выяснились только позднее»⁵⁰ и т. д. А. Лоу пытается создать впечатление, что будто бы Ленин иногда утаивал свои действительные убеждения⁵¹.

Попытки обвинить В. И. Ленина и других большевиков в демагогии не новы: этот прием империалистическая буржуазия использует в борьбе против социалистического государства с момента его возникновения. Привыкшие иметь дело с лицемерными заявлениями буржуазных политиков, советологи и тут ищут несущее «второе дно» советской национальной политики. Тем самым они грубо фальсифицируют ее сущность, отрицая, что сила большевистской политики всегда заключалась и заключается не в маскировке ее подлинных намерений, а в наиболее последовательном выражении ближайших и перспективных интересов всех трудящихся независимо от их национальной принадлежности, а, следовательно, и в ее поддержке народными массами, в том, что она не нуждалась в каком-либо затушевывании настоящей цели.

Ни в одной работе буржуазных историков не говорится о том, что не только в послеоктябрьский, но и дооктябрьский период большевики неустанно пропа-

гандировали идею равноправия всех народов страны, используя для этой цели и нелегальные листки, и периодическую печать, и различные митинги и собрания, и трибуну Государственной думы. Как известно, в 1913 г. по инициативе В. И. Ленина большевики подготовили проект закона о равноправии наций России, который социал-демократическая фракция должна была внести в IV Государственную думу. Прекрасно понимая невозможность принятия такого закона в условиях царской России, В. И. Ленин видел в нем одно из средств для интернационалистской пропаганды. Социал-демократическая фракция большевиков в период с 3 декабря 1912 года по 13 июня 1914 года сделала в Думе более 18 запросов в защиту трудящихся национальных окраин России. В связи с судебным процессом Бейлиса, сфабрикованным царской охранкой в 1913 году в целях усиления антисемитских настроений в стране, большевистская партия организовала многочисленные забастовки и митинги протеста. Когда царское правительство в феврале 1914 года запретило празднование столетнего юбилея великого украинского поэта-революционера и демократа Т. Г. Шевченко, то против этого позорного запрета выступили газета «Правда» и большевистская фракция IV Государственной думы⁵².

Камнем преткновения для буржуазных обществоведов явился ленинский тезис о необходимости двустороннего подхода к интернациональному воспитанию трудящихся: одного — для рабочих угнетающей нации, другого — для рабочих угнетенных наций. Раскрывая смысл этого тезиса, В. И. Ленин отмечал: «Центр тяжести интернационалистского воспитания рабочих в угнетающих странах неминуемо должен состоять в проповеди и отстаивании ими свободы отделения угнетенных стран. Без этого нет интернационализма». Интернационализм же рабочих угнетенной нации проявляется в борьбе против национальной узости, замкнутости, обособленности. Поэтому они должны «центр тяжести своей агитации класть на **втором** слове нашей общей формулы: «добровольное **соединение**» наций»⁵³.

Буржуазные историки и социологи грубо искажают подлинный смысл ленинского тезиса. В ленинском подходе они видят «хитрость», а не научное отражение объективных закономерностей общественного развития, признание прогрессивного характера крупных госу-

дарств, основанных на добровольном союзе равноправных народов. А Лоу, например, утверждает, что провозглашение «свободы союза» пролетариатом угнетенной нации якобы «открывает заднюю дверь, через которую социал-демократическая партия угнетенной нации может втащить свой народ обратно в многонациональное государство»⁵⁴. Для американского профессора двусторонний подход к задаче интернационального воспитания трудящихся представляется, таким образом, хитрым тактическим ходом большевистской партии, имеющим целью не допустить самоопределения угнетенной нации. При этом Лоу приписывает большевикам намерение ради достижения своих целей не останавливаться перед применением грубой силы.

В таком же духе, игнорируя конкретно-исторический подход партии к лозунгам национальных движений, трактует данный вопрос Шпорлюк. «Он (т. е. Ленин.— Авт.),— пишет американский социолог,— только просил русских рабочих поддержать право нерусских национальностей отделиться от России, посредством этого порвав с теми русскими националистами, которые желали силой сохранить единство империи... Нерусские рабочие должны были демонстрировать свое отречение от национализма, не поддерживая отделение от России и работая взамен за социализм, рядом с русскими рабочими...» Подлинный смысл этой интерпретации становится ясным ниже, когда Шпорлюк дает понять, что русские рабочие могли не беспокоиться за судьбу своего многонационального государства: «Для Ленина,— замечает он,— было очевидно, что отделение в независимые национальные государства не будет иметь места при социализме»⁵⁵.

В извращенном свете показывается также непримиримая борьба большевиков против любых проявлений шовинизма и национализма. Стремясь создать впечатление, что будто бы РСДРП как «русская» по национальному составу партия не могла вести эффективной борьбы против великодержавного шовинизма, советологи преподносят ее в ракурсе борьбы Ленина против «инакомыслящих». Именно в этом плане изображается участие В. И. Ленина в дискуссиях по национальному вопросу в 1903, 1913—1914 и 1915—1916 годах. Таким путем выхолащивается принципиальное значение ле-

нинской позиции, нетерпимой к малейшей уступке отдельным членам партии великодержавному русскому шовинизму.

Буржуазные историки затрагивают вопрос о борьбе марксистов-ленинцев против местного национализма, но раскрывают его таким образом, чтобы также представить большевиков великодержавными шовинистами. В частности, подобный прием используется при освещении истории борьбы большевиков против сторонников лозунга «культурно-национальной автономии». Известно, что эту борьбу большевики вели в течение многих лет, в нее были вовлечены лучшие теоретические силы партии во главе с В. И. Лениным. В итоге большевики сумели полностью разоблачить националистическую сущность требования «культурно-национальной автономии», ее глубокий вред как для русского, так и для международного рабочего и социал-демократического движения.

Идеологи буржуазии пытаются утверждать, что будто бы пропаганда «культурно-национальной автономии» не представляла сколько-нибудь серьезной опасности для пролетарского движения, что нетерпимость к ней большевиков во многом объяснялась предвзятым отношением их лидера Ленина. Так, А. Лоу пишет, что для социал-демократической партии Австрии, в которой в конце прошлого века зародился этот лозунг, он будто бы являлся средством «удовлетворить различные австрийские национальности, примирить их с многонациональным государством...»⁵⁶

Эта попытка реабилитировать лозунг «культурно-национальной автономии» так же несостоятельна, как и все остальные. Его целью было под видом признания «национальных прав на сохранение языка и культуры» разгородить живущие в одном государстве нации «раз навсегда для области «культурных» и в особенности школьных вопросов...»⁵⁷. Утонченная националистическая сущность «культурно-национальной автономии» была осознана и австрийскими социал-демократами. Поэтому сторонникам этой программы не удалось навязать ее социал-демократической партии Австрии, делегаты от которой на Брюннском съезде 1899 года единогласно голосовали против⁵⁸.

Российские марксисты с самого начала высказали

отрицательное отношение к «культурно-национальной автономии». II съезд РСДРП осудил и отверг попытку бундовцев протащить формулировку о «создании учреждений, гарантирующих свободу развития национальностей». Поронинское совещание ЦК РСДРП с партийными работниками квалифицировало решение ликвидаторской конференции 1912 года, принявшей программу «культурно-национальной автономии», как попытку отменить программу РСДРП⁵⁹. Даже стоявший в то время на позициях меньшевизма Г. В. Плеханов охарактеризовал решение ликвидаторской конференции как «приспособление социализма к национализму»⁶⁰.

Лозунг «культурно-национальной автономии» был подвергнут принципиальной марксистской критике в работах В. И. Ленина, И. В. Сталина, С. Г. Шаумяна и других теоретиков партии. В. И. Ленин обвинил защитников этого лозунга в желании «окружить китайской стеной свою национальность, свое национальное рабочее движение», не смущаясь того, что «стены придется строить отдельные в каждом городе, местечке, селе...»⁶¹. Аналогичную точку зрения отстаивал И. В. Сталин, говоря, что политика бундовцев, защищавших программу «культурно-национальной автономии», заключается в стремлении «консервировать все национальные особенности евреев, вплоть до заведомо вредных для пролетариата...»⁶². С. Г. Шаумян высмеивал социал-националистов, отмечая, что их идеалом является создание национальных болот, в которых будут жиреть довольные и счастливые дьячки всех наций⁶³.

Таким образом, вопреки утверждениям буржуазных обществоведов, борьба партии против «культурно-национальной автономии» являлась проявлением пролетарского интернационализма, направленного против обособления и отчуждения наций. Эта политика, выработанная и осуществлявшаяся при непосредственном участии и под руководством В. И. Ленина, способствовала освобождению трудящихся масс России из-под разлагающего влияния националистической идеологии, сплочению их в интернациональную армию борцов против царизма и буржуазии.

В буржуазной историографии извращенно трактуется также вопрос об отношении большевистской партии к национально-освободительному движению народов

России. Оно изображается как корыстная политика русских социал-демократов, имеющая целью использовать в собственных интересах движение угнетенных народов за свое освобождение. Г. фон Менде, например, приписывал большевикам двойственное отношение к национальному вопросу: с одной стороны, враждебность к нации как к явлению, принципиально чуждому марксизму, и, с другой стороны, стремление использовать национальное движение в своих интересах⁶⁴. По существу ту же точку зрения разделяет Пайпс, считая, что якобы В. И. Ленин «рассматривал национальные проблемы как нечто, что можно эксплуатировать, но не решить». Он совершенно замалчивает тот факт, что важнейшим условием решения национального вопроса является решение проблем социальных. Поэтому заявление американского профессора о том, что национальная политика большевиков позволила им в 1917 году «выиграть поддержку национальных движений...»⁶⁵, предстает как признание «хитроумной тактики» русских марксистов.

Известны многочисленные факты последовательной поддержки национально-освободительных движений народов России большевистской партией. В 1909 году, когда черносотенная российская реакция начала новый поход с целью уничтожения финской конституции, защищавшей право нерусского народа от произвола царизма, на стороне финнов выступила партия большевиков⁶⁶. Когда после Февральской буржуазно-демократической революции 1917 года Финляндия, не получившая национальной свободы, выступила с требованием предоставления ей автономии, она вновь ощутила поддержку большевистской партии⁶⁷.

В. И. Ленин, наша партия неоднократно выступали в защиту национальных интересов и украинского народа. Когда вспыхнула первая мировая война, вождь большевистской партии обвинил царизм, в частности, в том, что он ведет ее также «для захвата Галиции и окончательного придушения свободы украинцев...»⁶⁸. В. И. Ленин продолжал внимательно следить за развитием национально-освободительного движения и позднее. На запрет, наложенный в 1917 году Временным правительством на созыв второго украинского войскового съезда, В. И. Ленин откликнулся статьей «Не

демократично, гражданин Керенский!» По предложению вождя социалистической революции VII Всероссийская (Апрельская) конференция и VI съезд партии выступили в защиту прав финского и украинского народов.

Наконец, общеизвестна деятельность КПСС по укреплению единства пролетарской борьбы и пролетарской организации. Вся жизнь В. И. Ленина была посвящена, если говорить обобщенно, решению именно этой проблемы. Без единства пролетарской борьбы и пролетарских организаций большевики не мыслили успешное решение гигантских задач, поставленных историей перед рабочим классом России. Поэтому понятны та устремленность и настойчивость, с которыми они боролись за достижение этой цели и в годы первой русской революции, и в условиях временного поражения революционных сил. В. И. Ленин и его единомышленники отстаивали единство борьбы многонационального российского пролетариата, единство его организаций — партии, профсоюзов и т. д. Объединение рабочих различных наций в единые организации В. И. Ленин с гордостью называл пролетарским решением национально-го вопроса⁶⁹.

§ 3. ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫЙ ПРИНЦИП ПОСТРОЕНИЯ ПРОЛЕТАРСКОЙ ПАРТИИ И ЕГО КРИТИКИ

Вопрос об организационных принципах построения партии рабочего класса всегда находился в центре внимания основоположников марксизма-ленинизма. Известна та борьба, которую на протяжении десятилетий вели К. Маркс и Ф. Энгельс, отстаивая необходимость существования сплоченных на основе единой идеологии и дисциплины организаций революционного пролетариата. Всю свою сознательную жизнь В. И. Ленин отдал борьбе против реакции и оппортунизма, пытавшихся помешать российскому пролетариату создать и укрепить свою политическую организацию. Попыткам ревизионистов пересмотреть марксистско-ленинские принципы партийного строительства дают отпор на нынешнем этапе международного пролетарского движения коммунистические и рабочие партии. И это глубоко закономерно. От правильности организационных принци-

пов построения партии рабочего класса зависит кардинальный вопрос, сыграет ли она роль боевого руководителя и вождя пролетариата или жалкого регистратора событий, плетущегося в хвосте движения.

В данном параграфе рассматривается несостоятельность нападок современных буржуазных идеологов и ревизионистов на интернациональный принцип построения КПСС.

В основе утверждений советологов лежит заимствованный у меньшевиков и прочих антипартийных элементов тезис о том, что так как большевики всегда являлись приверженцами централизма, то их больше устраивал принцип интернационализма в построении партии, чем принцип федерализма. Так, по словам американского советолога Пейджа, «большевизм, делая ударение на конспирации и насилии, был гораздо более привлекателен для пролетариата...»⁷⁰ В еще более резких выражениях писал о большевиках как об «авторитаристах» другой американский общественник В. Гуриан⁷¹.

Создание рабочих организаций по классовому, интернационалистскому принципу было подчинено задаче объединения трудящихся различных наций, народностей для совместной борьбы против самодержавия, против капитализма, за победу социализма и коммунизма. Поэтому В. И. Ленин являлся несомненным сторонником принципа централизма в партийном строительстве. Однако советологи умалчивают о том, что марксисты всегда отстаивали централизм демократический, основанный на выборности, подотчетности и подконтрольности руководителей партийным массам, учете местных особенностей работы и т. д. В. И. Ленин неоднократно подчеркивал в своих трудах эту особенность партийного централизма. В работе «Шаг вперед, два шага назад» Ленин высмеял оппортунистическую точку зрения меньшевиков, согласно которой большевики будто бы хотят оставить за местными партийными организациями «одно лишь право — повиноваться безропотно тому, что будет приказано свыше». Он назвал ее фальшивым фразерством⁷². Позднее, в 1915 году, В. И. Ленин изложил большевистскую концепцию централизма в следующих словах: «Мы всегда защищаем в нашей печати внутрипартийную демократию. Но мы

никогда не высказываемся против централизации партии. Мы за демократический централизм»⁷³.

Умалчивая, с одной стороны, о необходимости сочетания централизма с демократизмом, буржуазные обществоведы, с другой стороны, фактически отождествляют централизм и интернационализм. Между тем советские историки уже отмечали, что централизм и интернационализм в организационном строении партии нельзя отождествлять, что можно говорить лишь об их неразрывной связи и диалектическом взаимодействии. Взаимодействие этих принципов заключается в том, что последовательное проведение пролетарского интернационализма в вопросах организации означает укрепление централизма в партии, укрепление единства борющегося пролетариата.

В то же время следует иметь в виду, что существование и взаимосвязь этих принципов «определяются не какими-то субъективными моментами, желаниями отдельных лиц, как это силятся представить буржуазные фальсификаторы, а обуславливаются целями и задачами классовой борьбы, условиями строительства нового общества»⁷⁴.

В противовес интернациональному принципу построения партии буржуазные историки и социологи обосновывают «предпочтительность» принципа федерализма, приписывая ему «большую демократичность». Для доказательства этого тезиса советологи часто ссылаются на пример австрийской социал-демократической партии, в основу которой был положен принцип федерализма. «Внутри австрийской социал-демократической партии это естественно означало,— пишет Пейдж,— что каждая национально-социальная группа будет организована на базе внутрипартийной автономии в целях подготовки... к их последующей культурной автономии»⁷⁵. Аналогичную мысль отстаивает американский профессор А. Лоу, утверждая, что таким способом австрийские социал-демократы собирались «устранить серьезные препятствия с пути австрийского социализма»⁷⁶.

Советологи фактически одобряют оппортунистическую перестройку австрийской социал-демократической партии, которая в 1897 году была реорганизована в федеративный союз шести национальных «социал-де-

мократических групп» — немецкой, польской, чешской, итальянской, русинской и южнославянской. В результате этого единая социал-демократическая партия в Австрии распалась, внутри ее началась национальная борьба, которая, по словам В. И. Ленина, помогла буржуазии осуществить на практике раздробление рабочих⁷⁷, «свела... на нет великую задачу революционной борьбы...» Поэтому В. И. Ленин указывал, что австрийский опыт должен служить для всей международной социал-демократии не примером, а предостережением⁷⁸.

В то же время буржуазные идеологи пытаются найти противоречие между отказом большевиков положить национальный признак в основу политической организации и национальным составом партии, являвшимся до Октябрьской революции преимущественно русским. Так, Р. Шпорлюк отмечает, что Ленин хотел предотвратить утверждение в партии русского национализма. «Но как могла партия,— вопрошает американский советолог,— преодолеть русскую национальную ориентацию, когда по своему составу она была главным образом русской, и те из ее членов, которые были нерусскими по происхождению, были очень часто, если не вполне, русифицированными?»⁷⁹

Здесь буржуазный социолог делает попытку противопоставить интернациональному принципу построения партии ее национальный состав, чтобы обосновать миф о «русской ориентации» РСДРП. Между тем вся история нашей партии наглядно свидетельствует о том, что с самого начала ей была чужда какая-либо национальная ограниченность, «ориентация» на какую-либо одну нацию России. КПСС возникла, сложилась и развивалась как партия российского пролетариата, как передовой отряд трудящихся всех наций страны. В связи с этим В. И. Ленин писал: «...Партия, чтобы уничтожить всякую мысль о ее национальном характере, дала себе наименование не русской, а российской»⁸⁰. Ни о какой «русской» ориентации партии не могло быть и речи. Партия на протяжении всей ее истории вела борьбу против проявлений национализма и шовинизма в первую очередь в своих рядах.

Что касается малочисленности представителей нерусских трудящихся в РСДРП в дооктябрьский период,

то в данном вопросе буржуазные историки, как это уже отмечалось в советской исторической литературе, умышленно отрывают национальный состав партии от ее социальной базы. Известно, что две трети рабочего класса, который составляет социальную опору партии, до Октябрьской революции было сосредоточено в таких промышленных районах, как Петербургский, Московский, Юго-Западный, Донецкий, Бакинский и Уральский. Некоторые национальные окраины России почти не имели промышленного пролетариата. Тем не менее, благодаря упорной и целенаправленной интернациональной деятельности большевиков партия в годы нового революционного подъема объединяла в своих рядах рабочих не менее 24 наций и народностей страны. И, что гораздо важнее, независимо от численности представителей трудящихся нерусских национальностей в партии она отражала национальные и интернациональные задачи и интересы всего русского пролетариата⁸¹.

Широко распространенный в буржуазной исторической науке миф о том, что будто бы до Октябрьской революции КПСС являлась «русской» партией, используется антисоветчиками для фабрикации различных концепций. В частности, опираясь на эту концепцию, буржуазные историки пытаются оправдать ту борьбу, которую вели против РСДРП оппортунисты из национальных социал-демократических организаций России. Так, например, Пейдж, говоря о нежелании руководства «Бунда» признать интернациональный принцип построения партии, объясняет это тем, что будто бы «Бунду было нелегко... передавать под русское (подчеркнуто мною.— Авт.) господство плоды лет успешных усилий»⁸². С другой стороны, борьба В. И. Ленина и его единомышленников за последовательное осуществление принципа интернационализма в строительстве партии изображается буржуазными фальсификаторами как стремление русских большевиков «подчинить «Бунд» российскому контролю...»⁸³.

Тезис о мнимом русском «господстве» и «контроле» понадобился буржуазным историкам для оправдания сепаратизма и национализма «Бунда», вызванного влиянием еврейской буржуазии на «свой» рабочий класс, ее стремление к обособлению еврейского пролетариата

от русского и международного рабочего движения. Известно, что с момента зарождения российской социал-демократии «Бунд» постоянно под разными предлогами отвергал принципы интернационализма. Историю взаимоотношений руководства «Бунда» с партией можно проследить по многочисленным партийным документам и работам В. И. Ленина, в которых разоблачается антимарксистская, националистическая сущность политической линии «Бунда», ее глубокая враждебность интересам еврейского пролетариата. Так, в связи с выходом «Бунда» из партии и уходом его представителей со II съезда РСДРП В. И. Ленин отмечал, что «своей тактикой разъединения и раздробления он превращает в ничто великий завет сближения и единения пролетариев всех наций, всех рас, всех языков» и что съезд «Бунда» поступил бы гораздо честнее, если бы постановил, что он образует самостоятельную социал-демократическую национальную (или вернее: националистическую) партию⁸⁴. На IV (Объединительном) съезде РСДРП бундовцы решили вернуться в партию, которая «ставила условием прекращение сепаратизма, т. е. объединение на местах рабочих-марксистов всех и всяких национальностей»⁸⁵. Пятая конференция РСДРП (1908 г.) вновь подчеркнула необходимость соблюдения этого требования всеми местными социал-демократическими организациями. Но «Бунд» не подчинился общепартийным решениям и, продолжая прежнюю линию на обособление от партии, вместе с другими антибольшевистскими организациями вошел в Августовский ликвидаторский блок⁸⁶. Таков был закономерный итог бундовского национализма, о чем по вполне понятным причинам буржуазные историки умалчивают.

Решение бундовского руководства о выходе из РСДРП не было вызвано, как изображают советологи, стремлением к сохранению автономии внутри партии. Ленинский принцип демократического централизма обеспечивал достаточный простор для партийных организаций в решении всех вопросов местного значения. Бундовцы же отстаивали фактически не автономию, а федерацию. Различие между этими двумя требованиями, как указывал В. И. Ленин, состоит в том, что «федерация означает обособленность, а автономия — слияние частей партии»⁸⁷.

Тот же тезис о якобы принципиальной невозможности сочетания национальных интересов с принципом интернационализма используется фальсификаторами и для разъяснения истории взаимоотношений между РСДРП и другими национальными социал-демократическими организациями — Социал-демократией Польши и Литвы (СДПЛ) и Социал-демократией Латышского края (СДЛК). Пейдж отмечает, что «уже в 1910 г. Бунд, латышская социал-демократия и некоторые элементы польской партии (т. е. социал-демократии.— Авт.) объединили силы с меньшевиками», так как-де иначе национальные организации «могли достаточно потерять свои национальные особенности, чтобы стать частью монолитной партии с преобладанием русских»⁸⁸.

Во-первых, здесь неправомерно замалчивается интернационалистская сущность СДПЛ и СДЛК, которые в отличие от «Бунда» всегда являлись территориальными организациями, объединявшими рабочих различных национальностей. Это облегчало их слияние с РСДРП.

Во-вторых, американский историк ничего не пишет о том, что внутри самих национальных социал-демократических организаций постоянно шла борьба между двумя течениями — националистическим и интернационалистическим, причем по мере расширения и углубления рабочего движения росло и усиливалось не первое, а второе течение.

Уже вскоре стала ощущаться глубокая ошибочность решения руководства этих партий примкнуть к лагерю меньшевиков-ликвидаторов. В начале 1914 г. IV съезд СДЛК принял решение об уходе из ликвидаторского Августовского блока и избрал ЦК, состоявший только из большевиков. В том же году ЦК СДПЛ обратился в большевистский ЦК с просьбой включить представителей СДПЛ в состав делегации РСДРП на международный социалистический конгресс, заявив, что «вопрос об объединении с РСДРП — вопрос ближайшего будущего»⁸⁹.

Все это свидетельствовало о том, что прежние решения СДПЛ и СДЛК о сотрудничестве с меньшевиками-ликвидаторами объяснялись временными националистическими шатаниями в их рядах, которые были в основном преодолены к лету 1914 года. Как писал В. И. Ленин, «сколько ни извиваются ликвидаторы, жизнь

берет свое... События в латышской с.-д. подтверждают это так же наглядно, как и весь ход рабочего движения во всей России»⁹⁰.

Умышленно выпячивая националистические тенденции в организационном строительстве РСДРП, советологи в то же время умалчивают о наличии в партии значительного количества здоровых сил, которые твердо стояли на позициях интернационализма. Руководство ЦК РСДРП признавали партийные организации Закавказья, Украины, Белоруссии, Поволжья, Урала, Средней Азии и других национальных районов страны. Благодаря также их деятельности принцип интернационализма восторжествовал и в партийном строительстве. В результате Краковское совещание ЦК РСДРП с партийными работниками (1913 г.) констатировало «полное банкротство федералистических начал в построении с.-д. партии и глубокий вред обособленности «национальных» с.-д. организаций для пролетарского дела»⁹¹. Следовательно, принцип интернационального построения внедрился в партии не по прихоти В. И. Ленина и не в силу «русской ориентации» большинства ее членов, как утверждают идеологи буржуазии. Тысячи сознательных рабочих, сама жизнь высказались в пользу этого принципа — единственно научного и единственно политически правильного. Без этого единства нашей партии по руководству трудящимися массами никогда не увенчалась бы успехом.

Таким образом, какой бы тезис буржуазных социологов и историков мы ни рассмотрели, он оказывается надуманным и фальшивым, созданным для потребностей империалистической пропаганды. Как идеология партии, так и принципы ее построения, как национальная политика, так и практика ее осуществления убедительно свидетельствуют об интернационализме КПСС. Не только дооктябрьские слова большевистской партии, но и ее дооктябрьские дела пронизаны принципами единства трудящихся всех наций. Они также полностью соответствуют друг другу, как и послеоктябрьские дела соответствуют дооктябрьским словам, т. е. заявлениям и декларациям партии. И в этом нет ничего удивительного: послеоктябрьская национальная политика партии есть закономерное продолжение и развитие ее дооктябрьской политики.

ПАРТИЯ ВО ГЛАВЕ БОРЬБЫ МАСС ЗА ПОБЕДУ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ И СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИЙ: МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

§ 1. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИСТОКИ РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ В РЕГИОНЕ

Советские историки уже отмечали, что термин «социально-экономические предпосылки социалистической революции» чужд буржуазной историографии, которая зиждется на теориях «единого индустриального общества», «стадий экономического роста» и «конвергенции». «В рамках этих теорий Октябрьская революция в России рассматривается как явление, возможное лишь в слаборазвитых странах при вступлении их в период промышленного развития»¹. В результате победа социалистической революции в нашей стране предстает как исключение из общих законов развития человеческого общества, как незакономерное явление в истории.

В то же время нельзя не отметить, что некоторые современные буржуазные авторы стали указывать на роль экономических и социальных факторов в созревании социалистической революции. Так, например, французские буржуазные историки Р. Жиро и М. Ферро отмечают тяжелое экономическое и социальное положение крестьянства и рабочего класса России в 1917 году, усугубленное войной и нежеланием правительства и предпринимателей пойти на уступки². Аналогичные заявления можно найти также и в некоторых других работах.

Хотя эти констатации и не означают признания буржуазными учеными марксистско-ленинской концепции о социально-экономических предпосылках социалистической революции, они отражают новые веяния в современной буржуазной историографии. Совершенно по-иному обстоит дело в работах, относящихся к истории национальных движений в России. Примат национального над социальным в буржуазной методологии приводит к тому, что социальное либо замалчивается, либо

изображается как нечто чуждое национальному. Вопрос о социально-экономических факторах и их действии в национальных районах страны не ставится совершенно. В итоге социалистическая революция на национальных окраинах России изображается как явление, в корне чуждое трудящимся нерусским народам, как нечто, навязанное им «сверху». По мнению Г. Менде, разделяемому большинством советологов, не только социалистическая, но даже Февральская буржуазно-демократическая революция к тюркским народам России «пришла на несколько десятилетий раньше», т. е. тогда, когда еще не успели сложиться условия для буржуазно-демократических преобразований. Поэтому тюркские народы, в том числе татары и башкиры, были в то время якобы поглощены подготовкой к устройству своей национальной жизни. Что касается вопросов социального развития, то они, за исключением небольшого числа «экстремистов», будто бы никого серьезно не интересовали. Эта концепция целиком заимствована западными буржуазными историками у националистических деятелей — белоэмигрантов, утверждавших, что революция «приходили» к нерусским народностям всегда «сверху»³.

Вопрос о социально-экономических истоках социалистической революции в Поволжье и на Урале достаточно сложен, он требует определенного экскурса в область истории экономических и социальных отношений в регионе. Прежде всего, следует всегда иметь в виду, что, несмотря на шовинистическую политику царизма, присоединение Поволжья и Урала к русскому государству объективно имело прогрессивное значение, так как оно способствовало усилению хозяйственных, бытовых и культурных связей населяющих их народов с русским народом, с русским центром. Поэтому вхождение в состав России несомненно ускорило развитие общественных отношений среди народов Волго-Уральского района, оно вело так или иначе к возникновению там тех же социально-экономических процессов, которые происходили одновременно или раньше в центральных районах государства. Так, в конце XVIII — начале XIX века основным содержанием социально-экономических процессов в Поволжье и на Урале — так же, как и в центре государства — было разложение феодализма

и развитие капиталистических отношений. Этот процесс проявлялся в тенденциях к увеличению товарности сельскохозяйственного производства, к развитию различных промыслов, к применению вольнонаемного труда в промышленности, к росту числа фабрично-заводских предприятий. Экономическая политика царского правительства в регионе была противоречивой: стремясь сохранить аграрно-сырьевой характер экономики Поволжья и Урала, оно в то же время под давлением объективных законов общественного развития было вынуждено в определенной степени насаждать промышленность. Так в XVIII в. на Урале был построен ряд горных заводов (Авзяно-Петровский, Воскресенский, Верхотровский, Тирлянский, Белорецкий и т. д.). В конце того же столетия появился казенный пороховой завод в Казани. В XIX столетии по указанию правительства были построены крупные механические заводы в Ижевске и Воткинске: первый — для производства оружия, второй — для изготовления различных металлоконструкций, паровозов, речных судов и т. д. Определенную активность в насаждении промышленности проявлял частный капитал: в качестве примера могут быть названы Звениговский судоремонтный завод в Марийском крае, Алафузовские текстильная и кожевенная фабрики, Крестовниковский мыловаренный завод и химический завод Ушкова в Татарии, Нижне-Троицкая суконная фабрика, механический завод Гутмана в Башкирии и т. д.

Сильный толчок для развития экономики региона дало строительство в конце прошлого — начале нынешнего столетий ряда железных дорог: Московско-Казанской, Самаро-Златоустовской, Волго-Бугульминской, Усолье-Печорской и т. д.

По данным 1916 года, численность фабрично-заводских предприятий и численность рабочих, подчиненных контролю фабричной инспекции, выражались в губерниях региона в следующих цифрах⁴.

Некоторое время тому назад отдельные советские историки, считая промышленное развитие Поволжско-Уральского района накануне социалистической революции в целом слабым, критиковали попытки искать в его экономике черты империализма. Однако тенденция приписывать экономике региона лишь роль аграрно-

Губернии	Число предприятий	Число рабочих
Вятская	111	14264
Казанская	191	23696
Нижегородская	254	51821
Оренбургская	95	7310
Пензенская	109	11508
Пермская	236	24627
Самарская	253	22671
Симбирская	131	15394
Тамбовская	192	23363
Уфимская	91	6162

сырьевого придатка в системе российского хозяйства, категорическое отрицание существования в общественно-экономическом укладе Поволжья и Урала империалистических черт в свете опубликованных в последние годы работ советских историков представляются не совсем убедительными. Так, У. Б. Белялов приводит в своей монографии интересные данные о деятельности в дореволюционной Татарии довольно крупных монополистических объединений — «Товарищества химических заводов П. К. Ушкова и К^о», «Фабрично-торгового товарищества братьев Крестовниковых», «Торгово-промышленного акционерного общества Алафузовых» и т. д.⁵

Почти до конца 50-х годов в вопросе о социально-экономической характеристике народов региона советская историография стояла на позициях сталинского тезиса, согласно которому тюркские народы, в частности, татары и чуваша, до Октябрьской революции не прошли стадии капиталистического развития, а башкиры вообще представляли «по преимуществу скотоводческие племена, где родовой быт еще жив и которые еще не перешли к земледельческому хозяйству»⁶. Ошибочность сталинской точки зрения состояла по словам чувашского историка И. Д. Кузнецова в том, что он «совершенно игнорировал аграрный капитализм и недооценивал значение промышленного капитализма в районе жительства тюркских народов»⁷.

XX съезд КПСС, провозгласивший начало борьбы за очищение советской общественной науки от догматических наслоений прошлого, открыл дорогу также и для пересмотра устаревших концепций и тезисов в области

национального вопроса. В 1964 г. в журнале «Вопросы истории КПСС» была опубликована в порядке обсуждения статья М. С. Джунусова, в которой констатировалось, что «до сих пор остаются фактически не исследованными многие вопросы политики и тактики партии, ее организаторской деятельности среди народов Советского Востока, совершивших переход к социализму, минуя капитализм». Автор приводил в статье отдельные данные о башкирах, марийцах, татарах и чувашах. М. С. Джунусов предложил новую группировку народов Советского Востока — в зависимости от уровня развития их производительных сил, экономических отношений, социального состава и общекультурного уровня населения. К группе народов, у которых накануне социалистической революции господствовали еще дофеодальные или полуфеодальные отношения, он отнес малые народности и этнографические группы Крайнего Севера и Дальнего Востока⁸. Вторая группа объединяла народы, которые находились в самой начальной стадии капиталистического развития (к ним М. С. Джунусов отнес также башкир). В последнюю, третью группу, были включены те народы Востока (в том числе татары), у которых в начале нынешнего столетия «уже были развиты торговый капитализм и система наемного труда в сельском хозяйстве», но которые «не успели еще пройти этап промышленного капитализма»⁹. Эта статья советского философа положила начало оживленной дискуссии, которая продолжалась до середины 1965 г.

В дискуссии принял участие ряд ученых региона. В их статьях была сделана попытка по-новому подойти к освещению данного вопроса. Так, уфимский историк Ф. Л. Саяхов, соглашаясь в целом с выводом М. С. Джунусова относительно некапиталистического пути развития башкир, в то же время предлагал дифференцированно подойти к северо-западным башкирам, считая, что они к моменту Октября уже прошли определенный отрезок капиталистического пути развития¹⁰. По мнению ижевского историка И. В. Перевощикова, удмурты до Октябрьской революции еще находились на пути перехода к капиталистической мануфактуре, они начали строить социализм, минуя стадию промышленного капитализма¹¹. Чебоксарский историк И. Д. Кузнецов в письме, присланном в редакцию журнала, считал, что

«к моменту Октябрьской революции чуваша, мари, мордва и удмурты были в определенной степени втянуты в систему российского капитализма»¹².

В результате весьма основательной разработки данной проблемы в советской исторической литературе¹³ у большинства советских ученых сложилось мнение, что в начале XX в. народы региона находились на различных ступенях капиталистической стадии развития.

Однако отдельные советские историки и философы по-прежнему считают, что все или, по крайней мере, некоторые народы Среднего Поволжья и Урала фактически совершили переход к социализму, минуя капитализм. Так, по мнению О. И. Чистякова, народы Поволжья «не успели пройти стадию капитализма», так как «не имели или почти не имели своего промышленного пролетариата». Некоторое исключение делается им лишь для татар и башкир, которые, хотя и «вовлекались в капиталистическое развитие и начинали консолидироваться в буржуазные нации, но у них преобладали еще патриархально-феодальные отношения»¹⁴. А. К. Азизян прямо относил башкир к народностям, которые совершили переход к социализму, минуя капитализм¹⁵. А. Г. Агаев рассматривает татар и чувашей как народности, которые в начале века втягивались в раннекапиталистические отношения¹⁶.

Существование различий во взглядах советских ученых используется буржуазными учеными для конструирования концепций, соответствующих их политическим устремлениям. В этом проявляется определенная закономерность: буржуазные историки стремятся дать извращенное толкование именно тех вопросов, по которым нет единой точки зрения среди советских ученых.

В своей основной массе советологи стремятся преувеличить степень социально-экономической отсталости народов Поволжья и Урала накануне Октябрьской революции. Эта тенденция развивается по трем основным направлениям.

Одни историки, как, например, Г. фон Менде, Г. Исхаки, А. Акыш, руководствуясь «геополитическими» или пантюркистскими соображениями, фактически отрицали существование в регионе отдельных наций, рассматривая их как еще не распавшиеся тюркоязычные и финноязычные этнические общности. Так, Менде в книге

«Народы Советского Союза», характеризуя тюркские народы как национальную общность, указывал на «их связь между собой и с остальным исламским миром». Марийцев, удмуртов и мордву фашистский профессор рассматривал как остатки финских племен, которые в свое время поселились в средней полосе России¹⁷. Белоземляне Г. Исхаки и А. Акыш постоянно оперировали такими терминами, как «тюрко-татары», «тюрки Идель-Урала», «угро-финны» и т. п.¹⁸

Второе направление среди буржуазных историков хотя и признает существование отдельных наций Идель-Урала, но отрицает сколько-нибудь значительную социальную дифференциацию внутри каждой из них. К этому направлению относятся Р. Пайпс, частично Ч. Хостлер и некоторые другие буржуазные историки¹⁹. Пайпс, например, давая социальную характеристику башкирам, просто называет их полукочевым народом.

Представители третьего направления видят социальную неоднородность народов региона, а некоторые из них даже указывают в отдельных случаях на наличие классов буржуазного общества.

Антинаучность и реакционность взглядов представителей первых двух направлений настолько очевидны, что они не пользуются в современной буржуазной науке большой популярностью. Новое поколение советологов предпочитает отмежевываться от подобных взглядов. Поэтому целесообразнее остановиться на том, насколько далеко в изображении буржуазных историков зашла к началу нынешнего века социальная дифференциация у народов Поволжья и Урала.

Советологи выделяют из остальных народов региона татар, которые, по словам В. Коларза, «создали довольно сильный торговый класс» (т. е. буржуазию) и интеллигенцию²⁰. На наличие богатой буржуазии у татар указывает А. Смит²¹. С. Зеньковский видит среди татар аристократию, земельных собственников, купцов, крестьян, предпринимателей, интеллигенцию, рабочих²². По А. Беннигсену и Ш. Келькеже, татарское общество накануне Октября 1917 года состояло из знати (земельной аристократии), крестьян (бедных, средних и богатых), буржуазии (коммерческой и промышленной) и

пролетариата (индустриального и сельскохозяйственного)²³.

Что касается остальных народов Поволжья и Урала, то советологи не уделяют сколько-нибудь большого внимания их социально-экономической характеристике. Видимо, в этом факте проявляется пренебрежительное отношение буржуазной исторической науки к малым народам как к «неисторическим» нациям.

Большинство буржуазных историков характеризует народности Поволжья и Урала просто как крестьянские. Так, Г. Менде писал о марийцах, мордве и удмуртах как о крестьянах²⁴. Ч. Хостлер отмечал среди чувашей наличие крестьян и бурлаков²⁵. Э. Карр указывал на башкир как на народность, занимавшуюся до социалистической революции сельским хозяйством и лесоводством²⁶, и т. д. и т. п.

Эта констатация, главным образом характера занятий народов Поволжья и Урала, без анализа сущности социально-экономических отношений среди них, не позволяет буржуазным историкам подняться до понимания закономерностей общественного развития. Поэтому не случайно буржуазной историографии органически чужда концепция о капиталистическом развитии народов Волго-Уральского региона накануне Октябрьской революции²⁷.

Кроме того, термин «крестьянские народы» удобен тем, что помогает буржуазным историкам уйти от ответа на вопрос о характере социально-экономических отношений в регионе в тот период. Крестьянство — класс-сословие феодального общества. Поэтому применение термина «крестьянские народы» в целях подчеркивания факта преобладания населения, занятого сельским хозяйством, прямо или косвенно способствует советологам в деле расстановки акцентов на социально-экономической отсталости народов Поволжья и Урала.

Важное теоретическое и методологическое значение для понимания сущности социально-экономических процессов, происходивших после реформы 1861 года также в Поволжье и на Урале, имеет ленинское указание о том, что «поскольку крестьянин вырывался из-под власти крепостника, постольку он становился под власть денег, попадал в условия товарного производ-

ства, оказывался в зависимости от нарождавшегося капитала»²⁸.

Несмотря на многочисленные пережитки феодального (а местами даже патриархально-родового) строя, вопреки реакционной политике царизма и в этом регионе процесс развития капитализма охватил все отрасли экономики — сельское хозяйство, промышленность, торговлю и др.

Одним из основных проявлений развития капитализма в сельском хозяйстве региона был процесс превращения помещичьего землевладения в капиталистическое, сопровождавшийся частичной распродажей помещичьих земель. В результате дворянское землевладение в регионе в пореформенный период заметно сократилось. Так, с 1877 года по 1905 год площадь помещичьих земель в 4 уездах Марийского края сократилась более чем в 16 раз. За тот же период дворянское землевладение в Уфимской губернии сократилось в 1,3 раза, в Оренбургской — в 1,8 раза (в целом по России этот показатель равнялся 1,4). В Чувашии в пореформенный период количество помещичьих имений сократилось почти вдвое²⁹. О постепенной замене феодального землевладения капиталистическим свидетельствовал и другой фактор: быстрый рост землевладения купцов, мещан и богатых крестьян. Так, к 1905 г. крестьяне 8 уездов Чувашского края приобрели свыше 80 тыс. десятин земли, большая ее часть попала в руки кулаков; в Уфимской губ. с 1877 г. по 1905 г. частное крестьянское землевладение увеличилось в 3,1 раза³⁰.

Находившиеся в экономической зависимости от кулаков и ростовщиков бедняки и маломощные середняки подвергались различным формам капиталистической эксплуатации (аренда земли за более высокую плату, возврат долга с высокими процентами, выполнение различных сельскохозяйственных работ и т. д.). Так, по данным обследования положения чувашских крестьян Тетюшского и Чистопольского уездов Казанской губернии 1883 года, кулаки широко спекулировали землей и на кабальных условиях ссужали хлеб крестьянам³¹. В Яранском уезде Вятской губ. в 90-х годах XIX в. 16% крестьянских хозяйств, занимавшихся земледелием, применяли наемный труд батраков и поденщиков³². Между тем буржуазные историки обходят

полным молчанием многочисленные факты применения труда батраков зажиточной частью крестьянства Поволжья и Урала в конце XIX — начале XX века, установленные исследованиями советских историков.

Капиталистические отношения складывались также среди ремесленников и кустарей. В Поволжье и Приуралье издавна были развиты многочисленные кустарные промыслы, связанные с использованием и обработкой полезных ископаемых, продукции лесного и сельского хозяйства: смолокурение, углежжение, кулеткачество, изготовление деревянной тары и клепки, транспортных плетенок, лаптей, кирпича и гончарной посуды, выделка овчины и кож и т. д. и т. п. Первоначально эти операции выполнялись отдельными крестьянами и их семьями и ими же сбывались на рынке. Развитие капитализма наложило свой отпечаток и на неzemледельческие занятия крестьянства. Прежде всего, росла численность крестьян, отрывавшихся все больше от сельского хозяйства и занимавшихся только ремеслом. Постепенно исчезала и былая хозяйственная самостоятельность отдельных кустарей — они все больше втягивались в систему капиталистического хозяйства. По мере расслоения среди кустарей появляются на одном полюсе — малосостоятельные элементы, живущие продажей своей рабочей силы, на другом — более состоятельные элементы, постепенно превращающиеся в торговцев и мелких предпринимателей. Кустари-труженики все чаще попадали под двойную зависимость: с одной стороны, их эксплуатировал скупщик готовой продукции, с другой — поставщик сырья. Нередко эксплуататоры объединялись в одном лице. На этой основе возникала простая капиталистическая кооперация, а затем — и капиталистическая мануфактура.

Так, в конце XIX столетия Янгильдинская волость в Чувашии представляла собой одну большую кулеткацкую мануфактуру, в которой было занято более 2 тысяч человек. Примерно в то же время в четырех чувашских волостях Козьмодемьянского уезда насчитывалось 75 кулеткацких мастерских, не считая надомников. Точно так же на базе капиталистических отношений в крае развивался смолокурный промысел³³. По данным, приведенным В. И. Лениным в книге «Развитие капитализма в России», в 9 уездах Вятской губ. более 50%

мелких товаропроизводителей-кустарей частично или полностью подвергались капиталистической эксплуатации³⁴. Характеризуя промыслы по выделке деревянных изделий в Башкирии, советские историки отмечали, что «все кустари работали на рынок, причем значительная часть изделий попадала в руки посредников»³⁵.

Капиталистический характер приобрела и миграция населения района Волги и Урала в предоктябрьский период, о чем говорит высокий процент отходничества. В 1900 г. по пяти чувашским уездам Казанской губернии получили паспорта около 50 тысяч отходников. Примерно в то же время по Мордовии ежегодно уходило на заработки около 100 тысяч человек. Высокий процент отходников давало и татарское крестьянство. Всего накануне первой мировой войны из Казанской губернии ежегодно уходило на заработки свыше 200 тысяч человек³⁶. Большинство отходников возвращалось в деревню, но значительная их часть закреплялась в промышленности, превращалась в пролетариев.

География отходничества была самой разнообразной: от работы на предприятиях своей губернии до работы на заводах и фабриках отдаленных окраин страны. Выходцы из деревень Поволжья и Урала были заняты на сельскохозяйственных работах в центрально-черноземных губерниях, на шахтах и предприятиях Донбасса и Юга России, на бакинских нефтяных и астраханских рыбных промыслах, на южноуральских рудниках, на Ленских золотых приисках и т. д. В результате пролетаризация крестьянских масс происходила в основном вне Волго-Уральского региона. Эту особенность формирования национального пролетариата Поволжья и Урала уже неоднократно отмечали советские историки³⁷. Но отсюда было бы неправильно заключить, что процесс пролетаризации нерусского крестьянства совершенно не происходил в самом регионе. Развитие капитализма, способствуя эволюции промыслов в направлении капиталистической мануфактуры, а в отдельных случаях — и фабрично-заводской промышленности, вело в конечном счете к формированию пролетариата и на местах.

Так, в пореформенные годы в Чувашии возникли промышленные лесоразработки, на которых было занято примерно 15 тысяч человек. Большие масштабы

лесная промышленность приобрела к концу века и в Удмуртии. В 1898 г. в крае насчитывались 14,5 тысячи рабочих-лесорубов и сплавщиков. Эта отрасль промышленности развивалась также в Мордовии, Башкирии и Марийском крае³⁸.

Одновременно в крае приобрели определенное развитие такие отрасли промышленности по переработке сельскохозяйственного сырья, как винокуренная, мукомольная, маслобойная, мыловаренная, кожевенная, пимокатная и т. п.

Особенность формирования национального пролетариата в регионе заключалась также в том, что он был занят главным образом на сезонных и вспомогательных работах. Так, удмуртские, мордовские и марийские рабочие были заняты в основном в лесной промышленности, чувашские — в лесной и винокуренной промышленности, а также на водном и железнодорожном транспорте. Из 19 тысяч башкир, занятых в промышленности, 2,5 тысячи работали в горной промышленности, 8,7 тысячи человек — на лесоразработках, 3 тысячи — на золотых приисках, 1,4 тысячи — в строительстве и т. д.³⁹

Что касается кадровых фабрично-заводских рабочих-националов, то их численность была невелика. Опираясь на опубликованные данные, можно утверждать, что они насчитывали вместе несколько тысяч человек. Более крупные группы среди них по национальному признаку составляли башкиры и чуваша. Отсюда можно сделать вывод, что накануне социалистической революции рабочий класс большинства нерусских национальностей Поволжья и Урала находился на начальной стадии своего формирования. Исключение составлял лишь татарский рабочий класс, который в 1914 году насчитывал не менее 150 тысяч человек и по своей численности уступал лишь русскому, украинскому и латышскому рабочему классу⁴⁰. В своей значительной массе это был фабрично-заводской пролетариат.

Нельзя не сказать несколько слов и о формировании национальной торгово-промышленной буржуазии. Она вкладывала свой капитал в основном в торговлю, лесную и пищевую промышленность. Так, несомненно существование чувашской буржуазии (торговля, лесоразработки), марийской буржуазии (мелкие предприя-

тия и лесопромышленность), удмуртской буржуазии (торговля, кустарно-промысловые заведения), башкирской буржуазии (лесная, золотодобывающая и фабрично-заводская промышленность)⁴¹. Эта буржуазия была немногочисленной и слабой, так как национальная политика царизма и конкуренция крупных русских и иностранных капиталистов мешали ей упрочить свои экономические позиции. Лишь у татар существовала довольно значительная торгово-промышленная буржуазия, которая будучи относительно слабее русской, являлась в то же время достаточно сильной, чтобы эксплуатировать наряду с русским и иностранным капиталом народы Поволжья и Урала (да и не только этого региона). Процесс концентрации производства и централизации капитала, который развивался также среди татарской буржуазии, привел к образованию торгово-промышленных товариществ и торговых домов. Накануне первой мировой войны по всей России татарским капиталистам принадлежали 6 торгово-промышленных товариществ и 154 торговых дома. При этом в последние годы истории Татарии, в результате введения в научный оборот новых, ранее не изученных документов, стали склоняться к выводу, что в татарской нации накануне социалистической революции доминирующее положение занимала не торговая, а промышленная буржуазия. Так, казанский историк Х. Х. Хасанов на основе соответствующих подсчетов установил, что татарский промышленный капитал составлял 5,5 миллиона рублей, в то время как торговый не превышал 3,9 миллиона рублей⁴².

Таким образом, имеющиеся факты дают основание утверждать, что накануне социалистической революции капиталистические отношения развивались у всех народов Поволжья и Урала, хотя этот процесс и происходил неравномерно: у мордвы, чувашей, марийцев и удмуртов имелись отдельные признаки буржуазной нации; у башкир также шел процесс ее формирования; у татар к концу прошлого столетия имелись все признаки, характеризующие буржуазную нацию. Советские ученые не относят поэтому народы Поволжья и Урала к числу тех, которые в начале XX в. еще находились на феодальной стадии развития⁴³.

Наряду с социально-экономическими факторами

нельзя не упомянуть и политические факторы, способствовавшие назреванию революционного взрыва. Царская Россия представляла по своему общественному и государственному строю одну из наиболее отсталых стран Европы, в которой народные массы изнывали от бесправия, произвола властей, отсутствия элементарных возможностей для развития демократической культуры. Самодержавие царизма тормозило общественный прогресс, оно порождало глубокое недовольство всех демократических слоев населения.

Применительно к Поволжью и Уралу следует также сказать, что до социалистической революции он отличался особой остротой земельных отношений. Так, в конце прошлого — начале нынешнего столетия к числу малоземельных крестьян в Мордовии относилось до 43% крестьянских хозяйств, в Удмуртии — более 40% хозяйств⁴⁴. В дореволюционной Казанской губернии к числу безземельных и малоземельных хозяйств относились хозяйства 47,6% татарских крестьян⁴⁵. Крестьянство пылало лютой ненавистью не только к помещику, но и к церкви, эксплуататорскому государству и царской семье, которым принадлежали лучшие земли в регионе.

Особенно чувствительными для трудящихся нерусских наций были притеснения царских сатрапов в области культуры и религии. Меры по насильственной христианизации, отношение к национальным языкам как к «собачьим наречиям», преследования деятелей демократической культуры были обычным явлением в царской России. В 90-х годах прошлого столетия на всю страну прогремело так называемое «Мултанское дело» * в Удмуртии, сфабрикованное царскими властями в целях подогревания вражды к нерусским нациям и народностям. Не случайно национальная политика царизма вызывала глубокое недовольство нерусского населения, что вынуждены были признавать и представители самих кластей. В частности, начальник Казанского жандармского губернского управления в докладной в

* «Мултанское дело» — судебный процесс, который основывался на обвинении нескольких удмуртов в ритуальном убийстве человека. Благодаря активному вмешательству демократической общественности окончился полным провалом.

департамент полиции от 23 апреля 1914 года констатировал, что «националистическая политика русского правительства заставляет многих из татар призадуматься...»⁴⁶

Поэтому вполне естественно, что Волго-Уральский регион, как и многие другие губернии и области страны, являлся в конце прошлого — начале нынешнего века для царизма взрывоопасным районом, начиненным острыми социальными коллизиями. Здесь находили проявление противоречия между потребностями развития капитализма и многочисленными пережитками феодализма, тормозившими его развитие. С другой стороны, развитие капиталистических отношений неизбежно вело к обострению классовых противоречий между пролетариатом и буржуазией. Отсюда — наличие социально-экономической и политической базы для двух социальных войн: одной — общенародной борьбы за свободу и демократию, другой — борьбы пролетариата против буржуазии за социализм. Как отмечал профессор В. Бовыкин, «переплетение двух социальных войн предопределило тесную взаимосвязь объективных предпосылок буржуазно-демократической и социалистической революций, благодаря которой в России стало возможным перерастание буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую»⁴⁷.

Вместе с тем нужно со всей определенностью подчеркнуть, что вопрос о созревании предпосылок для революции — это не региональный, а общегосударственный вопрос, который «нельзя рассматривать в локальных — краевых, областных — географических рамках, изолированно от соотношения классовых сил по стране в целом»⁴⁸. Поэтому относительно Волго-Уральского региона мы говорим о наличии не предпосылок революции, а лишь той социально-экономической почвы, которая способствовала зарождению революционного движения. Назревание в начале XX века революционных событий в Волго-Уральском районе — это составная часть общего для всей страны революционного процесса. Вхождение региона в состав крупного капиталистического государства ускорило революционный взрыв и обеспечило более благоприятные условия для натиска на реакционные силы. В частности, огромным историческим плюсом для угнетенных народов По-

волжья и Урала явилась возможность опереться на революционный союз с российским пролетариатом. Эта возможность была реализована ими впервые (хотя и не полностью) в 1905—1907 гг.

Буржуазные авторы, делая акцент на экономической и политической отсталости народов региона, фактически отрицают их участие в революционном движении. По мнению советологов, революционное движение было характерно только для русских рабочих и крестьян, но не для трудящихся нерусских национальностей. Так, С. Зеньковский, описывая ход революции 1905—1907 гг. в районах с тюркским населением, отмечает, что «в Средней Азии, в Казахстане и в большей части Урало-Волжского региона мусульмане оставались спокойными и участвовали лишь в случайных демонстрациях против злоупотреблений местной администрации». Американский историк делает исключение лишь для татарских рабочих, занятых на предприятиях Казани и золотых приисках Урала, указывая, что они «принимали участие в забастовках и демонстрациях»⁴⁹. Движение чувашских, а также мордовских, марийских и удмуртских рабочих он вообще не принимает во внимание.

Хотя не все части региона имели достаточно сильно развитый промышленный пролетариат, рабочие Среднего Поволжья и Южного Урала внесли свой вклад в революцию 1905—1907 гг. Наличие ряда крупных очагов промышленности (Нижний Новгород, Пермь, Ижевск, Казань и др.), поддержка и помощь рабочих центрально-промышленной области, активная деятельность многих местных социал-демократических организаций и групп позволили рабочему классу региона в целом неплохо справиться с ролью гегемона буржуазно-демократической революции.

Выступления многонационального пролетариата наводили страх на представителей властей и господствующих классов. Так, рабочие Алатырских мастерских — русские, чуваша и другие — приняли активное участие во всеобщей забастовке на Московско-Казанской железной дороге в декабре 1905 г., в результате чего движение поездов было приостановлено на семь суток⁵⁰. В течение 10—12 дней существовала «Рузаевская республика» в Мордовии: в ней революционные рабочие различных национальностей через созданный ими

Распорядительный комитет (фактически Совет) осуществляли всю полноту власти⁵¹. Свой орган революционной власти — Совет рабочих уполномоченных создали также ижевские рабочие. Они организовали боевые дружины и осуществляли охрану революционного порядка⁵². В октябре 1905 г. одновременно с рабочими всей России забастовали рабочие юринских мастерских в Марийском крае. Они заставили администрацию мастерских и местного помещика пойти на некоторые уступки трудящимся⁵³. Победой закончилась забастовка башкирских и татарских рабочих летом 1905 г. на золотых приисках братьев Рамеевых⁵⁴.

Татарские рабочие Казани не ограничивались, вопреки утверждению Зеньковского, одними забастовками и демонстрациями. В октябре 1905 г. вместе с русскими рабочими они создали Городскую коммуну, которая фактически являлась органом революционной власти. Характеризуя размах буржуазно-демократической революции в России, В. И. Ленин в качестве одного из примеров ссылался на сообщение, опубликованное в одной из зарубежных газет: «Казань. Народ обезоружил полицию. Оружие, отнятое у нее, распределено между населением. Организована народная милиция. Господствует полнейший порядок»⁵⁵.

Негативный подход свойствен буржуазным ученым и при оценке крестьянского движения. А. Беннигсен и Ш. Келькеже, например, считают, что «в областях с оседлым населением — в Поволжье, Крыму и Туркестане — крестьянство было пассивным, политически аморфным, неорганизованным и неорганизуемым и, кроме того, полностью находившимся под влиянием крайне консервативного духовенства»⁵⁶.

Попытки советологов приписать многонациональному крестьянству Поволжья и Урала антиреволюционные тенденции не имеют под собой почвы. Несмотря на низкий образовательный уровень и сильное влияние мелкобуржуазной идеологии, основные массы крестьян региона активно участвовали в первой русской революции. Это позволило В. И. Ленину на основе обобщения опыта первой русской революции прийти к выводу о том, что «Поволжье — один из крупных центров крестьянского движения»⁵⁷.

Формы этого движения были самыми разнообраз-

ными: самовольная рубка государственных и помещичьих лесов, захват частновладельческих земель, отказ платить выкупные платежи, подати и налоги, захват хлебосыпных магазинов, столкновения с полицией и войсками, разгром помещичьих имений и т. д. Одной из повсеместно распространенных в регионе форм движения была рубка государственных и частновладельческих лесов. Ее динамику можно проследить, например, по увеличению числа крестьян, привлеченных царскими властями к судебной ответственности в трех уездах Казанской губернии — Козьмодемьянском, Чебоксарском и Царевококшайском: в 1902 г. — свыше 500, в 1903 г. — свыше 600, в 1905 г. — 962, в 1907 г. — 1543 человека⁵⁸.

Разгром помещичьих имений имел место там, где было сильно развито помещичье землевладение, т. е. главным образом в Татарии и Башкирии. Были разгромлены, например, имения барона Притовиц, Рооп, Шейх-Али и других⁵⁹. Крестьяне применяли также и такую форму борьбы против помещиков, как поджоги их имений. По неполным данным, только в Татарии в 1906 году произошло около 40 таких поджогов⁶⁰.

В тех же частях региона, где помещичье и вообще частное землевладение не было распространено (Марийский край, Удмуртия, частично Чувашия), крестьянское движение направлялось главным образом против местных властей: «здесь крестьяне в лице земского начальника, полиции и волостных властей видели... главных своих врагов»⁶¹.

В период революции 1905—1907 гг. по всему региону происходили кровавые столкновения крестьян с полицией и войсками. Характер народного восстания носили, например, выступления крестьян сел Чемеево (Чувашия)⁶², М. Цильна и Байряки (Татария)⁶³, Иванцево и Куракино (Мордовия)⁶⁴, Юрино (Марийский край)⁶⁵, Н. Мултан (Удмуртия)⁶⁶, Бураево и Ерлыково (Башкирия)⁶⁷. Царские жандармы усматривали большую опасность этих выступлений для существующего строя — недаром о цильнинских и чемеевских событиях сообщалось в докладных записках департамента полиции царю Николаю II⁶⁸.

Буржуазные историки в антинаучных целях чрезмерно сгущают краски, заявляя, что будто бы крестьянство

региона «полностью находилось» под влиянием консервативного духовенства. Сохранившиеся же документы говорят о том, что, хотя в 1905—1907 годах крестьянство еще и не освободилось из-под влияния религиозного дурмана, оно все решительнее втягивалось в революционное движение. В Чувашии, например, в предреволюционные и особенно революционные годы неоднократно происходили стычки крестьян с церковниками из-за земли и из-за различных церковных поборов⁶⁹. Правда, крестьяне в целом ряде случаев все еще поддавались на уговоры духовников не поднимать «бунты» против властей и государя. Но все чаще встречались факты и противоположного характера, когда поднявшиеся на борьбу крестьяне, невзирая на речи религиозных проповедников, творили физическую расправу над эксплуататорами и стражниками. Падение влияния религиозных мракобесов вынуждены были признавать и сами местные власти. Так, буинский полицейский исправник, сообщая о происшедшем в с. В. Каракитаны (Татария) крестьянском волнении, отвечал: «По моей просьбе присутствовавшие муллы пытались обратиться к собравшимся на сход крестьянам со словом увещевания, но толпа озлобленно закричала на них и не дала говорить». Враждебное отношение крестьян к духовенству усиливалось по мере того, как они начинали понимать, что попы и муллы всегда защищают интересы эксплуататоров народа. Поэтому духовники нередко испытывали законный страх перед революционным народом. Например, в одном из доносов в полицейские органы татарские муллы выражали опасение, как бы им «не досталось от нашего народа»⁷⁰.

В период революции 1905—1907 гг. среди крестьянских масс региона получила значительное распространение народническая (эсеровская) пропаганда. Это объяснялось тем, что именно в эти годы в Поволжье оформились, кроме русских, еще национальные организации эсеров — Чувашский союз и магометанская организация⁷¹. Интересы борьбы за усиление пролетарского влияния на мелкобуржуазные слои населения города и деревни требовали от большевиков осуществления «левоблокистской тактики» в буржуазно-демократической революции. В то же время большевики видели непоследовательность мелкобуржуазных пар-

тий, в частности, партии эсеров, разоблачали их претензии выступать под «социалистическими» лозунгами.

Если советологи в отдельных случаях отмечают деятельность эсеров в буржуазно-демократической революции, то они, как правило, совершенно умалчивают о большой идейно-политической и организаторской работе большевистских организаций и групп Поволжья и Урала — Нижегородской, Казанской, Самарской, Вятской, Пермской, Уфимской и т. д. Между тем советские историки внесли заметный вклад в освещение этого вопроса. Изданы коллективные работы, сборники документов и материалов, индивидуальные труды, в которых раскрывается деятельность большевиков по политическому просвещению масс, по мобилизации их на борьбу против самодержавного строя.

Довольно сильное развитие в регионе в годы революции получила большевистская и революционно-демократическая печать. В частности, издавались газеты «Рабочий» (Казань), «Уфимский рабочий», «Азат халык» и «Хыпар» (Казань), «Урал» (Оренбург) и т. д. Значительными тиражами печатались большевистские листовки и прокламации. Революционная пропаганда и агитация приобрели широкий размах, вызывая злобу и страх среди представителей господствующих классов. Так, чебоксарский полицейский исправник доносил по службе, что в Звениговский затон «опасная» литература завозится целыми тюками и что агитаторы раздают ее рабочим и крестьянам почти открыто. В свою очередь казанский губернатор сообщением от 5 декабря 1905 г. ставил в известность об этом начальника жандармского управления и предостерегал его: «Если не будут приняты немедленно энергичные меры к подавлению волнений и агитаторы... не будут изъяты из уезда (Чебоксарского. — М. А.), то революционное движение может охватить весь уезд...» Почти в то же самое время начальник Уфимского губернского жандармского управления доносил в департамент полиции, что «социал-демократическая пропаганда сделала за последнее время значительные успехи и ведется, главным образом, устно...» Вятский губернатор называл революционеров злонамеренными людьми, которые «в городах и селах агитировали и устраивали сходки, собрания, ми-

тинги с произнесением речей с противоправительственным содержанием»⁷².

Успех антиправительственной агитации и пропаганды в массах объяснялся еще и тем, что местные социал-демократические организации вели ее также на языках нерусских национальностей. Во исполнение соответствующего указания III съезда РСДРП листовки и прокламации печатались не только на русском, но и татарском, чувашском и марийском языках⁷³. Большевистская газета «Пролетарий», в частности, в номере от 5 сентября 1905 г. отмечала, что почти все прокламации Казанского комитета РСДРП «переводятся на татарский язык и распространяются среди татар, которые читают их с большим интересом». В итоге, по словам газеты, «многие рабочие татары посещают кружки и массовые собрания»⁷⁴. Подобное же отношение к себе большевистское правдивое слово встречало и среди трудящихся остальных нерусских национальностей. Так, например, в Мариинском посаде (Чувашия) по сообщениям одной из газет «...самый большой интерес к митингам проявляли чувашки»⁷⁵.

Либерально настроенные буржуазные историки вынуждены признавать (хотя и не в полной мере) эффективность большевистской агитации и пропаганды в массах. Так, С. Зеньковский отмечает, что «интенсивная социал-демократическая пропаганда, однако, выиграла им (имеются в виду большевики.— Авт.) некоторый успех» среди татарских рабочих. К сожалению, американский историк стремится тут же торпедировать свое вынужденное признание. «...Максимальный тираж их (т. е. большевиков.— Авт.) листовок,— пишет он,— составлял лишь 1300 экземпляров»⁷⁶.

Утверждение американского советолога не выдерживает научной критики. Известно, что тираж листовок определялся не только потребностью в них, но и наличием бумаги, условиями работы подпольных типографий. Да и цифра, названная Зеньковским, является далеко не «максимальной». По данным, приведенным советским историком, лишь в апреле 1905 г. казанские большевики отпечатали восемь названий листовок, каждая тиражом от 1200 до 7515 экземпляров⁷⁷. Однако и эти цифры не могут дать полного представления о масштабах охвата масс большевистской агитацией, так

как нередко одни и те же листовки получали многократное обращение.

Буржуазных историков меньше всего интересуют подлинные факты. Их цель — всемерно подчеркивать «слабость» большевистского влияния на массы трудящихся. Стремясь во что бы то ни стало обосновать свой тезис о том, что будто бы «социал-демократы не были сильны среди татар», Зеньковский пишет о попытке большевиков организовать в 1907 году издание газеты «Урал» в Оренбурге, которая, однако, «закрылась после того, как вышло тридцать ее номеров»⁷⁸. Из этого сообщения несведущий читатель, тем более зарубежный, наверняка сделает вывод о непопулярности газеты среди татарских трудящихся.

Между тем известно, что газета «Урал» не «закрывалась», а была закрыта царскими властями за последовательную защиту интересов масс, за пропаганду идей социального и национального освобождения трудящихся. Номера газеты (31 номер) и издаваемые редакцией брошюры-приложения (5) неоднократно подвергались конфискации, редакция платила штрафы, а сами читатели и хранители изданий большевистской газеты нередко привлекались к судебной ответственности⁷⁹. И тем не менее симпатии трудящейся массы всецело были на стороне марксистских идей.

В результате деятельности большевистских организаций и групп стихийное, неорганизованное движение трудящихся, в том числе и крестьян, приобретало черты целеустремленности и организованности. С помощью большевиков массы учились осознавать свои подлинные цели и интересы, формулировать насущные и перспективные задачи революционного движения.

Поражение революции 1905—1907 гг. советологи пытаются истолковать как крах большевистских попыток просветить массы в политическом отношении. Так, разгром царскими жандармами в декабре 1905 г. Казанского комитета РСДРП и отъезд Х. Ямашева и некоторых других татарских большевиков из города, по утверждению А. Беннигсена и Ш. Лемерсье-Келькеже, перечеркнули всю предыдущую деятельность марксистов по внесению социалистического сознания в движение татарских рабочих: «Все усилие партии социал-демократов с целью распространить свое влияние на му-

сульманские массы,—заклюают французские историки,—оказалось, таким образом, уничтоженным»⁸⁰.

Буржуазные историки не желают считаться с тем, что отступление революции не могло, конечно, вытравить из сознания рабочих марксистские идеи, что и после 1905—1907 годов не прекращалась целеустремленная агитационно-пропагандистская работа партии среди татарских и других рабочих. Ее результаты сказались и в период Февральской и особенно в период Октябрьской революции 1917 года. Недаром В. И. Ленин писал, что «беззаветная преданность революции и обращение с революционной проповедью к народу не пропадают даже тогда, когда целые десятилетия отдают посев от жатвы...»⁸¹

Завершая параграф, нужно сказать, что историческая действительность не имеет ничего общего с той картиной безучастного отношения трудящихся масс народов Поволжья и Урала к революционному движению, которая нарисована буржуазными историками. Как и в других районах страны, революция 1905—1907 гг. явилась для трудящихся Волго-Урала хорошей школой политического воспитания, генеральной репетицией Октябрьской революции 1917 года.

§ 2. СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В ОСВЕЩЕНИИ БУРЖУАЗНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В буржуазной историографии для определения категории «социалистическая революция» применяется различная терминология: «Октябрьская революция», «большевистский государственный переворот» (С. Зеньковский), «Октябрьское восстание» (М. Либман), «государственный переворот 26 октября» (А. Беннигсен и Ш. Келькеже), «пролетарская революция» (А. Лоу)⁸² и т. д. Несмотря на кажущиеся различия в определениях, для большинства буржуазных историков характерен взгляд на социалистическую революцию в России не как на сознательное движение многомиллионных трудящихся масс во главе с Коммунистической партией, а как на заговор кучки коммунистических деятелей, выступающих в демагогических целях от имени пролетариата во имя захвата политической власти в стране. Эта клеветническая фальсификаторская схема низводит сторонников научного коммунизма — большевиков на

уровень путчиков-бланкистов, она игнорирует решающую роль трудящихся масс в социалистической революции. Другими словами, при характеристике Великой Октябрьской социалистической революции советологи, используя идейное наследство меньшевиков, эсеров, кадетов, октябристов и прочих мелкобуржуазных и буржуазных партий, выдвигают против большевиков те же самые демагогические обвинения.

С другой стороны, социалистическая революция изображается как многопоточное движение, каждое из которых выступало совершенно обособленно друг от друга. Например, Р. Жиро и М. Ферро пишут о «революции 1917 года», что будто бы «с конца весны она расщепляется на несколько различных движений (национальностей, деревень), которые следуют своими собственными курсами»⁸³. По существу эту же точку зрения разделяет Э. Каррер д'Анкосс. «В 1917 г.,—заявляет она,—было несколько революций: не две, а три, и разрыв между ними не во времени, а в пространстве. Эти три революции были — буржуазная, социалистическая и национальная. Первая — революция деревень; вторая — революция городов; третья — революция периферии — области нерусских народов империи»⁸⁴.

Подобный местнический, так сказать, подход к дифференциации революций не имеет ничего общего с научным подходом, который, в полном соответствии с марксизмом-ленинизмом, видит решающий признак революции в переходе власти в государстве от одного класса к другому. С этой точки зрения не может быть ни крестьянской, ни национальной революции, а может быть лишь буржуазно-демократическая или социалистическая революция, в ходе которых попутно решаются также аграрный и национальный вопросы. Здесь нам важно подчеркнуть иное: концепции и первого рода (о заговорщическом характере революции) и второго (о множественности революций) противопоставляют борьбу за национальное освобождение борьбе за победу социалистической революции. В результате Великая Октябрьская социалистическая революция предстает как «русская» революция, в которой трудящиеся массы нерусских наций и народностей не приняли, за малым исключением, никакого участия.

Здесь на помощь буржуазным историкам снова приходит теория «единого потока», которая трактует национально-освободительное движение как цельное, «общенародное» движение, свободное от социальных противоречий. Так, Ч. Хостлер утверждал, что «башкиры были объединены в своем конфликте против русских колонизаторов...»⁸⁵ Г. Исхаки писал о днях Февральской революции, что «времена первой русской революции 1905 года, когда тюрко-татары разбились на целый ряд отдельных групп и партий и даже вступали в русские партии, отошли в вечность. Национальное самосознание за последние годы пустило в тюрко-татарские массы глубокие корни, они осознали свое единство и выступали сообща...»⁸⁶

Не все буржуазные историки являются сторонниками концепции «единого потока» в ее классической форме. Некоторые советологи (С. Зеньковский, А. Беннигсен и Ш. Лемерсье-Келькеже) не отрицают факт классового расслоения некоторых тюркских народов России (например, татар) накануне Великой Октябрьской социалистической революции и наличие среди них различных классовых интересов. В то же время они чрезмерно преувеличивают влияние или мусульманской религии, или идеологии тюркского национализма, якобы обусловивших единство духовных интересов внутри каждой нации.

Отсюда — повышенный интерес советологов к проводившимся в 1917 году многочисленным так называемым «общенациональным» съездам. Р. Пайпс, С. Зеньковский, А. Беннигсен, Ш. Лемерсье-Келькеже и некоторые другие буржуазные историки довольно подробно описывают работу мусульманских съездов⁸⁷, Г. фон Менде попутно упоминает о майском и августовском (1917 года) съездах малых народов Поволжья, в которых участвовали представители чувашского, марийского и удмуртского населения⁸⁸.

Было бы, однако, упрощением утверждать, что буржуазные историки вообще отрицают существование внутри национальных движений различных политических течений. Например, Р. Пайпс указывает на наличие среди мусульман (следовательно, также татар и башкир) в 1917 году трех «принципиальных политических тенденций»: консервативно-ортодоксальной, центристско-

либеральной и «социалистической», представленной эсерами. В годы первой русской революции, пишет Пайпс, лидерство в мусульманском движении принадлежало либералам, но потом оно перешло к «радикально настроенным националистам»⁸⁹. Американский историк, как и большинство буржуазных ученых, указывает на борьбу фракций внутри самой националистической буржуазии, но не желает замечать гораздо более важный политический водораздел между двумя противоположными течениями в национально-освободительном движении: буржуазно-националистическим и революционно-демократическим. Аналогичны позиции А. Беннигсена и Ш. Лемерсье-Келькеже, утверждающих, что среди мусульман России существовали консервативное, либерально-передовое и социалистическое течения⁹⁰. С точки зрения борьбы этих течений советологи и рассматривают ход и решения национальных съездов 1917 года.

Лишь отдельные буржуазные историки, как, например, С. Зеньковский, отмечают наличие среди тюркских народов еще левого радикального крыла, представленного большевиками и меньшевиками-интернационалистами. Американский историк пытается с этих позиций дать оценку выступлению на первом мусульманском съезде в Москве в мае 1917 года рабочего-делегата Ходжаева, в котором, в частности, говорилось, что «свобода была завоевана усилиями рабочих» и что «в каждой нации еще существуют классы угнетенных и угнетателей». Однако Зеньковский явно непоследователен: отмечая, что весной 1917 года среди тюркских народов «...радикальное крыло было еще очень слабым», он и при рассмотрении октябрьских событий того же года придает решающее значение буржуазно-националистическому течению среди татар и башкир как выразителю национальных интересов⁹¹.

Вслед за буржуазными националистами советологи пытаются выдать их классовые интересы за национальные. Так, Р. Пайпс, указывая на земельный вопрос как на экономическую основу башкирского национального движения, отмечает, что «башкирские аграрные требования носили скорее национальный, чем классовый характер...»⁹² При этом Пайпс не желает считаться с тем, что в своих требованиях Башкирский национальный Со-

вет (шуро) исходил в первую очередь из интересов имущих слоев населения — баев, мулл, старшин. Домогаясь возвращения отнятых до революции у башкирских крестьян земель, выселения из Башкирии всех русских переселенцев, создания чисто башкирских волостей, не включающих города и рабочие центры, националисты тем самым хотели помешать развитию классовой борьбы среди башкир и добиться упрочения своих позиций⁹³.

Об антинародном характере политики мусульманских националистов свидетельствуют и их попытки сторговаться с контрреволюционным Временным правительством буржуазии о занятии в нем ряда ответственных постов (между прочим, об этом рассказывает в своей книге Зеньковский со ссылкой на Г. Исхаки). Во время этого торга, происходившего вскоре после февраля 1917 г., мусульманские лидеры требовали для себя в правительстве посты министров земледелия и без портфеля и заместителей еще в трех министерствах. Эксплуататорская верхушка меньше всего думала о «национальных» интересах, когда дело касалось интересов денежного мешка. Так, тот же Зеньковский вынужден признать, что в обмен на министерские портфели главы «Милли Идара» («Национального управления») предлагали премьеру Временного правительства князю Львову поддержку солдат мусульманских национальных частей, которых они рассматривали как «частичное сопротивление революционной агитации»⁹⁴. Не вызывает сомнений, в каких целях Временное буржуазное правительство могло использовать национальные части.

Историки-советологи избегают признавать тот факт, что в центре внимания националистических организаций и в 1917 году, и позже стояли не национальные, а классовые интересы и что их руководители апеллировали к национальному чувству лишь в демагогических целях — для того, чтобы удержать их под своим влиянием. Подобно этому, буржуазная историография не приемлет вывода о том, что по мере нарастания революционного кризиса в стране «более заметным и широким становился водораздел между народными массами и националистической буржуазией»⁹⁵.

Прежде всего, сама жизнь, политический опыт масс неуклонно подтверждали лицемерный и демагогиче-

ский характер заявлений буржуазии о «единстве нации». Такого единства не было и не могло быть. В то время как националистическая буржуазия славословила Февральскую революцию и не помышляла ни о каких революционных преобразованиях, трудящиеся массы не были удовлетворены буржуазно-демократической революцией. Более того, сознательные рабочие и крестьяне понимали, что неполная и относительная свобода, вырванная у господствующих классов, может быть отнята у народа тотчас, как только соотношение сил изменится в пользу контрреволюции. Реальная возможность такого поворота событий состояла в том, что и после революции господствующие классы продолжали сохранять прежние экономические и политические позиции. Частная собственность на средства производства, в том числе и на землю, осталась неприкосновенной, продолжал функционировать тот же старый буржуазно-помещичий государственный аппарат, лишь слегка подновленный в целях обмана масс. Армия и другие орудия насилия по-прежнему находились в руках господствующих классов. Национальные окраины России оставались бесправными. Так же, как и при царизме, рабочих и крестьян заставляли проливать кровь в непонятной и чуждой для них империалистической войне. Дороговизна достигла огромных размеров. И без того тяжелое положение трудящихся еще больше ухудшилось к осени 1917 года. Из Глазовского уезда Вятской губернии сообщали, что «население во многих местах не имеет хлеба и нигде не получает до сих пор продуктов первой необходимости...»⁹⁶ Большевицская газета «Вперед» (Уфимская губерния) в номере от 20 августа 1917 г. писала: «Деревня сидит без всего — сахару нет, ситцу нет, чаю нет, железа для машин нет»⁹⁷.

К осени 1917 года по всему региону активизировалось рабочее движение. Даже политически отсталые рабочие начинали понимать необходимость глубоких общественных перемен для того, чтобы покончить с войной, многочисленными жизненными трудностями, эксплуатацией человека человеком. Для большинства рабочих была характерна идеология интернационализма. По этому же принципу создавались Советы рабочих депутатов и, как правило, также профсоюзы.

Попытки буржуазных властей приостановить рост рабочего движения с помощью репрессий наталкивались на возросшую организованность и сплоченность пролетарских масс. Так, когда в августе 1917 года власти произвели аресты ряда передовых рабочих на Ижевском заводе, многотысячный заводской коллектив под угрозой всеобщей политической забастовки заставил администрацию освободить арестованных⁹⁸.

Период с февраля по октябрь 1917 года характеризуется в Поволжье и Приуралье бурным развитием аграрного движения. Снова, как и в 1905—1907 гг., регион становится одним из центров крестьянского движения. Крестьяне самовольно рубят казенный и частновладельческий лес, захватывают помещичьи, монастырские и кулацкие земли, громят господские имения и т. д. Широкий размах осенью 1917 года в деревне приобрела борьба против «хлебной монополии» Временного правительства, пытавшегося таким путем выйти из продовольственных затруднений за счет трудового крестьянства. В Казанской губернии крестьянские волнения переросли в ряде мест в стихийные восстания. Наиболее крупным из них явилось восстание чувашских и марийских крестьян в Акрамовской волости Козьмодемьянского уезда, которое продолжалось около трех недель⁹⁹. Вятский комиссар Временного правительства в октябре 1917 г. докладывал в Петроград, что в губернии «непомерно растут» крестьянские беспорядки, борясь с которыми «очень затруднительно»¹⁰⁰. Настоящая крестьянская война разгоралась в Мордовии: там с марта по август 1917 года произошло около 200 выступлений против помещиков, кулаков и монастырей¹⁰¹. Но пальма первенства в регионе по-прежнему оставалась за Казанской губернией, где за тот же отрезок времени произошло 688 крестьянских выступлений¹⁰².

Стремясь принизить уровень классовой сознательности трудящихся Поволжья и Урала накануне Великой Октябрьской социалистической революции, буржуазные историки всемерно отрицают наличие большевистского влияния на их борьбу. Г. Исхаки, например, утверждал, что якобы «отношение тюркского (в том числе татарского, башкирского и чувашского.— Авт.) населения к большевикам было явно отрицательное...»¹⁰³ и поэто-

му-де пропаганда большевиков заранее была обречена на неуспех. Это утверждение пантюркиста приемлемо для характеристики позиций лишь состоятельных слоев населения, которым, естественно, был ненавистен социалистический строй. Как на доказательство «слабости» большевистского влияния на местное коренное население А. Беннигсен и Ш. Келькеже указывают на национальный состав Казанской партийной организации, заявляя, что «...местная большевистская секция представлялась организацией чисто русской», за небольшим исключением, несмотря на все «усилия руководителей по привлечению мусульман-татар...»¹⁰⁴

Французские историки ограничиваются констатацией малочисленности трудящихся-татар в составе Казанской большевистской организации, совершенно абстрагируясь от тех причин, которые обусловили это явление. Если бы буржуазные авторы могли быть объективными, они непременно отметили бы в этой связи и недостаточную грамотность значительной части татарских рабочих, и плохое знание многими из них русского языка, и малочисленность марксистской литературы на татарском языке и т. д. Одним словом, то обстоятельство, что в Казанской большевистской организации татары исчислялись десятками, а не сотнями, объяснялось их придавленным положением в буржуазно-помещичьей России. Тяжелый национальный и социальный гнет не мог не сказаться на политическом и культурном уровне трудящихся.

Для нас в данном случае важно обратить внимание на методологический порок буржуазной политологии в целом, которая измеряет эффективность работы Коммунистической партии в массах численностью вовлеченных в нее новых членов, т. е. применяет метод, пригодный для определения силы влияния непролетарских партий. Сила же влияния коммунистических и рабочих партий измеряется совершенно иным критерием, о котором В. И. Ленин писал, что обращение к беспартийным рабочим и крестьянам необходимо «не с целью сразу привлечь их на свою сторону, втянуть в свою партию,— нам это не важно,— а в целях пробудить в них сознание...» (подчеркнуто мною.— Авт.)¹⁰⁵.

Выполнение этой задачи осуществлялось интернациональными по своему составу партийными организа-

циями, которые вели бескомпромиссную борьбу с эксплуататорскими классами всех наций России, в первую очередь русской, и отстаивали идею пролетарской солидарности трудящихся. Лозунги, которые пропагандировали, как и вся партия, партийные организации Поволжья и Урала — «власть — рабочим, земля — крестьянам, мир — народам», — отражали коренные интересы трудящихся всех наций. Поэтому большевистские призывы и лозунги были близки и понятны рабочим и крестьянам всех наций и народностей региона.

О том, что большевистская агитация и пропаганда среди трудящихся Поволжья и Урала в 1905—1907 гг. не пропали даром, что они дали свои всходы, свидетельствовало быстрое возрождение интереса к большевистским идеям в 1917 году. И это несмотря на то, что в период между первой и второй буржуазно-демократическими революциями в некоторых частях региона (например, в Мордовии и Чувашии) оформленных большевистских организаций и групп не существовало¹⁰⁶. Сила марксистских идей была такова, что даже в Марийском крае, где большевистские организации не существовали вплоть до Октябрьской революции, «революционное движение развивалось... под воздействием большевистских идей». Различными путями, через губернские города и волжские пристани, в край поступала марксистско-ленинская литература, шли номера большевистских газет «Правда» и «Рабочий» (Казань)¹⁰⁷.

Отрицая возникновение к осени 1917 г. глубокого революционного кризиса по всей стране, в том числе и в национальных районах, советологи пытаются утверждать, что будто бы он не затронул или почти не затронул трудящихся нерусских наций и народностей, занятых своими «национальными делами». Отсюда делается заключение, что якобы отношение трудящихся нерусского населения к установлению Советской власти было безразличным или даже враждебным. Так, американский профессор Р. Пайпс заявил применительно ко всем национальным окраинам буржуазно-помещичьей России, что там Советская власть была установлена якобы путем «завоевания» их Красной Армией¹⁰⁸, т. е. силой. Но эта концепция, созданная оголтелыми антикоммунистами, не разделяется их умеренно-либеральным крылом, считающим, что отношение трудящихся

нерусских наций к социалистической революции было близким к нейтралитету, в том числе даже дружественному. Например, С. Зеньковский пишет, что «реакция русских мусульман на большевистский переворот не была нисколько враждебной...» Но это доброжелательное отношение Зеньковский объясняет скорее недостаточным пониманием трудящимися-мусульманами подлинных («диктаторских») намерений большевиков, незнанием первыми «диктаторской» сущности марксистского учения¹⁰⁹.

Исходя из этой точки зрения, Зеньковский, например, писал о башкирах, что их отношение к борьбе между сторонниками и противниками Советской власти было нейтральным¹¹⁰. Но вскоре в другом опубликованном труде американский историк решил уточнить свою позицию, заявив, что отношение башкир было полунейтральным¹¹¹. Ч. Хостлер считает, что отношение также чувашских трудящихся к Советской власти не было неизменным, так как в 1917 году большевикам удалось привлечь на свою сторону чувашских солдат в Казани, а весной 1918 года — проникнуть в чувашскую деревню¹¹².

Что касается татарских трудящихся, то сторонники либерального направления среди буржуазных историков частично даже признают их прямое участие в борьбе за установление Советской власти. Например, Зеньковский пишет о поддержке большевиков Казани со стороны нескольких татарских национальных частей и отрядов Красной Гвардии¹¹³. Точно так же Беннигсен и Кельеже признают факт выступления на стороне Советской власти отдельных татарских частей и религиозной группы вайсовцев. Вайсовцы же, по утверждению советологов, поддерживали Советскую власть «из чисто религиозных побуждений...»¹¹⁴. В итоге отрицается факт сознательного участия татарских рабочих и бедноты в социалистической революции.

Анализ исторических фактов показывает, что Поволжье и Урал, как и многие другие районы нашей страны, явился регионом острой борьбы за установление Советской власти, которая нередко принимала вооруженные формы (как, например, в Ардатовском и Темниковском уездах в Мордовии, в Казани, Сарапуле, юго-восточной части Башкирии и т. д.). На ожесточен-

ный характер сопротивления свергнутых эксплуататорских классов указывает и то обстоятельство, что установление Советской власти в некоторых частях региона затянулось до апреля 1918 года (так было, например, в отдельных районах Мордовии). Несомненно, без поддержки трудящихся коренного населения Советская власть в этих условиях не могла бы победить, особенно в сельской местности.

Эта поддержка принимала самые различные формы: участие в борьбе за свержение местных органов власти Временного правительства и слом старого государственного аппарата, подавление сопротивления эксплуататорских классов, создание и перевыборы Советов, ликвидацию помещичьего землевладения, обобществление основных средств производства, формирование отрядов Красной Армии и создание органов рабочей крестьянской милиции, пополнение продовольственных запасов Советского государства и т. д. и т. п. Получая всемерную помощь и поддержку со стороны рабочих Нижнего Новгорода, Казани, Ижевска, Уфы, Сызрани, Оренбурга и других городов и рабочих поселков, беднейшее крестьянство тем самым реализовало свой союз с рабочим классом.

Буржуазные историки предпринимают также попытки рассматривать Советскую власть в регионе как «русскую» власть по своему составу. В ход пускаются различные выдержки из документальных источников, должныствующие подтвердить, что трудящиеся коренных национальностей региона в своей массе не были допущены большевиками к государственному управлению. В частности, Беннигсен и Келькеже ловко обыгрывают факт из корреспонденции в правоэсеровской «Крестьянской газете» от 28 октября 1917 года, в которой сообщалось о создании органов Советской власти в Казани. В первый ревком (штаб), созданный 26 октября 1917 года, пишут они, вошли 20 человек и притом «все русские». Лишь из-за настойчивости мусульманского военного ахуна (духовный сан у мусульман), присутствовавшего на заседании, «ревком принял решение включить (в свой состав.— Авт.) несколько представителей национальных организаций...» Подобно этому, русские «захватили... почти все ключевые посты в городских и провинциальных Советах...»¹¹⁵. Таким путем

советологи возводят отдельные недостатки и упущения первых недель советского строительства чуть ли не в принцип государственного устройства.

Беннигсен и Келькеже умалчивают (или не знают) о том, что ревкомы — и первый, и второй — создавались в обстановке, когда, во-первых, была реальна угроза контрреволюционного мятежа в губернии, и, во-вторых, внутри самих ревкомов шла борьба. В силу этих (временных) причин руководители ревкома едва ли имели возможность заниматься вопросами пропорционального национального представительства. В конечном счете Беннигсен и Келькеже вынуждены признать, что в ревкоме «мусульмане (т. е. татары.— Авт.) были представлены позднее Вахитовым, Якубовым, Чанышевым, Шафигуллиным...»¹¹⁶.

Принцип национального представительства получил широкое применение в практике советского строительства. Губернские, уездные, волостные и сельские съезды постоянно руководствовались этим принципом. Исходя из этого принципа, в органы Советской власти наряду с русскими товарищами избирались трудящиеся чуваша, марийцы, мордва, татары, удмурты и башкиры. Более того, для решения национальных вопросов при ряде губернских Советов создавались соответствующие комиссариаты и секции. Так, например, при Казанском губернском Совете были организованы комиссариаты по мусульманским, чувашским и марийским делам. Все это еще и еще раз подчеркивало, что Советская власть является для всех народов, в том числе и Поволжья и Урала, своей, родной властью.

Наконец, приход большевиков к власти в стране и первые государственные мероприятия Советов несказанно подняли авторитет Коммунистической партии в трудящихся массах. Складывались благоприятные политические условия для дальнейшего развертывания партийного строительства. На этой основе в Поволжье и на Урале, как и во всей стране, происходит образование новых партийных организаций, идет процесс формирования всех их звеньев — производственных, сельских, городских, волостных, уездных и губернских. В этом процессе участвовали также и передовые представители трудящихся нерусских национальностей, о чем умалчивают в своих сочинениях советологи.

**ОТРАЖЕНИЕ В БУРЖУАЗНОЙ
ИСТОРИОГРАФИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ
И СОВЕТСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА
ПО СОЗДАНИЮ СОВЕТСКОЙ
ГОСУДАРСТВЕННОСТИ НАРОДОВ
ПОВОЛЖЬЯ И УРАЛА**

Социалистическую революцию советологи рассматривают лишь как акт захвата политической власти пролетариатом (или даже просто Коммунистической партией). Они умышленно «забывают» о ее социальной стороне — ликвидации классового и национального гнета, начале коренной перестройки общества в интересах трудящихся. В социалистической революции буржуазные историки отказываются видеть начало новой эпохи в истории общественных отношений, а в пролетариате — класс, призванный возглавить борьбу масс за создание нового общественного строя.

На этой «теоретической» основе базируются также представления буржуазных историков о национальной политике большевистской партии. Советологи так или иначе не желают признавать тот определяющий факт, что Советское большевистское правительство решительно порвало с политикой аннексий и угнетения народов, проводившейся как царским, так и Временным буржуазным правительствами. Одни из них, как, например, Ф. Баргхорн, А. Акыш, Э. Оберлендер вопреки историческим фактам клеветнически трактуют советскую национальную политику как продолжение дореволюционной политики царизма¹. Другие, как Р. Даниэльс, Б. Мейснер, Р. Пайпс рассматривают признание Советским правительством права на самоопределение за Польшей, Финляндией и прибалтийскими государствами в качестве шага, вынужденного неблагоприятными для Советской России военно-политическими условиями². При этом буржуазные историки не желают серьезно считаться с тем, что право на самоопределение было признано ЦК партии и Советским правительством не только за отошедшими от Советского государства,

но и оставшимися в его составе нациями и народностями.

Так, Б. Мейснер пытается утверждать, что будто бы Советское правительство отказалось признать право на самоопределение за Украиной. Между тем известно, что именно Советское правительство в декабре 1917 года признало правительство Украинской Советской Республики, т. е. рождение национальной государственности украинского народа.

Идеологи буржуазии обрушиваются с резкими нападками на РСФСР — первую в истории человечества федеративную социалистическую республику, создание которой было провозглашено на III Всероссийском съезде Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов в 1918 году. Так, Г. Менде писал, что «с созданием РСФСР... право на самоопределение (народов России.— Авт.) становилось иллюзорным»³. Особенное раздражение у немецкого буржуазного историка вызывают такие формулировки, как «свободный союз свободных народов» и «федерация национальных советских республик». В этом нет ничего удивительного, если иметь в виду, что Менде, как и другие буржуазные историки, стоял на стороне буржуазно-националистических движений и правительств. Поэтому его больше устроило бы не образование советской федерации народов, а их отпадение от России в составе «независимых» буржуазных государств. Менде, как и его коллег, меньше всего тревожило то обстоятельство, что вне РСФСР, как федерации советских республик, было фактически невозможно обеспечить национальный суверенитет многочисленных малых народов.

Магистральная линия в рассуждениях буржуазных авторов заключается в том, чтобы вселить в сознание своих читателей неверие в реальность и осуществимость принципов ленинской национальной политики — равенства и суверенности всех народов, их права на свободное самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства, отмены всех и всяких национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений, свободного развития национальных меньшинств и этнографических групп, населяющих территорию страны и т. д. В этой связи следует отметить многочисленные попытки буржуазных исто-

риков фальсифицировать сущность первых документов советской национальной политики — «Декларации прав народов» и Обращения Совнаркома «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока». Совершенно бездоказательно, грубо искажая подлинный смысл и значение этих исторических документов, советологи объявляют их «политической демагогией»⁴, «неисполнимыми сладкими обещаниями»⁵, «двойной игрой»⁶ и т. п. Свою точку зрения Зеньковский, например, пытается обосновать тем, что обращение Советского правительства к трудящимся мусульманам со словами «товарищи» и «братья», по его мнению, якобы «игнорировало все атеистические и интернационалистские элементы марксистско-ленинского учения и внешне походило на мусульманские религиозные и национальные чувства»⁷.

По-видимому, понимая неубедительность этого утверждения, Зеньковский ищет другие доводы для подкрепления своего тезиса. «Для того, чтобы доказать, что эти призывы не являются просто пустыми словами,— продолжает Зеньковский,— Сталин (занимавший в то время пост наркома по делам национальностей и вместе с В. И. Лениным подписавший Обращение Совнаркома.— Авт.) предпринял несколько легких и эффективных шагов». К этим «легким и эффективным шагам» Зеньковский относит возвращение мусульманам древнего корана Османа, увезенного царскими колонизаторами из Самарканда, передачу татарам легендарной башни Сююмбике в Казани и башкирам — построенного на народные деньги здания Караван-Сарая в Оренбурге⁸.

Зеньковский оставляет без ответа возникающий вопрос, почему же Временное правительство, около восьми месяцев находившееся у власти, «не догадалось» само осуществить эти шаги и таким способом завоевать симпатии нерусских народов страны. Известно, что представители татар и башкир неоднократно ходатайствовали перед Керенским о возвращении им минарета в Казани и мечети в Оренбурге. Временное же правительство, будучи органом диктатуры буржуазии и помещиков, продолжало по отношению к нерусским народам ту же великодержавную империалистическую политику, что и русский царизм. Лишь Советское рабоче-крестьянское правительство как пра-

вительство подлинно демократическое смогло удовлетворить справедливые требования народов.

В данном вопросе сталкиваются две диаметрально противоположных точки зрения: одна — советологов, трактующая возвращение национальных реликвий народам как тактическую уступку Советского правительства, не имеющую серьезного значения, другая — советских историков, рассматривающих январские (1918 г.) декреты СНК как первые звенья в цепи мероприятий по разрешению национального вопроса в Татарии и Башкирии. В советской исторической литературе уже подчеркивалось, что мероприятия Советского правительства отразили качественно новое содержание ленинской национальной политики партии, направленной на революционное преобразование национальных отношений.

Буржуазные же историки пытаются утверждать, что ЦК РКП (б) и Советское правительство в своей национальной политике якобы не собирались идти дальше частичных уступок восточным народам, что они будто бы не были всерьез заинтересованы в создании их национальной государственности. Эта клеветническая концепция получила широкое распространение в буржуазной историографии. Ее ревностными защитниками являются матерый националист Г. Исхаки и изменник родины Г. Давлетшин (Уязбек), а также известные советологи Р. Пайпс, С. Зеньковский и другие.

Прежде всего, буржуазные историки игнорируют национальные комиссариаты и отделы при Наркомнаце, созданные партией и Советским правительством для разрешения национального вопроса в Поволжье и на Урале. Летом 1918 года уже существовали Мусульманский (или Татаро-Башкирский) комиссариат и Чувашский, Марийский и Удмуртский отделы Наркомнаца⁹. Одной из важнейших целей создания национальных комиссариатов и отделов, говоря словами официального отчета Наркомнаца о своей деятельности, являлась «выработка на началах Советской Конституции оснований и положений административно-территориальной национальной автономии, где это требуется особыми экономическими и территориальными условиями»¹⁰. Национальные комиссариаты и отделы проделали большую и разностороннюю работу в этой области,

подготовив условия для создания советской государственности народов региона.

Вопреки этому, Р. Пайпс изображает Татаро-Башкирский комиссариат как организацию, якобы призванную «помочь советскому режиму разрушить независимые партии и организации среди русских мусульман»¹¹. В том же духе высказывается и Зеньковский, рассматривая Татаро-Башкирский комиссариат как орган, совершенно лишенный поддержки масс¹². Т. Давлетшин выражает свое нерасположение к Наркомнацу и его комиссариатам тем, что, ссылаясь на советский источник, согласно которому нарком И. В. Сталин дал своему заместителю С. Пестковскому указание не форсировать подготовку учредительного съезда Татаро-Башкирской Советской Республики, стремится представить его как официальную линию ЦК и Советского правительства¹³. В советском же источнике далее говорится о том, что благодаря вмешательству В. И. Ленина Совнарком принял постановление об ассигновании средств на нужды Татаро-Башкирского комиссариата, в частности, по созыву учредительного съезда ТБСР¹⁴. Все эти высказывания советологов не оригинальны: по существу они лишь повторяют клеветнические выпады буржуазных националистов против Наркомнаца и его учреждений.

Ожесточенное сопротивление мероприятиям Коммунистической партии и Советской власти российской буржуазии и ее национальных отрядов, переросшее вскоре в гражданскую войну с участием иностранных империалистических держав, несомненно, затруднило и затянуло решение назревших проблем национально-государственного строительства на Среднем Поволжье и Урале, а в некоторых случаях заставило искать новые государственные формы решения национального вопроса. В результате создание советской государственности народов региона произошло в драматической ситуации, оно потребовало дополнительных усилий Коммунистической партии и Советского правительства по разрешению национального вопроса.

Разоблачение несостоятельности буржуазных и ревизионистских концепций национально-государственного строительства в регионе, на наш взгляд, целесообразнее осуществить по трем основным направлениям: раз-

работка проекта создания ТБСР; образование Башкирской Советской Республики; создание Татарской АССР и автономных областей.

§ 1. РАЗРАБОТКА ПРОЕКТА СОЗДАНИЯ ТБСР

Некоторые буржуазные историки отмечают развитие в той или иной степени национальных движений среди всех народов Среднего Поволжья и Приуралья, указывают на их отдельные проявления — созыв съездов (Г. Менде, Р. Пайпс)¹⁵, создание националистических организаций и сект (В. Коларз)¹⁶, формирование национальных воинских частей (Ч. Хостлер, С. Зеньковский¹⁷ и т. д. (Попутно заметим, что у «крестьянских» народов региона вдруг оказывается собственная буржуазия, так как на первом этапе во главе национальных движений выступает именно она.) Но в еще большее противоречие со своими утверждениями буржуазные историки вступают тогда, когда начинают всерьез отстаивать необходимость и возможность объединения проникнутых националистическими целями имущих классов для достижения единой цели — например, создания крупного государства. Именно так поступают западные историки, когда речь заходит о попытках создания так называемого «Идель-Уральского штата» — государства под гегемонией татарских буржуа и мурз. Практически невозможно найти ни одного буржуазного историка, который не оправдывал бы действия господствующих классов татарской буржуазной нации, направленные на создание государства «Идель-Урал».

Как известно, воинствующие пантюркисты грезили созданием огромного тюркского государства, протянувшегося от Турции до Сибири, — государства Туран. Давая определение пантуранизма, один из лидеров башкирских буржуазных националистов А.-З. Валиди писал: «Пантуранизм выглядит как соглашение и союз между тюркскими, монгольскими и финно-угорскими народами»¹⁸. Свои вождедения пантюркисты образно выразили в стихотворении, опубликованном в одной турецкой буржуазной газете: «Волга и Урал — это мое сердце, Турция — это мои глаза, Туркестан — это моя грудь... Крым — это мои кровеносные жилы, Азербайджан — это мои руки, казахи, киргизы — это моя правая сторона, Башкирия — это мое сердце»¹⁹.

После Февральской буржуазно-демократической революции лидеры татарской буржуазии выдвинули и отстаивали в качестве практического лозунга «культурно-национальную автономию», которая в тех условиях вполне позволяла ей верховенствовать над своими сородичами, рассеянными по всей стране, а также другими тюркскими народами, прикрываясь несуществующей «тюрко-мусульманской культурой». Однако в условиях победы Великой Октябрьской социалистической революции татарской буржуазии пришлось пересмотреть старые лозунги: на смену лозунгу «культурно-национальной автономии» пришел лозунг территориально-национальной автономии. Как пишет В. Коларз, «...наступило время для возрождения в новой форме Татарского Казанского ханства посредством создания «Волго-Уральского государства...»²⁰.

Прежде всего, таким путем татарская буржуазия стремилась удержать под своим влиянием массы трудящегося населения, создать барьер на пути распространения власти Советов в районах Среднего Поволжья, Прикамья и Приуралья. Во-вторых, образование Идель-Уральского штата обеспечивало гегемонию над другими народами этого региона — башкирами, чувашами, марийцами и т. д. Чтобы представить себе размеры аппетитов татарских буржуа и мурз, достаточно взглянуть на административно-политическую карту страны. В настоящее время на территории предполагавшегося государства «Идель-Урал» располагаются 6 автономных республик (Чувашская, Марийская, Мордовская, Татарская, Удмуртская и Башкирская) и 9 областей (Пензенская, Куйбышевская, Саратовская, Волгоградская, Астраханская, Оренбургская, Челябинская, Свердловская и Пермская)²¹.

Отсюда понятно, что, как бы ни изворачивались буржуазные фальсификаторы истории, речь шла о создании не национального, а многонационального государства, в котором малые народы должны были находиться под пятой господствующей татарской буржуазной нации. Так, например, хотя Т. Давлетшин и убрал из своих последних работ упоминания о намерении татарской буржуазии воссоздать прежние Булгарское или Казанское ханство и даже включил в свою книгу утверждения о том, что якобы представители марийцев и

чувашей просили принять их народы в «Идель-Уральскую республику»²², факт остается фактом: вместо ликвидированного социалистической революцией русского империалистического угнетения малым народам Поволжья и Урала угрожал гнет татарской буржуазии.

Таким образом, самым сильным в регионе было татарское национальное движение, которое под руководством буржуазии постепенно принимало шовинистические формы.

Непонимание причин этого встречается иногда и в советской исторической литературе. К сожалению, некоторые советские историки при определении силы буржуазно-националистических движений допускают ошибку, ставя ее в зависимость от степени этнической близости народов к славянам и экономических и политических связей с русским центром государства²³. Не говоря уже о том, что не приходится проследивать какую-либо этническую связь тюркских и финно-угорских народов со славянскими народами, надо признать, что сама по себе этническая близость не гарантирует слабости или отсутствия национальных движений. Яркий пример тому — украинское национальное движение, нередко принимавшее формы острой борьбы. Пожалуй, правильнее было бы определять силу национального движения в зависимости от численности и экономической мощи буржуазии, наличия у нее политического опыта, степени участия в движении народных масс и т. п. С помощью этих критериев сила татарского национального движения вполне может быть определена. Прежде всего, как уже говорилось выше, накануне социалистической революции татарская крупная и средняя буржуазия занимала довольно прочные позиции в торговле и промышленности. В частности, по всей стране татарским капиталистам принадлежало 141 более или менее крупное предприятие, из них 90 было расположено в Поволжье и на Урале²⁴. Татарская буржуазная нация имела относительно многочисленную интеллигенцию, в том числе довольно опытных политических деятелей, кадры офицеров, журналистов и т. д. На службе у господствующих классов состояла многочисленная армия духовенства. Все это, вместе взятое, позволяет понять, почему среди народов Среднего Поволжья и Урала наиболее сильным было татарское национальное движение.

По утверждению буржуазных авторов, выступающих, как правило, с позиций теории «единого потока», национальное движение в конце 1917 — начале 1918 года состояло целиком из буржуазно-националистического течения. Даже С. Зеньковский, который признает, хотя и с оговорками, наличие двух противоположных течений в национально-освободительном движении, оперирует применительно к этому периоду единым понятием «татары». В результате совершенно искажаются причины и характер событий, имевших в то время место в регионе.

Прежде всего, дается искаженная трактовка характера взаимоотношений органов Советской власти с буржуазно-националистическими организациями. В этих целях в ход пускается широко распространенная в буржуазной историографии концепция «сосуществования без сотрудничества» (Ж. Кастанье, Т. Давлетшин и др.)²⁵. Применительно к Поволжью и Уралу Зеньковский пишет, что «примерно в течение двух месяцев эти организации (имеются в виду советские и националистические. — Авт.) сосуществовали гармонично, без вмешательства в дела друг друга»²⁶. При этом советологи всеми силами стремятся доказать мнимую «лояльность» буржуазно-националистических организаций по отношению к Советской власти.

Однако эта картина «мирного сосуществования», нарисованная буржуазными историками, требует существенных уточнений. Советские авторы убедительно доказали, что лидеры мусульманских националистических организаций не собирались сосуществовать с Советской властью, которая выступала в защиту трудящихся разных наций. Известно, что когда 1 декабря 1917 г. в Смольном нарком по делам национальностей тов. Сталин во время беседы с председателем исполкома Всероссийского мусульманского совета А. Цаликовым предложил ему сотрудничество с Советской властью, тот категорически отказался²⁷. Отказалось признать Советское правительство и Национальное собрание мусульман внутренней России и Сибири, собравшееся в Уфе примерно в то же время. Оно заявило, что «великая тюрко-татарская нация не может связывать свою судьбу с трехдневной судьбой «власти» большевиков»²⁸.

Точно так же находившееся в Казани руководство националистической организации «Харби шуро» («Военный Совет») признавало власть не Советского правительства, а Учредительного собрания. Вскоре последовали и его практические шаги. Претендуя на власть, «Харби шуро» направило своих комиссаров на железнодорожные станции, почту и телеграф, в банки. Одновременно разрабатывался план вооруженного выступления против Советской власти²⁹. На завершающем этапе своих действий главы татарской буржуазии открыто противопоставили себя Советской власти: удалившись за р. Булак, под защиту националистических штыков, они в марте 1918 г. провозгласили образование в Казани так называемой «Забулачной республики» — зародыша «Идель-Уральского штата».

В буржуазной историографии контрреволюционная сущность «Забулачки» затушевывается, а мероприятия органов Советской власти по разгрому антисоветских сил преподносятся как великодержавно-шовинистические действия, направленные против татарского и башкирского народов³⁰. Буржуазная историческая наука не желает считаться с тем, что революционные части в Казани подавляли не национальное движение, а только националистическую контрреволюцию — точно так же, как примерно в то же самое время красные отряды подавляли в других районах страны белогвардейские мятежи Краснова, Богаевского, Дутова. То же самое произошло в Башкирии. И это было глубоко закономерным: по словам видного татарского писателя Г. Ибрагимова, «Казанская забулачная автономия Ильяса Алкина, автономия Заки Валидова в Башкирии — это не что иное, как прятавшиеся под национально-религиозным покрывалом белогвардейские организации»³¹.

Подавление контрреволюционных националистических сил в Волго-Уральском регионе, осуществленное по существу бескровно, буржуазные историки изображают как его оккупацию Красной Армией «после серьезных боев». Этот тезис, впервые выдвинутый антисоветчиком Г. Исхаки³², ныне кочует из одной «советологической» работы в другую (см., например, книги Ч. Хостлера, А. Акыша, Х. Сетона-Уотсона и некоторых других)³³.

Говоря о причинах быстрого падения «Забулачки»,

советологи почти в один голос называют прибытие из Москвы на помощь казанским большевикам отряда балтийских моряков, а некоторые, как, например, Р. Пайпс, еще и участие на стороне красных войск «божьего полка» Ваисова, руководителя религиозной секты³⁴. Однако советские историки, не отрицая участия этих отрядов в подавлении националистической контрреволюции, одновременно указывают как на главную причину краха контрреволюции на нежелание трудящихся-татар выступить в угоду «своей» буржуазии против Советской власти. Это вынуждены, хотя и косвенно, признать отдельные буржуазные историки. Так, Зеньковский, обвиняя, с одной стороны, националистических руководителей в недостатке решительности, с другой стороны, оправдывает их, заявляя, что национальные «войска в то время были скорее толпами вооруженных рабочих и крестьян в форме, чем действительными военными соединениями...»³⁵. Давлетшин отмечает, что слабым местом татарских националистов «была, очевидно, не малочисленность войск, а низкая боевая мораль солдат и офицеров, которым большевистские агитаторы изо дня в день, с «Декларацией прав народов России», с «Обращением Совнаркома к мусульманам» и т. п. в руках, внедряли в сознание, что Советское правительство несет национальную свободу татарскому и башкирскому народам». Мимоходом Давлетшин упоминает также об участии татарских советских организаций в подавлении контрреволюционного мятежа на стороне красных частей. Все это свидетельствовало, говоря словами Давлетшина, о том, что у татарских националистов «не было тыла»³⁶, т. е. не было опоры на народные массы.

Проблема взаимоотношений народов Поволжья и Урала с Советской властью рассматривается советологами также в аспекте создания Татаро-Башкирской Советской Республики, что предусматривалось декретом Наркомнаца от 22 марта 1918 года. И в данном случае буржуазными историками дается извращенная трактовка проблемы. Э. Карр, например, видит в декрете проявление политики «ускоренной советизации» восточных народов страны³⁷. А. Беннигсен и Ш. Келькеже рассматривают декрет Наркомнаца как тактическую уступку Советского правительства, вызванную неблагоприят-

ным военно-политическим положением Советской Республики весной 1918 г.³⁸ Т. Давлетшин считает декрет от 22 марта 1918 г. чисто пропагандистским шагом³⁹ и т. д.

Суть декрета состояла в том, что в соответствии с принципом национального самоопределения народов центральная Советская власть предлагала объявить территорию Среднего Поволжья и Южного Урала Татаро-Башкирской Советской Республикой. Границы ее должен был определить проект, разработанный татарскими и башкирскими революционными организациями. Вопросы, связанные с окончательным установлением границ республики, определением взаимоотношений ее западной и восточной частей и формированием высших органов власти, подлежали разрешению на Учредительном съезде Советов ТБСР.

Концепция Карра об «ускоренной советизации» основана на предположении, что якобы среди трудящихся масс Поволжья и Урала Советская власть не встретила понимания и поддержки и потому ее приходилось навязывать силой (кстати, английский историк не одинок в своем утверждении: подобные идеи выдвигались и другими буржуазными историками). Выше (в главе III) на основе анализа всей совокупности исторических фактов был сделан вывод, что к весне 1918 года Советская власть при поддержке трудящихся утвердилась во всем регионе. Поэтому утверждения об установлении Советской власти путем насилия над трудящимися не состоятельны вообще, они не выдерживают научной критики применительно к вопросу о создании Татаро-Башкирской Советской Республики.

В то же время декрет Наркомнаца нельзя рассматривать и как тактический прием, продиктованный военным положением Республики. Национальная политика КПСС с самого начала основывалась на уважении нужд и чаяний ранее угнетенных народов, на учете их национальных потребностей. Поэтому связывать провозглашение ТБСР с немецким наступлением на Западе и десантом союзников в Мурманске, как это делают буржуазные историки, — значит совершенно абстрагироваться от антиимпериалистической направленности советской национальной политики.

Декрет Наркомнаца появился в период ожесточен-

ной борьбы татарских и башкирских трудящихся против «Забулачной республики», когда татарская буржуазия, подобно нынешним советологам, клеветала на большевиков, обвиняя их в нежелании создавать национальные государства. Провозглашение ТБСР Советским правительством свело на нет измышления буржуазной пропаганды и окончательно вырвало из-под влияния татарской буржуазии отсталые массы трудящихся. В связи с этим видный татарский общественный деятель Г. Г. Ибрагимов отмечал, что «...с объявлением «Положения о Татаро-Башкирской республике» (так иногда называется декрет от 22 марта 1918 г.— Авт.) буржуазия круто изменила свое отношение к автономии, ибо она была им обезоружена»⁴⁰.

Заявляя о том, что декрет будто бы являлся лишь пропагандистским шагом, Давлетшин спекулирует на том обстоятельстве, что Учредительный съезд ТБСР, назначенный на 15 сентября 1918 г., не был созван в связи с началом гражданской войны и оккупацией территории региона белогвардейцами и интервентами, а после ее освобождения от контрреволюционных войск Политбюро ЦК РКП(б) в связи с созданием к тому времени башкирской советской автономии вообще отменило декрет Наркомнаца. О причинах этого подробно будет сказано ниже. Здесь же мы остановимся на том, как в интересах конструирования антисоветских концепций советологи придают негативную окраску разбираемым ими проблемам.

Так, например, Беннигсен и Келькеже вместо объективного анализа содержания ленинской национальной политики в 1917—1918 годах умышленно делают акцент на нигилистические, а то и шовинистические тенденции, наблюдавшиеся в некоторых местных Советах и партийных организациях в то время и выражавшиеся в отрицательном отношении к идее создания ТБСР. При этом ЦК партии и Советскому правительству приписывается тактика лавирования между сторонниками и противниками образования ТБСР. Между тем известно, что ЦК РКП(б) и Совнарком РСФСР с самого начала твердо проводили курс на признание за нациями Урала и Поволжья, как и за всеми остальными нациями страны, права на самоопределение. Более того, в мае 1918 г. Политбюро ЦК РКП(б) дважды обсуждало ошибочную

и политически вредную позицию, занятую некоторыми местными коммунистами в отношении ТБСР. В. И. Ленин и ЦК партии осудили антимарксистские взгляды противников создания Татаро-Башкирской Советской Республики⁴¹. Иначе и не могло быть, так как ленинская национальная политика определялась принципами марксизма-ленинизма и коренными интересами революционного пролетариата.

Некоторые буржуазные историки не желают видеть принципиальной разницы между ТБСР и буржуазным «Идель-Уральским штатом», считая, что оба проекта государственного устройства обеспечивали гегемонию татарского народа над другими народами региона. Зеньковский расценивает декрет Наркомнаца от 22 марта 1918 г. как «триумф татарской идеи...»⁴² Пайпс считает, что будто бы Советское правительство, выступая с декретом, намеревалось «воссоздать под советским покровительством Волжско-Уральский штат, который (в свое время.— Авт.) предлагала комиссия умершего меджлиса»⁴³. Между тем ЦК партии и Советское правительство вели подготовку к созданию советского автономного государства, где у власти будут стоять трудящиеся. Эту коренную разницу между буржуазной «Идель-Уральской республикой» и ТБСР раскрыл в своем вступительном слове на майском (1918 г.) совещании при Наркомнаце тов. Сталин, сказав: «Автономия есть форма. Весь вопрос в том, какое классовое содержание вкладывается в эту форму»⁴⁴. Таким образом, ТБСР мыслилась как государство диктатуры пролетариата. И не случайно, когда коллегия меджлиса по осуществлению Идель-Уральского штата посмела только на словах заявить о приемлемости лозунга ТБСР, сразу же последовал сердитый окрик со стороны буржуазных лидеров. Известные пантюркисты С. Максудов, И. Ахтямов и другие вменяли в вину коллегии, что «объявляя себя организацией, стоящей на платформе Советов, коллегия принимает решение, которое совершенно не предусмотрено Национальным меджлисом при ее избрании»⁴⁵.

В Советской республике, основанной на принципах пролетарского интернационализма, полностью исключалась база для проявления гегемонизма одних народов по отношению к другим. Поэтому клеветническую кон-

цепцию о наличии якобы панисламистских тенденций в будущей ТБСР не спасает и ссылка советологов на предполагавшееся включение в состав республики чувашского и марийского народов. Известно, что представители этих народов на майском (1918 г.) совещании в Москве высказали пожелание о расширении границ будущей республики и посылке своих делегатов на Учредительный съезд Татаро-Башкирской Советской Республики⁴⁶.

Подводя итоги, нужно сказать, что в условиях 1918 года проект ТБСР являлся наиболее реальным планом создания совместной советской государственности ряда народов Поволжья и Урала, так как он отвечал интересам сплочения трудящихся, в целях упрочения Советской власти. Кроме того, проект являлся первой в истории региона попыткой разрешить национальный вопрос и наносил решительный удар по планам татарских буржуазных националистов, стремившихся к созданию «Идель-Уральского штата».

Но как первый в истории региона план он имел и свои слабые стороны. Декрет Наркомнаца недостаточно учитывал тенденцию к созданию отдельной национальной государственности народов. Он являлся попыткой лобовой атакой сокрушить пережитки вражды и недоверия в отношениях между народами. Эти недостатки декрета вскоре обозначились в условиях начавшейся гражданской войны.

§ 2. ОБРАЗОВАНИЕ БАШКИРСКОЙ СОВЕТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

В основе концепций буржуазных историков об «Идель-Уральском штате» лежит тезис о мнимом «татаро-башкирском единстве». Его создатели и распространители — татарские панисламисты и пантюркисты. Так, например, Г. Исхаки писал о существовании якобы у башкир и татар (как и у всех тюрков) «единой школы, литературы и вообще общей... культуры»⁴⁷. Такую же позицию занимает А. Акыш, заявляя, что «...башкиры, так же, как и татары, являются тюрками Идель-Урала, говорят на том же языке, исповедуют одну и ту же религию, имеют общую тюрко-мусульманскую культуру»⁴⁸. Концепция о «татаро-башкирском» или даже «мусульманском единстве» имеет своих

сторонников также среди профессиональных историков Запада. Одним из них является А. Беннигсен, утверждающий, что «перед 1917 годом мусульманское единство определенно являлось реальностью»⁴⁹.

Спекуляция идеологов пантюркизма и панисламизма на мнимом «татаро-башкирском единстве» основана на принадлежности обоих народов к тюркоязычной ветви. Советские ученые А. Х. Халиков, Р. Г. Кузеев и другие внесли определенный вклад в изучение вопросов генезиса татарского и башкирского народов. Р. Г. Кузеев, например, указывал на двукратное родство татар и башкир через кипчакский (половецкий) и булгарский народы⁵⁰. Т. Гарипов и Ф. Фасеев подсчитали, что в татарском и башкирском языках 83—85 процентов слов имеют общие корни⁵¹. В результате значительная часть башкир усвоила татарский язык и пользовалась им как литературным.

Однако близость и даже совпадение языков не являются основанием для отнесения родственных народов к одной нации. Советский историк К. Новеселов с полным основанием заметил, что языковая близость между узбеками, киргизами и туркменами не дает повода для причисления их к одной нации — точно так же, как родственные языки у датчан, шведов и норвежцев⁵².

Не может быть также речи и о существовании единой «тюрко-мусульманской культуры». По словам Г. Ибрагимова, «у казахов, узбеков, азербайджанцев, крымчаков, татар, туркменов, башкир — у каждого народа имеются своеобразные, имеющие отдельную историю и отдельное существование литературный язык и литература». Г. Ибрагимов напомнил, что еще до социалистической революции передовые представители татарского народа на страницах демократической печати вели борьбу против реакционных концепций панисламистов и пантюркистов, которые, идя по стопам крымского помещика и идеолога Исмагила-бея Гаспринского, в националистических целях пытались искусственным путем создать и насадить единый общетюркский язык. Но все эти реакционные и утопические попытки были развеяны в прах самой действительностью: по словам татарского ученого, «литература и литературный язык не падают с неба, а произрастают на культурно-экономической, географической почве»⁵³.

Точно так же реакционны попытки объявить «единство религии» характерным признаком несуществующей «мусульманской» нации, как это делают советологи. Г. Г. Ибрагимов образно писал, что «попытки втащить арканом якобы имеющих общий язык и литературу российских мусульман в одну «исламскую нацию» являются исторической слепотой»⁵⁴.

Советские этнографы Р. Г. Кузеев и С. Н. Шитова на основе изучения печенежско-огузского периода этнической истории башкир, относящегося к VIII—X векам, считают его одним из определяющих в формировании башкирской народности. По их мнению, именно в этот период на Южном Урале появилась этническая общность, носившая название «башкорт»⁵⁵.

В процессе многовекового самостоятельного существования сложились специфическая материальная и духовная культура башкир, свой образ жизни, свои национальные обычаи. Во многом эти особенности определялись тем, что если татары издавна являлись оседлым народом, то башкиры в своей значительной части вплоть до второй половины и даже до конца XIX века занимались кочевым и полукочевым животноводством⁵⁶.

Наконец, более позднее и более замедленное, чем у татар, вступление башкир на путь капиталистического развития не могло не наложить своего отпечатка на их социальный облик, в котором продолжали сохраняться некоторые пережитки не только феодального, но и патриархально-родового строя.

Поэтому существование башкир как самостоятельной на протяжении, по крайней мере, более одного тысячелетия социально-этнической общности не может вызывать сомнений. И хотя их историческое прошлое было сложным, однако, как отмечает С. И. Руденко, «ни контакты с северными финно-угорскими племенами, ни проникновение на территорию Башкирии гуннских, позднее татаро-монгольских, казахских племен, ни взаимосвязи с калмыками и, наконец, позднейшее проникновение с запада таких народностей, как казанские татары и мишари, коренным образом не изменили ни физического типа, ни языка, ни быта башкир»⁵⁷.

Татарские буржуазные националисты, а вслед за ними и многие советологи игнорируют столь важный

фактор, как самосознание башкирской нации. Между тем к моменту победы социалистической революции в России значительная часть башкир имела довольно развитое национальное самосознание и выражала несогласие, когда их причисляли к татарам. Не случайно уже после первого Всероссийского мусульманского съезда (май 1917 г.) башкирское национальное движение выделилось из общетюркского и выступало под самостоятельными лозунгами.

Большинство буржуазных историков (Г. фон Менде, Р. Пайпс и др.) считает башкирское национальное движение, как и татарское, в социальном и идейно-политическом отношении единым движением. Исключением является, пожалуй, лишь С. Зеньковский, который пишет, что наряду с буржуазными националистами-валидовцами в начале 1918 г. «идея башкирской автономии была неожиданно использована... предприимчивой мусульманской левой группой», получившей «самую теплую поддержку (со стороны.— Авт.) оренбургского советского руководителя С. М. Цвиллинга». Далее Зеньковский сообщает об организации Временного Революционного Совета Башкортостана и провозглашении им советской автономии Башкирии как части Российской Федерации. Говоря о поездке представителей ВРСБ на прием к Сталину в Москву, американский историк не дает объяснения, почему идея советской автономии Башкирии не получила в то время поддержки со стороны Наркомнаца⁵⁸.

Советские историки на основе всестороннего изучения этого (прямо скажем: не простого) вопроса пришли к определенному мнению. Прежде всего, они отметили, что некоторые ошибки в деятельности ВРСБ (например, его позитивные ссылки на решения курултая, созданного в декабре 1917 года в Оренбурге националистами и провозгласившего башкирскую автономию) дали повод «левым» коммунистам типа Г. Шамигулова обвинить ВРСБ в националистической ориентации и добиться его роспуска. Во-вторых, вопрос о создании отдельной советской автономии Башкирии не подвергся рассмотрению в Наркомнаце, так как авторы проекта согласились с планом создания совместной Татаро-Башкирской Советской Республики, по-видимому, как они считали, для того, чтобы не нарушать сплоченности

революционных сил Урала и Поволжья⁵⁹. В-третьих, советские историки считают ошибкой Наркомнаца то обстоятельство, что в тот период он недостаточно учел стремление башкир к созданию своей отдельной советской автономии⁶⁰. Если лозунг создания ТБСР позволил Наркомнацу, как указывалось выше, вырвать знамя борьбы за национальную автономию из рук татарской буржуазии, то тот же лозунг, с другой стороны, был использован башкирской буржуазией в демагогических целях против революционно-демократического течения в башкирском национальном движении. В итоге буржуазным националистам удалось путем обмана и насилия привлечь на свою сторону если не всех башкир, как утверждают советологи, то во всяком случае, их значительное число, создать так называемые «национальные» части и бросить в бой против большевиков⁶¹.

Тезис о мнимом «татаро-башкирском единстве» вошел, что называется, в плоть и кровь буржуазной историографии. На нем построены основные обвинения советологов в адрес национальной политики КПСС и Советского правительства. Тем труднее буржуазным историкам свести концы с концами в связи с образованием по декрету ВЦИК от 20 марта 1919 г. отдельной Башкирской Советской Республики: провозглашенное ими «татаро-башкирское единство» оказывается чистой фикцией, поэтому поспешно обосновывается концепция о «случайности» образования башкирской автономии.

Но всякая наука, претендующая на это название, не может обходиться без объяснений. Это пытаются делать и буржуазные историки. Но их объяснения антинаучны, так как основаны на прослеживании поверхностных причинно-следственных связей. Некоторые западные историки по существу расписались в бессилии буржуазной исторической науки, как, например, английский историк В. Коларз. С одной стороны, он указывает на «естественно существовавшую» среди мусульман, в данном случае, татар и башкир, «тенденцию к единству», с другой стороны, признается «утвердившаяся враждебность между татарами и башкирами». Каковы причины и природа этой враждебности, Коларз умалчивает⁶².

Неоднократно изменял точку зрения на данный вопрос американский историк С. Зеньковский. В статье

1953 года он отмечал факт сопротивления населения мусульманских окраин царской России, в том числе и башкир, проникновению татарского торгового капитала и даже указывал на «башкирский антагонизм по отношению к татарам...»⁶³. В работе же, опубликованной в 1958 г., содержится категорическое утверждение, что до 1917 года в отношениях между татарами и башкирами «не могло быть замечено никаких серьезных признаков антагонизма...»⁶⁴. Наконец, в монографии, вышедшей в 1960 году, Зеньковский вновь пишет об «антагонизме между башкирами и татарами», указывая на его «социальный и культурный базис — старую проблему отношения кочевников к крестьянам»⁶⁵. Эти колебания американского историка отражают слабую изученность (или вообще неизученность) истории социально-экономических отношений между народами России в буржуазной историографии, а, возможно, и конъюнктурные соображения самого автора. Во всяком случае, отдельные коллеги Зеньковского проявили большую стабильность в своих взглядах. Так, например, Р. Пайпс, который также занимался изучением вопросов основы националистических движений среди восточных народов России, во всех изданиях своей книги утверждал, что «идея автономии была тесно связана с земельным вопросом, который в то время представлял величайший интерес для тюркских племен». Пайпс отмечает, что поэтому башкирское национальное движение имело не только антирусскую, но и антитатарскую направленность⁶⁶. Но на данную проблему Пайпс смотрит глазами башкирских буржуазных националистов, которые проповедовали вражду не к эксплуататорским классам, а к другим нациям вообще.

Как известно, декрет ВЦИК от 20 марта 1919 г. об образовании Автономной Башкирской Советской Республики был издан в форме соглашения Советского правительства с Башкирским националистическим правительством, находившимся до этого вместе с башкирскими войсками в лагере белогвардейцев. Это обстоятельство используется буржуазными историками как основание для утверждений, что башкирская советская автономия возникла якобы в силу случайного стечения следующих обстоятельств: а) недалековидной политики лидера башкирских националистов З. Валидова, раско-

ловшего единый фронт мусульман (в своем завещании татарский пантюрист и панисламист Г. Исхаки прямо называет его неумным Закием Валиди)⁶⁷; б) неуступчивой позиции белых генералов, отказавшихся признать право башкир на свою автономию⁶⁸; в) «коварной» политики большевиков, стремившихся «в критический момент гражданской войны уцепиться за любую соломинку», перетянуть на свою сторону военную силу башкир⁶⁹.

Тезис о недалековидном или неумном Валиди основывается на субъективно-идеалистическом подходе к башкирскому национальному движению: он чрезмерно преувеличивает роль личности в истории и принижает роль объективных факторов. Несостоятельность этого тезиса раскрывается тотчас, как только ставится вопрос об экономической основе башкирского движения. Ее составляла борьба масс за возвращение отнятых царским правительством, русскими помещиками, купцами и предпринимателями башкирских земель. Известно, что лишь в течение последней трети XIX в. башкиры потеряли право собственности примерно на 2,5 млн. десятин земельных угодий, плюс около 3 млн. десятин рудоносных, лесных и сельскохозяйственных угодий они вынуждены были сдавать в «аренду»⁷⁰. Национальная буржуазия не могла не считаться с требованиями «своих» масс, тем более, что расхищения башкирских земель затрагивали также ее собственные интересы. Этим объяснялось отличие политических требований башкирской буржуазии от требований, например, татарской буржуазии. Если до Октябрьской революции татарская буржуазия, заинтересованная в обеспечении своей экономической экспансии и установлении гегемонии над остальными мусульманскими народами, выдвигала лозунг культурно-национальной автономии, то башкирская буржуазия была верна лозунгу «Башкирия только для башкир». Отстаивая требования возвращения отнятых у башкир до революции земель, выселения из Башкирии всех русских переселенцев, создания чисто башкирских волостей, не включающих города и рабочие центры, буржуазные националисты тем самым хотели помешать развитию классовой борьбы среди башкир⁷¹. Они сами претендовали на руководство «своими» массами и создание самостоятельной нацио-

нальной государственности на буржуазно-парламентской основе.

Буржуазные историки (С. Зеньковский, Р. Пайпс и др.) изображают дело таким образом, будто бы политические симпатии валидовской верхушки определялись лишь в результате «диктаторских» действий большевиков. Так, по Зеньковскому получается, что якобы до ареста валидовской верхушки в начале 1918 г. оренбургскими большевиками и последующего освобождения их дутовскими частями буржуазные националисты были лишены какой-либо политической ориентации⁷². Это утверждение является необоснованным. Известно, что уже в фармане (указе) № 1, с которым башкирское «Милли шуро» выступило вскоре после победы Октябрьской революции, оно высказалось против Советской власти, заявив, что будто бы та наряду с признанием права на самоопределение «в виде приложения к этим правам... дает беспорядок, беззакония и бесчинства». О контрреволюционных устремлениях буржуазных националистов свидетельствовал и состав «Всебашкирского учредительного курултая», состоявшегося в декабре 1917 г. в Оренбурге: в нем явно преобладали представители кулачества, духовенства и националистически настроенной интеллигенции. Более того, с первых дней своего существования башкирское правительство начало создавать военные силы для борьбы с Советской властью⁷³. Поэтому нет никакой случайности в том, что к началу гражданской войны башкирские буржуазные националисты оказались в составе так называемого «Юго-восточного союза народов и казачьего войска», создававшегося на Южном Урале и в Казахстане по инициативе русских и прочих белогвардейцев.

Буржуазная историография затратила немало усилий, пытаясь определить, какие факторы заставили башкирских националистических лидеров пересмотреть свое первоначальное решение о сотрудничестве с русскими белогвардейцами. Кроме отрицательного отношения колчаковского командования к идее башкирской автономии (о нем будет сказано ниже), назывались также и другие причины. Так, Зеньковский отмечает, что «зимние (1918—1919 гг.— Авт.) победы большевистских армий над белыми также, без сомнения, послужили

средством для принятия башкирами решения порвать с Колчаком и со своим союзником Дутовым»⁷⁴. Ту же мысль проводит и Ч. Хостлер, утверждая, что башкирские лидеры приняли решение заключить мир с Советами «вследствие поражения колчаковской армии...»⁷⁵.

Конечно, и отрицательное отношение колчаковского командования к идее башкирской автономии, и успехи Красной Армии на Восточном фронте отнюдь не способствовали укреплению белогвардейского лагеря. Но основной причиной, побудившей валидовскую верхушку перейти на сторону Советской власти, послужило — и об этом совершенно умалчивают буржуазные историки — глубокое недовольство солдатских масс буржуазно-помещичьим режимом, который несли на своих штыках войска Колчака.

Башкирское войско, сформированное националистами-валидовцами, состояло в основном из мобилизованных путем обмана и насилия трудовых крестьян. Естественно, что среди них были мало популярны лозунги белогвардейского движения. Это признавало и само колчаковское командование. Белогвардейский капитан Пуляшко в докладной своему начальству отмечал, что для башкирских солдат характерна «полная неосведомленность... и непонимание ими целей, преследуемых Всероссийским правительством (т. е. правительством Колчака.— Авт.)...»⁷⁶. Многочисленные проявления антинародной политики белого генералитета в сочетании с жестокой муштрой и палочной дисциплиной в армии вызывали среди башкирских солдат большое недовольство. В одном из документов командования башкирского войска, составленном в феврале 1919 г., по адресу Колчака и Дутова говорится: «...вы избиваете рабочих и крестьян, вы возвращаете земли помещикам, вы арестовываете и расстреливаете руководителей свободного башкирского народа, вы уничтожаете кантоны⁷⁷, вы не даете винтовок и патронов башкирским солдатам, вы боитесь народа, как грабители с большой дороги дневного света!»⁷⁸

Недовольство башкирских солдат проявлялось в фактах дезертирства и массового неисполнения приказов белогвардейского командования. Так, в ноябре 1918 г. взбунтовавшиеся солдаты 1-го башкирского стрелкового полка категорически отказались идти в бой,

а Юрматынский отряд не выполнил приказ о выступлении на фронт. Нередко конфликт между верными белогвардейскому командованию частями и башкирскими солдатами перерастал в вооруженное столкновение⁷⁹.

Валидовской верхушке, в отличие от солдатской массы, в целом импонировали буржуазно-помещичьи порядки, насаждавшиеся колчаковцами. Их разногласия с белогвардейским командованием носили в основном неантагонистический, преходящий характер. В то же время валидовцы не могли не считаться с ростом симпатий башкирских солдат к Советской власти. Перед ними встала дилемма: либо оставаться на стороне Колчака и в результате потерять влияние на массы, либо в интересах сохранения этого влияния возглавить переход на сторону Советской власти. Валидовцы выбрали второй вариант: в январе 1919 г. они вступили в переговоры с советскими органами, завершившиеся 20 марта 1919 г. в Москве подписанием соглашения о создании Башкирской Автономной Советской Республики.

С тезисом о «недальновидном» Валидове в рассуждениях буржуазных историков соседствует концепция о «неуступчивом» и «нетерпеливом» Колчаке. Концепция о «неуступчивой позиции белых генералов» получила широкое распространение в буржуазной историографии. Первоначально ее создали представители белой эмиграции. Так, в статье «Еще о самоопределении народов», опубликованной в 1921 г., Б. Савинков писал о великодержавной политике руководящих деятелей российской контрреволюции, обусловившей их поражение: «Ни Деникин, ни Аксентьев чужой свободы не уважают, права на свободу за другими народами не признают»⁸⁰. Г. Исхаки, в свою очередь, констатировал, что «...Сибирское русское правительство Колчака... боролось не только с большевиками: в неменьшей мере оно боролось и с тюркским национальным движением»⁸¹. Затем концепция о «неуступчивых генералах» была заимствована буржуазной историографией (Г. фон Менде, Б. Шпулер, С. Зеньковский и др.). Пайпс обвиняет белогвардейский генералитет в «недостатке... такта и искренней симпатии к стремлениям малых национальностей»⁸². Лемерсье-Келькеже видит в переходе башкирских войск на сторону красных политическую ошибку белых⁸³.

Зеньковский, напротив, пытается смягчить эти обвинения, заявляя, что после событий 18 февраля 1919 г., т. е. перехода башкирских войск, адмирал Колчак, в армию которого входил башкирский корпус, якобы «исправился»: «его национальная политика стала после этой даты значительно более либеральной, но было уже поздно»⁸⁴. В изложении буржуазных историков лишь чистая случайность обусловила переход башкирских частей на сторону Советской власти: будь Колчак более тактичным, либеральным и дальновидным политиком, башкиры остались бы на стороне белых. (Так, по утверждению того же Зеньковского, Колчак якобы «не был враждебен к ограниченной тюркской автономии»⁸⁵.)

В рассуждениях буржуазных авторов нет и тени намек на то обстоятельство, что национальная политика бывших царских генералов, как и вся их политика в целом, определялась, конечно, не личными симпатиями и антипатиями отдельных государственных и военных деятелей, а политическими и экономическими интересами русских помещиков и капиталистов, идеалом которых было восстановление «единой и неделимой России» — тюрьмы народов. Во имя достижения этого идеала Деникин не захотел вести переговоры с Петлюрой, выдвинувшим лозунг «самостийной Украины»; он же приказал арестовать и судить как изменников России депутатов Кубанской краевой рады, проектировавших совместно с горскими националистами создание самостоятельного федеративного государства. Колчак как «верховный правитель России» категорически отказал Маннергейму в признании самостоятельности Финляндии и самоопределения Карелии и Олонецкой губернии. Как отмечает советский историк Л. М. Спирин, «мелкие народы внутри страны белогвардейцы вообще не ставили в счет»⁸⁶. Отражением этой великодержавной политики и явилось, в частности, пренебрежительное отношение Колчака к националистическим организациям татар, башкир и казахов, находившимся в белогвардейском лагере. В этом нет ничего удивительного: В. И. Ленин писал, что «Колчак — это представитель диктатуры самой эксплуататорской, хищнической диктатуры помещиков и капиталистов, хуже царской...»⁸⁷. Поэтому обвинять белых генералов в том, что они не

симпатизировали национально-освободительному движению народов царской России — значит совершенно абстрагироваться от конкретного классового содержания политики белых генералов.

Такая же абстракция содержится и в основе концепции «двух огней», между которыми якобы очутились в годы гражданской войны нерусские народы: «с одной стороны — со всеми их ужасами большевики, а с другой — русские черносотенцы»⁸⁸. Классовая сущность Советской власти в этой концепции замалчивается, ей приписываются такие же антинародные черты, как и черносотенному режиму белогвардейских генералов. Так обосновывается база для утверждения о «коварных» большевиках, которые якобы обманым путем привлекли на свою сторону нерусские народы страны, в частности, башкирский народ. ЦК партии и Советскому правительству приписываются корыстные мотивы, которыми они якобы руководствовались, идя на подписание соглашения с Башкирским националистическим правительством от 20 марта 1919 г. В. Коларз совершенно бездоказательно квалифицирует этот важный политический шаг ЦК РКП(б) и Советского правительства как «тонкий коммунистический маневр»⁸⁹. С. Зеньковский видит в решении руководства партии и правительства стремление заполнить «6556 человек башкирских солдат и военного персонала», которые в тех условиях представляли «значительную военную силу»⁹⁰. Аналогичную точку зрения высказывал и Э. Х. Карр (см. выше).

Конечно, переход на сторону Красной Армии башкирского белогвардейского корпуса, насчитывавшего в результате массового дезертирства, по данным советских историков, не шесть с половиной тысяч, а около двух тысяч человек⁹¹, имел некоторое тактическое значение для советских войск Восточного фронта. Но он не оказал и не мог оказать сколько-нибудь решающего влияния на изменение в соотношении сил борющихся сторон. Известно, что к началу марта 1919 г. советские войска Восточного фронта насчитывали свыше 100 тысяч штыков и сабель, 1882 пулемета и 374 орудия, белогвардейские войска — 130—145 тысяч штыков и сабель, 1300 пулеметов и 211 орудий⁹². Поэтому попытки буржуазных историков приписать переходу башкирских

войск непомерно большое военное значение лишены серьезного основания.

Для ЦК партии и Советского правительства была важна в первую очередь не военная, а политическая сторона вопроса. Она состояла в том, что начатая еще в 1918 г. передовыми представителями трудящихся-башкир борьба за создание советской государственности завершилась, вопреки враждебным проискам буржуазных националистов, победой. Переход башкирских солдат на сторону Советской власти отражал растущее понимание мелкобуржуазными массами того факта, что, как говорилось в документе V Всебашкирской партийной конференции, «только Советская власть и РКП(б) способны на деле осуществить национальное освобождение и залечить упорным трудом те раны, которые нанесены туземному населению вековым угнетением буржуазии и помещиков...»⁹³.

В то же время следует отметить, что провозглашение Башкирской Автономной Советской Республики произошло в условиях, когда дифференциация трудовых элементов от буржуазии еще не закончилась. Этим и объяснялось то обстоятельство, что Советское правительство Башкирии возглавлялось буржуазными националистами. Нужно было время, чтобы трудящиеся-башкиры на собственном опыте убедились в антинародном характере деятельности буржуазных националистов. В связи с этим В. И. Ленин, дискутируя на VIII съезде РКП(б) с Бухариным, который, как известно, требовал признания права на самоопределение не за нациями, а только за трудящимися, говорил: «Допустим даже, что башкиры свергли бы эксплуататоров, и мы помогли бы им это сделать. Но ведь это возможно только в том случае, если переворот вполне назрел. И сделать это надо осторожно, чтобы своим вмешательством не задержать тот самый процесс дифференциации пролетариата, который мы должны ускорить». И дальше: «Тут надо дожидаться развития данной нации, дифференциации пролетариата от буржуазных элементов, которое неизбежно»⁹⁴.

Рассматривая эту политику Коммунистической партии как «коварную» и обвиняя коммунистов в диктаторских намерениях, советологи в то же время стремятся всячески обелить валидовскую верхушку. Буржуазные

историки изображают ее как борцов за национальную независимость, кровно заинтересованных в народном благе. Многочисленные провокационные выступления валидовцев против органов Советской власти, имевшие место в период 15-месячного пребывания их во главе Башревкома, буржуазные историки пытаются объяснить либо недостаточной информированностью лидеров буржуазных националистов, либо их стремлением освободиться от контроля русских и татарских коммунистов⁹⁵. Так, например, контрреволюционный январский путч 1920 года в Стерлитамаке, во время которого буржуазные националисты арестовали нескольких ответственных советских работников, советологи оправдывают под предлогом, что будто бы был раскрыт «заговор» против башкирской автономии. Но в чем конкретно состоял этот «заговор», буржуазные историки не пишут, так как никакого антибашкирского заговора не существовало. Напротив, имела место контрреволюционная деятельность валидовцев, которая не прекращалась и после их перехода на сторону Советской власти.

Советологи предпочитают обходить полным молчанием документы, разоблачающие антисоветскую сущность буржуазных националистов. Между тем эти документы не оставляют никакого сомнения в контрреволюционных намерениях валидовцев. Так, в письме к одному из своих единомышленников З. Валидов отмечал, что «переход на сторону Советов — вынужденная мера, что все согласованные ранее решения о совместных действиях против Советов остаются в силе...»⁹⁶. В другом письме, написанном лидером башкирских националистов в начале лета 1920 года, он подробно излагал своим сподвижникам план антисоветского выступления в Башкирии⁹⁷.

Не удивительно, что подобная тенденциозность буржуазной историографии приводит к грубому извращению ею причин оставления башкирскими националистами своих советских постов и их бегства из Стерлитамака (июнь 1920 г.). В качестве непосредственного повода в вышедших на Западе работах фигурирует постановление ВЦИК и СНК от 19 мая 1920 г. «О государственном устройстве Автономной Советской Башкирской Республики», которое трактуется как «явное нарушение» соглашения от 20 марта 1919 г. Советским правитель-

ством⁹⁸. Между тем в постановлении ВЦИК и СНК речь шла о необходимости, в целях сохранения единства финансовой и хозяйственной политики РСФСР на всей территории республики, подчинить ряд наркоматов Башкирии — продовольствия, финансов, РКИ — а также Совет народного хозяйства, Башвоенкомат, БашЧК и управление почт и телеграфа непосредственно соответствующим наркоматам и ведомствам Федерации. В нем фиксировалась также уже существовавшая практика передачи всех иностранных и внешнеторговых дел в ведение центральных органов РСФСР. Большая группа наркоматов — внутренних дел, земледелия, социального обеспечения, просвещения, здравоохранения и юстиции — по-прежнему оставалась в непосредственном подчинении центральных органов власти Башкирии⁹⁹.

Вопреки утверждениям буржуазных историков, это постановление не противоречило соглашению от 20 марта 1919 г., а, наоборот, явилось дальнейшей конкретизацией и дополнением к его основным положениям. В п. 8 соглашения прямо говорится о том, что «власть в Автономной Башкирской Советской Республике организуется на точном основании Советской Конституции, утвержденной V Всероссийским съездом Советов 10 июля 1918 г.»¹⁰⁰. Поэтому, определяя государственное устройство Башкирской Советской Республики, ВЦИК и СНК исходили из конституционных положений, общих для всех автономных республик. Это признает и Э. Карр, заявляя, что постановление от 19 мая 1920 г. «не содержит ничего специфического для Башкирии». «Конституционно, — продолжает Э. Карр, — это не было неразумным и, конечно, не может рассматриваться как нарушение обещания автономии башкирам»¹⁰¹.

Анализируя причины бегства башкирских националистов, буржуазная историография проходит мимо такого важного обстоятельства, как растущая дискредитация политической линии буржуазных националистов в глазах значительной части трудящихся масс. Борьба против партийных организаций на местах, защита интересов состоятельных слоев башкирского населения, попытки дезорганизовать деятельность советских органов по оказанию материальной помощи голодающим и разоренным войнами трудящимся — все это не могло

не вести к падению влияния националистов-валидовцев среди трудящихся. Этот процесс отчетливо проявился в период подготовки к I Всебашкирскому съезду Советов (май-июнь 1920 г.), когда на ряде кантонных съездов Советов большинство делегатов высказалось за резолюции, предложенные коммунистами. Валидовцев страшил антинационалистический Всебашкирский съезд: по словам члена партии с 1903 года, питерского рабочего Ф. С. Мансырева, рабоче-крестьянской массе буржуазные националисты «не могли дать отчета перед съездом, так как они ничего не сделали для советского строительства»¹⁰². С другой стороны, становилась все более очевидной нереальность надежд националистов на отделение Башкирской Советской Республики от РСФСР.

В этих условиях открытый разрыв националистической верхушки с Советской властью должен был, по ее расчетам, явиться сигналом к повсеместным массовым антисоветским выступлениям и в конечном счете заставить ЦК партии и Советское правительство пойти на принципиальные уступки в национальной политике. Но авантюристический демарш валидовцев не получил того политического резонанса, на который они рассчитывали. Хотя буржуазным националистам и удалось спровоцировать антисоветские мятежи среди наиболее темной и отсталой части башкирского населения в юго-восточной Башкирии (Бурзян-Тангауровский кантон), но они не добились своей основной цели. Конфликты крестьян на местах были урегулированы главным образом путем переговоров с органами Советской власти. Национальная политика ЦК РКП(б) и Советского правительства продолжала оставаться на прежних принципиальных позициях. Это был политический крах буржуазных националистов, заставивший одних из них пойти с повинной к Советской власти, а других — искать прибежища у среднеазиатского басмачества.

Также в свете тезиса о «коварных большевиках» буржуазные историки преподносят декрет ВЦИК от 14 июня 1922 г. «О расширении границ Автономной Башкирской Социалистической Советской Республики», согласно которому три уезда Уфимской губернии — Белебеевский, Бирский и Уфимский — были присоединены к АБССР и столицей республики вместо Стерлитама-

ка стала Уфа. По утверждению Зеньковского, этот декрет якобы «нанес заключительный удар по надеждам башкир на подлинную национальную автономию...», так как-де в связи с присоединением к АБССР территорий с русским и татарским населением «башкирское влияние в «Большой Башкирии» уменьшилось до нуля»¹⁰³.

Автор утверждений о «заключительном ударе» рассчитывал, конечно, на легковверных читателей, не интересующихся подлинной подоплекой событий. Между тем инициатива в вопросе о расширении границ республики путем включения Уфимской губернии и некоторых других территорий принадлежала партийным и советским органам самой Башкирской республики. Дело в том, что Башкирская республика, созданная по декрету ВЦИК от 20 марта 1919 г., в основном была построена по национальному признаку. Она почти не имела промышленной базы, необходимой для экономического развития и, кроме того, не охватывала башкирское население, проживавшее чересполосно с русским и татарским населением. Известно, что в Белебеевском уезде Уфимской губернии башкиры вместе с татарами составляли 65,59% населения, в Бирском уезде — 58,5%, в Уфимском — 34,4%¹⁰⁴. Поэтому вопрос об образовании «Большой Башкирии», включающей в себя и Уфимскую губернию, был поставлен перед ЦК и Советским правительством в самом начале восстановительного периода. Так, в телеграмме, направленной в марте 1921 г. во ВЦИК, Башкирский Центральный Исполнительный Комитет подчеркивал: «Образование «Большой Башкирии» в корне изменяет все административные и экономические условия Башреспублики, которая получит свыше миллиона* башкир, в настоящее время оторванных от не, крупный культурно-административный центр — Уфу, большую железнодорожную и водную базу, довольно цельную в промышленно-экономическом отношении территорию (запад — сельскохозяйственный, восток — промышленно-лесной), позволяющий планомерно развивать организационную работу Башреспублики и скоро изжить экономическую разруху»¹⁰⁵. В мае того же года на объединенном за-

седании президиума БашЦИК и Башкирского обкома РКП(б) был заслушан доклад комиссии по регулированию границ республики. В принятом решении говорилось о необходимости осуществления конкретных мер по созданию «Большой Башкирии»¹⁰⁶. Этот вопрос в начале 1922 г. обсуждался на V Всебашкирской конференции РКП(б), которая отметила, что «дальнейшее сохранение территории БССР в таком виде признать совершенно недопустимым, не дающим возможности поставить сколько-нибудь сносно экономическую, культурную и партийную работу»¹⁰⁷. В итоге настойчивых ходатайств партийных и советских органов Башкирии была создана специальная комиссия при ВЦИК и Наркомнаце, которая и подготовила проект декрета от 14 июня 1922 г., принятый ВЦИКом. Так в результате присоединения к Малой Башкирии Уфимской губернии возникла «Большая Башкирия» — крупный экономический район с городами, очагами промышленности, железнодорожными и водными путями сообщения. Численность башкирского населения в республике увеличилась (в абсолютных цифрах) более чем вдвое и составила, по данным Всесоюзной переписи населения 1926 года, 87% всех башкир, проживавших в СССР¹⁰⁸. Это, несомненно, способствовало ускорению процесса консолидации башкирской народности в социалистическую нацию.

Исходя, по-видимому, из того, что башкиры составляли в населении «Большой Башкирии» около 25 процентов, т. е. значительно меньше половины, Зеньковский отрицает возможность сколько-нибудь заметного их влияния на решение государственных вопросов. Этот «метод» определения «степени влияния» коренного населения в зависимости от его удельного веса в населении республики вообще неприменим к советской автономии, т. к. она обеспечивает широкие возможности для участия трудящихся в государственном, хозяйственном и культурном строительстве. Это видно, в частности, из следующих цифр. В 1925 г., т. е. через три года после создания «Большой Башкирии», башкиры составляли среди членов БашЦИК 34,5%, членов кантонных исполкомов — 29,4%, волсполкомов — 47,8%, сельсоветов — 43% (в последних двух случаях — вместе с татарами). В Башкирии, которая состояла тогда из 8 кантонов, представители трудящихся коренного на-

* Так в тексте.

селения занимали должности председателей в 5 кантисполкомах, заведующих 5 кантземуправлений, 5 отделов народного образования и 4 отделов социального обеспечения, посты 3 кантонных прокуроров и 6 начальников кантмилиции. Кроме того, башкиры являлись председателями БашЦИКа и Башсовнаркома, они возглавляли (вместе с татарами) 7 наркоматов и других центральных ведомств из 13 и в пяти из них работали на постах заместителей¹⁰⁹.

Факты, таким образом, говорят о том, что именно после бегства буржуазных националистов началось превращение башкирской автономии в подлинно национальную. Этому способствовало также воссоединение всех башкир — как восточных, так и западных — в едином национальном государстве.

§ 3. ВОЗНИКНОВЕНИЕ ТАТАРСКОЙ АССР И АВТОНОМНЫХ ОБЛАСТЕЙ

Буржуазная историческая наука зиждется на метафизической теоретической и методологической основе. Поэтому она не в состоянии дать научное объяснение сложных событий и явлений, требующих диалектического подхода. Тем более, если на однозначный схоластический ответ буржуазных ученых ориентирует антикоммунистическая и антисоветская направленность их исследований. Так произошло в буржуазной историографии, например, с объяснением причин отмены декрета Наркомнаца от 22 марта 1918 г. о Татаро-Башкирской Советской Республике. Советологи не скрывают своего злорадства в связи с тем, что столь популярный, казалось бы, среди народов Среднего Поволжья и Урала в 1918 году лозунг, как лозунг создания ТБСР, был отменен в конце 1919 года высшими партийными инстанциями, несмотря на несогласие определенной части представителей восточных народов. Такая ситуация позволяет буржуазным историкам сочинить какую угодно антисоветскую концепцию, обильно начиненную клеветническими выпадами против ленинской национальной политики КПСС. Французский историк М. Родинсон видит причину изменения отношения ЦК РКП(б) и Советского правительства в том, что якобы для них «после поражения Колчака и чехов поддержка мусульман Волги и Урала... становилась менее необходимой»¹¹⁰.

Иными словами, Родинсон обвиняет ЦК партии и Советское правительство в нарушении своего обещания. Аналогичную, но еще более антикоммунистическую по своему характеру позицию занимает Т. Давлетшин. Он утверждает, что якобы после перехода башкирского войска и Башкирского правительства в 1919 г. на сторону красных образование ТБСР «не представляло для Ленина больше политического интереса». «Этим самым Ленин показал, — продолжает матерый антисоветчик, — какую цену имеют в его глазах законные желания народов и права, обещанные им большевиками, если они не служат политическим целям коммунистической партии»¹¹¹. Подобная точка зрения привлекательна и для остальных буржуазных историков. Так, А. Беннигсен и Ш. Келькеже, которые в монографии 1960 года писали о том, что ТБСР не была создана «не только из-за категорической оппозиции партии, но также из-за самой эволюции позиции мусульманских народов», т. е. башкир и татар, в работе 1967 года однозначно утверждают, что причина этого коренится якобы в «официальной оппозиции партии»¹¹².

В данном вопросе буржуазные историки игнорируют по крайней мере три фактора: существование отдельной башкирской автономии; колебания среди чувашского и марийского народов; поворот в сознании масс татарского народа.

Давлетшин пытается, ссылаясь на советские источники, «доказать», что осенью 1919 года башкиры якобы не возражали против вхождения в Татаро-Башкирскую Советскую Республику. Это — грубое искажение исторической действительности. Можно привести множество документов, характеризующих отношение башкирских масс к образованию отдельной от татар Советской Республики, и во всех этих документах содержится одобрение политики ЦК партии и Советского правительства за понимание ими национальных чаяний башкирского народа (см., например, документы №№ 212, 213, 217, 225 и др. сборника «В. И. Ленин и Башкирия») ¹¹³. Не спасает Давлетшина и ссылка на монографию проф. Р. М. Раимова, в которой приводятся факты о поддержке некоторой частью башкир лозунга создания ТБСР весной 1918 г. Р. М. Раимов отмечает, что эту поддержку башкирские представители оговаривали при-

знанием за ними определенных административно-политических прав внутри ТБСР¹¹⁴. Кроме того (и это главное), «основное русло башкирского национального движения проходило мимо проекта Татаро-Башкирской Республики»¹¹⁵.

Во-вторых, советологи умалчивают о столь важном обстоятельстве, как колебания среди чувашского и марийского народов по вопросу о вхождении в ТБСР. А они, несомненно, существовали. И если на майском (1918 г.) совещании при Наркомнаце чувашские и марийские товарищи высказывались за расширение границ ТБСР путем включения их народов, то состоявшееся в июне того же года в Казани объединенное заседание представителей малых народов Поволжья и Приуралья (в том числе чувашского и марийского) постановило «отказаться от участия в попытках создания республики по проектам, до сего времени выработанным на татаро-башкирских съездах и совещаниях при центральном правительстве»¹¹⁶. На эту сторону вопроса обращали внимание и историки Советской Чувашии, указывая, что «Центральный Комитет партии неоднократно поправлял позицию некоторых руководящих работников Казани, Симбирска и других, недооценивавших значения самоопределения бывших угнетенных наций»¹¹⁷.

В-третьих, буржуазная историография при освещении вопроса о причинах отмены декрета Наркомнаца о ТБСР совершенно не считает с поворотом в сознании татарского народа, наметившимся к осени 1919 г.: по примеру башкирского народа татарские трудящиеся стали склоняться к идее образования отдельной национальной автономии. Об этом свидетельствовали документы октябрьского (1919 г.) совещания ответственных работников-татар в Казани и состоявшейся вскоре после него первой губернской конференции татарских коммунистов¹¹⁸.

В целях обоснования концепции о мнимой «незаконности» отмены декрета Наркомнаца советологи указывают на то обстоятельство, что проект образования ТБСР получил большинство голосов на II съезде коммунистических организаций народов Востока, созванном в Москве в ноябре-декабре 1919 г. Так, Давлетшин утверждает, что против образования ТБСР на съезде выступали только люди, «не имевшие отношения к та-

таро-башкирам», т. е. русские, армяне, азербайджанцы и т. п.¹¹⁹ Фальсификатор истории умышленно умалчивает о том, что против проекта образования ТБСР высказались все представители коммунистов Башкирии. Не случайно первая Башкирская конференция РКП(б) (ноябрь 1919 г.) отмечала, что «насильственное образование этой республики (т. е. ТБСР.— Авт.) противоречило желаниям башкирской бедноты и не соответствовало воле и интересам татарского пролетариата и крестьянства»¹²⁰. В этих условиях численное превосходство на съезде сторонников создания ТБСР, в том числе единомышленников татарского националиста Султан-Галиева, исключало возможность правильного подхода к вопросу, так как вело к навязыванию башкирам не-угодного им решения. Поэтому именно в интересах справедливого, демократического решения вопроса Политбюро ЦК РКП(б) 13 декабря 1919 г. отменило декрет Наркомнаца от 22 марта 1918 г., одновременно предложив членам партии не вести в дальнейшем агитации в массах за Татаро-Башкирскую республику.

Решение Политбюро ЦК от 13 декабря 1919 г. открывало новый этап в борьбе партии за создание советской государственности татарского народа. Оно явилось необходимой предпосылкой для решения важнейших вопросов, связанных с образованием татарской автономии. В частности, именно после отмены декрета о ТБСР, 26 января 1920 г., Политбюро ЦК в принципе одобрило организацию Татарской Автономной Советской Социалистической Республики¹²¹.

Среди буржуазных историков имеют хождение различные концепции образования Татарской АССР. Одни из них, как, например, Пайпс, пытаются утверждать, что идея создания татарской советской автономии была якобы навязана татарским и русским коммунистам сверху ЦК РКП(б)¹²². Зеньковский рассматривает постановление Политбюро ЦК от 26 января 1920 г. как выражение признательности татарским коммунистам за их «плодотворную работу, выполненную... в других мусульманских областях»¹²³. Давлетшин видит в решении руководства партии уступку, вынужденную кулацким «восстанием вилочников» в Татарии в начале 1920 г.¹²⁴

Общим для всех этих утверждений является мысль, что образование татарской советской автономии не

являлось закономерным результатом национальной политики партии. Тем самым перечеркивается вся предыдущая деятельность партии, с первых месяцев Советской власти направленная на разрешение национального вопроса в Татарии, в том числе и путем создания советской государственности. В этом отношении особенно усердствует Давлетшин, усматривая, как он выражается, «хронологическую связь» между антисоветским мятежом в Татарии и декретом ВЦИК и СНК от 27 мая 1920 г. об образовании Татарской АССР. Антисоветчик делает выводы по шаблону, осужденному еще древними римлянами: «После этого — значит вследствие этого». Но даже с помощью такого порочного метода умозаключения Давлетшин не в состоянии свести концы с концами в своих рассуждениях, так как решение Политбюро ЦК с принципиальным согласием на создание ТАССР, было принято, как указывалось выше, в конце января 1920 г., т. е. еще до восстания «вилочников»*. Между тем уже в докладе о работе ВЦИК VII созыва, сделанном 2 февраля 1920 г., В. И. Ленин с полной определенностью заявил: «Мы дали автономию Башкирской республике. Мы должны создать автономную Татарскую республику и ту же политику продолжаем по отношению ко всем восточным народам...»¹²⁵.

Стремясь во что бы то ни стало опорочить ленинскую национальную политику партии, советологи в качестве «доказательства» вынужденного, а не искреннего согласия ЦК РКП(б) и Советского правительства на создание ТАССР указывают на тот факт, что автономная республика не включила в свой состав все районы страны с татарским населением. Концепцию о «произвольном установлении границ республики», в результате чего две трети всех татар оказалась вне ее, одним из первых изложил в своей книге известный пантюрист и панисламист, духовный глава татарской контрреволюционной эмиграции Г. Исхаки¹²⁶. Затем она перекочевала в работы буржуазных историков Г. фон Менде, А. Беннигсена и Ш. Келькеже и других¹²⁷. Более чем через сорок лет после своего зарождения эта антисо-

* Кулацкий мятеж в ряде уездов. Уфимской, Казанской и Самарской губерний вспыхнул в феврале — начале марта 1920 г. (См. А. Л. Литвин, В. Н. Панюков, Л. Н. Титов. Защищая революцию. Казань, 1980, с. 162—163).

ветская концепция все еще встречается на страницах книг буржуазных авторов¹²⁸. В этом факте, как в капле воды, отразился кризис современной буржуазной историографии: новых концепций у империалистической буржуазии нет, она вынуждена пользоваться старым концептуальным багажом.

Известна критика В. И. Ленина в адрес Р. Люксембург по вопросу о литовской автономии. Польская марксистка совершила ошибку, считая на основании анализа национального состава дореволюционных губерний России, что невозможно найти территорию, где преобладало бы литовское население. Из этого Р. Люксембург делала вывод о нереальности создания автономии Литвы. В. И. Ленин поправил ее, отметив, что при национально-территориальном размежевании желательно казенно-бюрократические административные деления России брать в их менее грубой форме (не губернии, а уезды) и притом только те, в которых литовцы составляют большинство¹²⁹. Ленинские указания учитывались в работе правительственной комиссии, созданной в мае 1920 г. для подробной разработки вопроса о границах Татарской АССР. В результате тщательного изучения вопроса с участием татарских товарищей в состав будущей республики были включены 7 уездов Казанской и 1 уезд Уфимской губерний. Кроме того, ей были переданы имеющие в своем составе большой процент татарского населения волости Бугульминского уезда Самарской губернии, Буинского и Симбирского уездов Симбирской губернии. Уже после образования ТАССР продолжалась работа компетентных органов по уточнению ее границ с Самарской, Вятской и Симбирской губерниями, а также Чувашской, Марийской и Удмуртской автономными областями¹³⁰. Это была поистине «ювелирная работа», так как нередко обсуждался вопрос о судьбе не только отдельных волостей, но и отдельных селений, нередко связанный с проведением опросов населения. Все это предопределило то обстоятельство, что, как верно подметил советский историк М. К. Мухарямов, «на границах ТАССР нет прямых линий, нанесенных торопливой и небрежной рукой»¹³¹.

Глубоко демократический подход ЦК РКП(б) и Советского правительства к разработке вопроса о грани-

цах Татарской республики проявился также в их отношении к судьбе населения Белебеевского и Бирского уездов Уфимской губернии, в которых проживало, как отмечалось выше, значительная часть татар. Этот вопрос был оставлен открытым до волеизъявления трудящегося населения этих уездов. Жизнь показала, что такой подход был единственно правильным. Снова подтвердилась гениальная ленинская мысль о том, что «национальный состав населения — один из важнейших экономических факторов, но не единственный и не важнейший среди других... Отрывать города от экономически тяготеющих к ним сел и округов из-за «национального» момента нелепо и невозможно»¹³². Исходя из аналогичных соображений, Уфимский губком РКП(б) 1 сентября 1920 г. принял решение с обоснованием нецелесообразности присоединения Бирского и Белебеевского уездов Уфимской губернии к ТАССР¹³³. Через некоторое время эти уезды вместе с Уфимским уездом вошли в состав БАССР. Шестидеять с лишним лет, прошедшие после принятия этого решения — убедительное доказательство его правильности. В составе Башкирской АССР татарское население наряду с башкирским, русским, чувашским и т. д. активно участвует в решении общих задач социально-экономического и культурного развития.

Давлетшин не согласен с таким решением вопроса. Он негодует по поводу того, что Белебеевский и Бирский уезды не вошли в состав Татарской АССР. И это не случайно: фактически он отстаивает султангалиевскую националистическую программу решения территориальных вопросов, согласно которой предполагалось «оставшуюся (вне Башреспублики.— Авт.) область объявить Татреспубликой, укрепить ее, а затем слить с Башкирией»¹³⁴, т. е., говоря по-другому, создать Татаро-Башкирскую Республику.

Буржуазной историографии чуждо понимание интернационалистских основ советских национальных республик. В представлении буржуазных историков цель национально-государственного размежевания должна заключаться в отделении и обособлении одних наций и народностей от других, в создании условий для их замкнутого национального существования. Они игнорируют цели советской национальной политики, состоящие в том, чтобы ликвидировать национальное неравенство и

обеспечить благоприятные условия для тесного сотрудничества наций и народностей, а не в том, чтобы, по выражению В. И. Ленина, «разгородить нации»¹³⁵. В этих же целях группам людей данной национальности, не вошедшим территориально в состав одноименной республики, обеспечивается реальная возможность приобщаться к родному языку и национальной культуре путем организации национальных школ, выписывания газет и журналов на родном языке, обслуживания бригадами артистов и т. д. В Советском Союзе созданы все условия для того, чтобы к национальным образованиям, говоря словами В. И. Ленина, «могли бы «тяготеть» и вступать с ними в сношения и свободные союзы всякого рода, члены данной национальности, рассеянные по разным концам страны или даже земного шара»¹³⁶.

Вопросы истории образования Башкирской и Татарской автономных республик порождают нездоровый интерес у буржуазных историков, по-видимому, потому, что они связаны с многочисленными коллизиями, борьбой мнений, пересмотром ранее принятых решений и т. д. Из подобных ситуаций легко сфабриковать ту или иную наукообразную концепцию, имеющую к тому же антисоветский характер. Что касается возникновения других национальных образований в регионе, то их история лишена эффектных зигзагообразных поворотов. Поэтому буржуазные историки почти не уделяют им внимания. Лишь мимоходом они бросают несколько фраз, из которых видна фальсификаторская сущность их концепций. Так, касаясь декретов высших органов Советской власти об образовании Чувашской (24 июня 1920 г.), Вотской (Удмуртской) и Марийской (4 ноября 1920 г.) автономных областей, Р. Пайпс пишет: «После того, как принцип этнического деления Волго-Уральского региона был установлен, образование других автономных государств в зоне происходило почти автоматически»¹³⁷. Тем самым американский историк стремится преуменьшить масштабы и принизить значение той поистине титанической работы, которую Коммунистическая партия и Советское правительство проделали в целях создания национальной государственности малых народов. Остановимся на основных вехах этой деятельности применительно к образованию Удмуртской автономной области.

Еще в конце февраля — начале марта 1918 г. в Казани состоялся областной чрезвычайный съезд народов Поволжья и Приуралья, на котором присутствовали также представители удмуртских трудящихся. Съезд по предложению коммунистов призвал ликвидировать перегородки, созданные между трудящимися различных наций царским самодержавием и буржуазными националистами. В начале лета того же года в г. Елабуге собрался I Всероссийский съезд удмуртов, который принял решение о добровольном вхождении удмуртского народа в состав РСФСР. Вскоре начал свою деятельность Удмуртский отдел Наркомнаца. Первым делом он создал удмуртские секции в составе ряда губисполкомов региона. 28 октября 1918 г. в целях оживления работы среди трудящихся коренного населения коллегия Наркомнаца приняла решение организовать в г. Сарапуле Удмуртский комиссариат. Была развернута работа по изданию литературы на удмуртском языке и подготовке кадров партийных и советских работников. Осенью 1919 г. в Сарапуле состоялся II Всероссийский рабоче-крестьянский съезд удмуртов, который обсуждал проблемы, связанные с дальнейшим решением национального вопроса. В июне 1920 г. была созвана Всероссийская конференция коммунистов-удмуртов, которая выразила пожелания использовать все имеющиеся силы и возможности для быстрее национального возрождения удмуртского народа. В августе того же года была завершена подготовка материалов для окончательного решения вопроса об образовании удмуртской автономии. Этот вопрос был перенесен в Наркомнац, а затем в Совнарком РСФСР. 19 октября 1920 г. Совнарком постановил передать проект декрета об образовании Удмуртской автономной области в межведомственную комиссию при Наркомнаце. 23 октября в Наркомнаце состоялось специальное совещание, на котором, в частности, обсуждался вопрос об образовании удмуртской автономии. 2 ноября 1920 г. состоялось заседание СНК РСФСР с участием представителей удмуртских трудящихся. В ходе обсуждения декрета об Удмуртской АО В. И. Ленин внес в него несколько принципиальных поправок. Наконец, 4 ноября 1920 г. ВЦИК принял соответствующий декрет¹³⁸. Таким образом, образованию удмуртской автономии пред-

шествовала длительная и кропотливая работа партии и Советского правительства. О каком-либо автоматическом принятии решения не могло быть и речи. Подобная подготовительная работа была проведена и перед созданием других автономных областей.

Поиски государственной формы разрешения национального вопроса в Мордовии затянулись на длительный срок. В связи с этим буржуазные историки утверждают о мнимом «неверии» ЦК партии и Советского правительства в возможность национального существования мордовского народа. Так, В. Коларз заявлял, что якобы «советские власти в течение значительного периода сомневались в возможности национального возрождения мордвы и более десяти лет колебались, прежде чем предоставить ей специальную автономную территорию»¹³⁹. Эта концепция грубо искажает сущность советской национальной политики, которая была направлена на национальное возрождение всех народов страны без исключения. В основе этой политики с первых дней установления Советской власти лежал принцип равноправия. Меры помощи экономическому и культурному возрождению мордовского народа ЦК партии и Советское правительство оказывали наряду с другими нациями и народностями. В результате уже в первые годы после социалистической революции, несмотря на тяжелые последствия войн, наметилась тенденция к улучшению материального уровня жизни мордовского народа, быстрыми шагами начала развиваться его национальная культура. Однако решение вопроса о создании мордовской автономии, поставленного общественностью в те же годы, оказалось далеко не простым. Основная причина этого заключалась в широкой распыленности, разбросанности мордвы по стране. На этнической территории оставалось около 40% всего мордовского населения, проживавшего чересполосно с русскими, татарами и др. Это обстоятельство затрудняло нахождение территорий с преобладанием мордвы. И когда по решению Оргбюро ЦК от 8 декабря 1924 г. была предпринята попытка выделения в автономию территории, на которой не менее 60—70% населения составляло бы мордовское население, то она оказалась безуспешной. В связи с этим административно-распределительный отдел ЦК РКП(б) 9 мая 1925 г. постановил

войти в Оргбюро с предложением образовать мордовскую автономию на территории, где коренное население будет составлять не менее 50%. 31 июля 1925 г. Оргбюро ЦК признало возможным согласиться на образование самостоятельной мордовской области с указанным процентом коренного населения. Но и этот вариант не был осуществлен, так как тенденция любой ценой добиваться численного преобладания мордвы на той или иной территории нередко приводила к игнорированию сложившихся хозяйственных связей. И хотя Президиум ВЦИК постановлением от 7 июля 1926 г. признал организацию мордовской автономии «в тех условиях временно нецелесообразной», многолетние поиски путей к ее образованию не пропали даром: было решено как первый этап в подготовке мордовской автономии предварительно создать национальные волости. Вскоре были образованы около 30 мордовских волостей.

Организация в 1928 г. в интересах развития народного хозяйства Средневолжской области способствовало ускорению решения мордовского вопроса. В том же году национальные волости области были объединены в Мордовский национальный округ, который в 1930 г. был преобразован в автономную область, а в 1934 г. — в АССР. Так, в результате многолетних настойчивых поисков ЦК партии и Советского правительства удалось решить задачу создания национальной государственности мордовского народа¹⁴⁰.

Вопреки утверждениям советологов, партия и правительство не ограничивались созданием советской государственности народов — они настойчиво и терпеливо работали над ее совершенствованием, над созданием жизнеспособных территориально-экономических комплексов. В этих целях, например, ЦК партии и Советское правительство осуществили передачу Чувашии в 1925 г. трех волостей Симбирской губернии с г. Алатырем, на территории которых имелись 14 промышленных предприятий¹⁴¹. В 1924—1925 гг. к Марийской автономной области были присоединены некоторые волости и селения Нижегородской и Вятской губерний, Чувашской АО и Татарской АССР, населенные преимущественно марийцами, что привело к увеличению территории и населения Марийской АО¹⁴². Выше уже говорилось об огром-

ном значении присоединения к Башкирской республике промышленной Уфимской губернии.

Наконец, чтобы завершить эту главу, необходимо остановиться на буржуазных и ревизионистских концепциях, обвиняющих ЦК партии и Советское правительство в проведении политики «Разделяй и властвуй» (С. Зеньковский, Дж. Уилер, А. Беннигсен и др.)¹⁴³. Клеветнический смысл подобного обвинения понятен каждому беспристрастному человеку при сопоставлении советской национальной политики с шовинистической политикой царизма и русской буржуазии. Известно, что до Великой Октябрьской социалистической революции нерусские народы региона были расчленены между несколькими административно-территориальными единицами: башкиры — между Уфимской, Самарской, Оренбургской, Пермской и Вятской губерниями, марийцы — между Нижегородской, Вятской и Казанской, мордва — между Пензенской, Симбирской, Тамбовской и Нижегородской, татары — между Казанской, Симбирской, Самарской, Вятской и Уфимской, чуваша — между Казанской и Симбирской губерниями. Лишь удмурты почти целиком оказались в составе одной Вятской губернии. Советская власть покончила с исторической несправедливостью, помогла народам Среднего Поволжья, Прикамья и Урала создать свою государственность, выйти на дорогу свободного развития. Фальсификаторы истории, несмотря на все старания, бессильны извратить или принизить роль ЦК партии и Советского правительства в осуществлении этого акта огромного исторического значения.

Глава V

ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ОБЛАСТНЫХ ПАРТИЙНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В КРИВОМ ЗЕРКАЛЕ БУРЖУАЗНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Во второй главе была раскрыта несостоятельность нападок буржуазной историографии на один из основных принципов построения и деятельности партии — принцип интернационализма. В данной главе крити-

ческому разбору подвергнутся концепции, относящиеся к истории возникновения и укрепления составных частей партии — ее организаций, функционирующих в автономных республиках и областях.

В основе утверждений буржуазных историков о деятельности Коммунистической партии в национальных районах лежит концепция о «чужеродном теле». Она рассматривает партию как организацию, в корне чуждую интересам трудящихся масс нерусских народов. Этот клеветнический тезис советологи подкрепляют следующими «аргументами»:

Во-первых, по своему социальному составу и назначению партия — это организация только рабочего класса, выражающая его интересы и руководящая его борьбой. По выражению Г. Менде, «большевизм — это проявление больших городов, который имел мало почвы среди преимущественно крестьянских народов России»¹.

Во-вторых, по национальному составу партия являлась «главным образом русской» или «русифицированной» (Р. Шпорлюк)².

В-третьих, идеология партии была чужда нерусским народам. Так, применительно к татарам С. Зеньковский писал, что «основание их идеологии... находилось в глубоком конфликте с идеями, возобладавшими с победой Октябрьской революции»³.

Эти «аргументы» буржуазных историков не являются оригинальными, они не раз встречались в эмигрантской историографии (см., например, Г. Исхаки. «Идель-Урал»; А. Баттал. «Казань тюрклері» и др. соч.). По своему характеру они соответствуют националистическому мышлению, которое исходит из предпочтительности национального интернациональному, этнического — классовому.

Коммунистическая партия возникла и развивалась как партия рабочего класса — самого организованного, последовательного и революционного класса в истории. Это обусловило ту огромную историческую роль, которую партия сыграла в судьбах народов нашей страны. Но Коммунистическая партия никогда не отгораживалась от борьбы непролетарских слоев населения. «На борьбу против буржуазно-помещичьего строя поднимались жестоко эксплуатируемые капиталом ра-

бочие, задавленные гнетом помещиков крестьяне, угнетенные народы национальных окраин». Поэтому «рабочий класс, являясь главной революционной силой общества, сплачивая вокруг себя всех эксплуатируемых, все шире разворачивал борьбу против самодержавия и буржуазии»⁴. Отдельные представители непролетарских слоев трудящихся, усваивая идеалы борьбы рабочего класса, входили в его политические организации, становились членами партии. Этот процесс, начавшийся еще до Октября, заметно усилился после социалистической революции, когда партия стала правящей. Он являлся результатом растущего влияния большевиков на трудящиеся массы прежде всего крестьянства, составлявшего вместе с рабочим классом большинство народа. Таким образом, именно пролетарско-классовый состав Коммунистической партии определял ее последовательно интернационалистский и глубоко народный характер. Он обеспечивал интересы укрепления союза и с трудящимися других стран, и с широкими многонациональными массами народа внутри своей страны.

Выше уже было сказано о том, что численное преобладание в партии русских товарищей не превращало ее в русскую по характеру организацию. Это верно как в масштабе всей партии, так и в масштабе отдельных областных партийных организаций. Одновременно нельзя не сказать о том, что ЦК РКП(б) постоянно нацеливал местные организации на укрепление своих рядов за счет приема в партию наиболее сознательных, наиболее подготовленных товарищей из числа представителей трудящихся коренного населения.

Буржуазные историки, отстаивая теорию «единого потока», предпочитают не замечать классово-противоречивого характера национальной идеологии (или сознания). Между тем накануне социалистической революции для районов Поволжья и Урала также была характерна значительная социальная неоднородность коренного населения, позволяющая говорить о разнородности интересов различных слоев и групп. Считать, что различные слои населения имели общее бесклассовое сознание — значит отрицать классовый характер национального сознания. Марксизм-ленинизм учит, что национальное сознание в большей или мень-

шей мере предопределяется классовым сознанием и потому всегда носит классовый характер⁵.

Отдельные буржуазные историки рассматривают в качестве синонима национального сознания религию. Так считал, например, Г. Менде⁶. Другие же интерпретируют религиозное сознание как форму, предшествовавшую национальному сознанию и присущую тюркским народам в канун Октября (А. Беннигсен)⁷. И первые, и вторые чрезмерно преувеличивают роль религиозных догматов в общественной жизни народов Среднего Поволжья и Урала.

Более чем полвека капиталистического развития, прошедшие после отмены крепостного права, способствовали серьезному подрыву корней феодального мировоззрения среди трудящихся. Деятельность просветителей и революционных демократов, а также большевиков пробили серьезную брешь в религиозном мировоззрении трудящихся. Революция 1905—1907 годов и первая мировая война еще более расширили эту брешь. Как отмечал советский философ К. Ф. Фасеев, к моменту Октябрьской революции «религиозная идеология уже перестала быть единственной духовной пищей народа, поэтому призывы к возврату назад, к законам Мухаммеда во имя сохранения «гармонической целостности нации» не могли найти широкого сочувствия. Революция основательно подорвала силу воздействия националистов и главарей мусульманской религии на массы»⁸. То же самое можно сказать о влиянии на массы и догматов христианской религии. Накануне Октября сознание масс все более революционизировалось. Поэтому тот глубокий конфликт между национальной идеологией и идеями Октября, о котором писал Зеньковский, относится лишь к представителям эксплуататорских классов, свергнутых в результате социалистической революции.

Применительно к партийным организациям отдельных республик Поволжья и Урала концепция «чужеродного тела» имеет некоторые вариации. Это видно, в частности, на примере Башкирской партийной организации. Учитывая, что до социалистической революции Башкирия была одним из районов интенсивного переселенческого движения, советологи рассматривают возникшую в АБСР партийную организацию как орудие

в руках русских и татарских переселенцев, как инструмент защиты их земельных интересов от башкирского населения. «Необычайно высокий процент крестьян в местной партийной организации — 55 процентов всех членов, — пишет Зеньковский, — отражал революционный дух новоселов и их возможность в партийной политике». Поэтому, считает американский историк, вышестоящие советские (и партийные) органы не могли не считаться с мнением русско-татарской (переселенческой) части организации, настроенной антибашкирски⁹.

Аналогична точка зрения Р. Пайпса, который, отмечая «недоверчивое» отношение башкир к Коммунистической партии, видит причину этого в том, что якобы в 1919—1920 годах русские коммунисты возглавили «кулацкий напор на башкирскую землю» со стороны русского крестьянства¹⁰.

ЦК партии и ее представители в Башкирии постоянно считались с наличием пережитков национальной вражды и недоверия к другим народам среди значительной части башкирских трудящихся. Эти пережитки объяснялись незавершенностью среди башкир процесса социальной дифференциации, недостаточно развитым классовым сознанием у части трудящихся, еще сохранившимся влиянием на них националистических элементов и т. п. В. И. Ленин на VIII съезде РКП(б) предостерегал коммунистов против торопливости в решении национального вопроса, отметив, «Башкиры имеют недоверие к великороссам, потому что великороссы более культурны и использовали свою культурность, чтобы башкир грабить. Поэтому в этих глухих местах имя великоросса для башкир значит «угнетатель», «мошенник». Надо с этим считаться, надо с этим бороться. Но ведь это — длительная вещь. Ведь этого никаким декретом не устранишь. В этом деле мы должны быть очень осторожны»¹¹. Выполняя ленинское указание, партийные и советские органы в Башкирии проделали большую работу по ликвидации пережитков национальной вражды, по интернационалистскому воспитанию масс. В частности, в 1923 г. был принят Земельный кодекс БАССР, который гарантировал неприкосновенность землевладений трудящихся-башкир и в то же время учитывал интересы трудовых переселенцев¹².

Тем самым была создана одна из важных в условиях Башкирии предпосылок для устранения национального недоверия.

Утверждение же о том, что будто бы ЦК РКП(б) и Советское правительство защищали антибашкирские тенденции переселенцев, что якобы Башкирская партийная организация была орудием борьбы русских и татарских переселенцев против башкирского крестьянства, являются выдумкой от начала до конца. Клеветнический тезис о том, что русские коммунисты якобы возглавили «кулацкий напор на башкирскую землю», выдвинутый в конце 20-х годов, был тогда же подвергнут резкой критике в советской печати. Один из видных работников Наркомнаца С. М. Диманштейн, посетивший Башкирию в конце гражданской войны, критиковал автора политически ошибочного тезиса за его огульное, без цифровых данных, утверждение. «Он их (т. е. цифровые данные.— Авт.) не сумеет привести, так как таковых нет в природе»,— писал Диманштейн¹³. Предвзятость и научная недобросовестность Пайпса видны уже из того, что он приводит в своей книге необоснованное утверждение, совершенно умалчивая о той критике, которой оно сразу же подверглось.

Верный своей клеветнической схеме, Пайпс создает совершенно искаженную картину подготовки и проведения 1 Всебашкирской партийной конференции, которая проходила в Стерлитамаке 8—11 ноября 1919 г. Он пытается изобразить ее как преимущественно «русскую» конференцию, созданную башкирскими лидерами под нажимом «представителей Москвы»¹⁴, т. е. Центрального Комитета и ВЦИК. На самом же деле никакого нажима на башкир в целях созыва конференции оказано не было. Даже один из лидеров буржуазных националистов Х. Юмагулов отмечал, что вопрос о созыве областной конференции был решен «совещанием активных партийных работников» Башкирии¹⁵.

Работа 1 Всебашкирской конференции проходила в духе подлинного демократизма, при обеспечении полной свободы обсуждения всех вопросов повестки дня. С докладами с мест выступили четыре представителя коренных национальностей и столько же русских товарищей. Речи произносились как на русском, так и на башкирском языках. Все решения принимались по боль-

шинству голосов. Башкиры и татары вошли во все выборные органы конференции: в президиуме они имели 3 места из 5 (в том числе председателя), в мандатной комиссии — 2 из 3. Секретариат конференции по национальному составу целиком был башкиро-татарским¹⁶. В этих условиях невозможно говорить о каком-то «засилье» русских товарищей.

Дело, конечно, не только в этом. Главное состоит в том, что Коммунистическая партия с самого рождения была партией интернационалистов, защищавшей интересы трудящихся независимо от их национальности. Ей всегда органически чужды идеология и практика национализма.

Тем не менее Пайпс клеветнически утверждает, что будто бы при выборах областного комитета партии русские коммунисты «захватили все ключевые позиции»¹⁷. Что это за ключевые позиции, Пайпс предпочитает не объяснять, так как все члены обкома имели совершенно одинаковые права. Среди них 6 товарищей являлись башкирами и татарами и только один — русским¹⁸. Недовольство Пайпса итогами выборов Башкирского обкома РКП(б) объясняется тем, что большинство его членов занимали в основном принципиальные партийные позиции. Башкирским националистам в то время не удалось захватить в свои руки партийный центр Башкирии.

Отрицательную оценку 1 Всебашкирской партийной конференции дают и другие буржуазные историки. Зеньковский, например, отмечает, что она «нанесла тяжелый удар по валидовской «национальной коммунистической фракции...»¹⁹. Здесь американский историк имеет в виду попытки буржуазных националистов создать «коммунистическую» партию по национальному признаку. Всебашкирская конференция положила в основу областной организации интернациональный признак. Она признала «недопустимым какое бы то ни было деление организаций на отдельные национальные секции в местах, где существует смешанное население». Конференция отметила, что организация будет руководствоваться общепартийным уставом²⁰.

С позиций националистической методологии советологи оценивают все шаги, предпринимавшиеся в области партийного строительства в Поволжье и на Урале. Отри-

цательно отзываясь о победе ленинских принципов построения партии, они в то же время сочувственно пишут о попытках внедрить в партийное строительство противоположные принципы. Так, в главе двенадцатой монографии тот же Зеньковский уделяет довольно большое внимание вопросу о создании так называемой «мусульманской коммунистической партии», построенной по национальному принципу и независимой от РКП(б). Одобрительно отзывавшись об итогах совещания татарских коммунистов в Казани летом 1918 г., решивших создать национальную компартию, и сделав вывод, что «большинство татар благосклонно относилось к созданию отдельной мусульманской коммунистической партии», американский историк в ходе дальнейшего изложения подводит читателей к мысли о недемократичном подходе к решению данной проблемы русских большевиков, которые-де «не имели желания терпеть — даже только формально — остальные независимые политические организации в стране». Переломным моментом в изменении линии большевиков по отношению к другим политическим организациям Зеньковский считает разрыв с левыми эсерами и подавление летом 1918 г. их мятежа²¹.

Советский читатель, конечно, понимает, что между левоэсеровским мятежом и отношением ЦК РКП(б) к идее создания мусульманской коммунистической партии нет никакой связи. Планы создания МКП шли вразрез с выработанными К. Марксом и В. И. Лениным принципами политической организации пролетариата, они отвергались всем предыдущим опытом существования нашей партии. К. Маркс подчеркивал, что «освобождение рабочего класса требует братского единения и сотрудничества рабочих» разных наций²². Еще конкретнее высказывался В. И. Ленин, указывая, что, марксисты России «должны опираться на весь пролетариат, без различия языка и национальности...», а не создавать отдельно идущих, каждая своим путем, организаций, не ослаблять силы своего натиска дроблением на многочисленные самостоятельные политические партии, не вносить отчужденность и обособленность, с тем, чтобы потом лечить искусственно привитую себе болезнь пластырями пресловутой «федерации»²³.

Именно на путь федеративного принципа взаимоотношений, на путь национализма толкали рабочих тюркских народов сторонники проекта создания МКП. Интернационалистски закаленная часть татарских и других рабочих понимала ошибочность подобных проектов и высказывалась отрицательно. Против национал-уклонистов выступали также делегаты I Всероссийского съезда коммунистических организаций народов Востока, состоявшегося в ноябре 1918 г. в Москве: они осудили линию казанского совещания на создание в противовес РКП(б) так называемой мусульманской коммунистической партии и предложили рассматривать комитеты и ячейки коммунистов-мусульман как секции, главной задачей которых являлась пропаганда среди трудящихся национальных районов²⁴. Практика показала, что преобразование комитетов и ячеек в национальные секции с определенным, строго ограниченным кругом задач, выполнявшихся под руководством парткомов, ликвидировало опасность раздробления коммунистического движения на многочисленные самостоятельные политические партии. Перефразируя слова В. И. Ленина, можно сказать: наши идейные противники ставят решения I Всероссийского съезда КОНВ в вину ЦК РКП(б), в то время как их надо ставить ему в заслугу. Благодаря ЦК сепаратистские тенденции в ряде восточных коммунистических организаций получили должный отпор.

Некоторые буржуазные историки не скрывают, что создание коммунистических организаций по национальному признаку должно было привести к изменению их социального состава. Так, например, Г. Менде не без основания считал, что создававшаяся по инициативе национал-уклонистов МКП «была бы партией всей нации»²⁵, т. е. рабочих, крестьян, буржуазии и т. д.

Под идею о необходимости изменения социальной базы коммунистического движения в восточных республиках страны, в частности, в Татарии, А. Беннигсен и Ш. Лемерсье-Кельеже пытаются подвести теоретическую базу. Они делят историю этого движения на два этапа: первый — до Февральской революции 1917 года, второй — после него. Согласно фальсификаторской схеме французских историков, на первом этапе коммунизм среди татар рос на основе рабочего движе-

ния и якобы не имел среди них глубоких корней. На втором этапе «татарский коммунизм» развивался на «собственной», национальной основе, поэтому он представлял продолжение традиций буржуазно-реформистского джадидского движения. Поэтому, по утверждению Беннигсена и Келькеже, между дореволюционным и послереволюционным этапами коммунистического движения среди татар отсутствовала какая-либо преемственность²⁶. Тенденция к всемерному подчеркиванию «естественности» и «закономерности» появления «национал-коммунизма», в частности, его султангалиевской разновидности — вот что лежит в основе концепции Беннигсена и Келькеже.

Из этой националистической точки зрения вытекает логический вывод, что областные партийные организации, создававшиеся в национальных республиках и областях по интернациональному принципу (в 1919 г. — башкирская, в 1920 г. — татарская и чувашская, в 1921 г. — марийская и удмуртская, в 1928 г. — мордовская), якобы не пользовались авторитетом среди трудящихся коренного населения. Рост численности коммунистов в местных партийных организациях советологи объясняют чем угодно, но только не повышением коммунистической сознательности трудящихся. Так, Пайпс пишет, что для вовлечения башкир в партию коммунисты воспользовались тяжелым продовольственным положением населения Башкирии в 1919—1920 гг. В результате, отмечает американский историк, «в течение пяти месяцев (прошедших, по-видимому, после I Всебашкирской партконференции, на которой были представлены 840 коммунистов и 1.178 сочувствующих²⁷. — Авт.) число членов партии в Башкирии увеличилось в пять раз»²⁸.

После освобождения Волго-Уральского региона от белогвардейцев в ряде мест в целях оказания помощи трудовому крестьянству были созданы комитеты пострадавшей бедноты (компостбеды). Они сыграли важную роль в объединении трудящихся-крестьян и привлечении их к общественной деятельности. Но отсюда совершенно нелепо заключать, как это делает Пайпс, что будто бы органы Советской власти предлагали материальную помощь пострадавшим труженикам-крестьянам вместе с членским билетом Коммунистической

партии. Читая эти рассуждения Пайпса, приходится только поражаться, как кандидатами и членами партии не оказались все 150 тысяч башкир, которые получали материальную помощь от советских организаций.

Выше говорилось о многочисленных трудностях, стоявших на пути борьбы коммунистов за преодоление мелкобуржуазного влияния на трудящиеся массы республики. Эти трудности существовали не только в Башкирии. Требовалось время для дифференциации трудящихся от буржуазии, повышения их классового сознания и приобщения к коммунистической идеологии. Партийные организации изыскивали возможности для развертывания работы по политическому просвещению масс. В этих целях использовались доклады, беседы, различные краткосрочные курсы, читки газет и т. д. Например, Марийский обком РКП(б) сразу же после своего создания организовал работу по политическому просвещению трудящихся путем издания областных газет, выпуска воззваний и листовок, рассылки различных брошюр и т. д.²⁹. В Башкирской организации эта работа проводилась в аналогичных формах, причем значительное внимание уделялось публикации различных воззваний и тезисов (см., например, манифест о созыве I Всебашкирского съезда Советов и тезисы Башобкома РКП(б) по национальному вопросу к IV областной партконференции), в которых разъяснялись сущность происходящих событий и политика Коммунистической партии и Советской власти³⁰. Однако тяжелые последствия гражданской войны (разруха, голод, контрреволюционные мятежи и т. п.), острая нехватка подготовленных кадров в советском аппарате в центре и на местах отрывали немногочисленных партийных работников на проведение различных хозяйственно-политических кампаний. В отчете Марийского обкома РКП(б), относящемся к 1921 году, констатировалось, что «все т.т. (товарищи. — Авт.), которых так или иначе было возможно отвлечь от прямых служебных обязанностей, были брошены в порядке мобилизации на получение и переброску семматериала», «почему и парторганизация должна была почти замереть»³¹. В письме Башкирского обкома РКП(б) канткам и парторганизациям от 8 февраля 1921 г. указывалось на тяжелые условия работы в республике и отмечалось, что «партийная работа не стоит

на должной высоте»³². Поэтому систематическая работа по политическому просвещению масс в Среднем Поволжье и на Урале началась позднее, чем в центральных районах страны, уже после преодоления тяжелого голода 1921—1922 годов, захватившего весь регион.

Партийные организации региона проделали в этом направлении большую работу. Она велась прежде всего через библиотеки, клубы, избы-читальни, красные уголки. В целях политического просвещения использовались школы по ликвидации общей и политической неграмотности, комсомол, беспартийные крестьянские конференции, делегатские собрания женщин и т. д. Постепенно беспартийный актив втягивался в систему партийного просвещения. Например, в 1923/1924 г. партийной учебой в Башкирии занимались 440 беспартийных. В 1930/1931 году учебой было охвачено уже около 22,5 тыс. комсомольцев и беспартийных³³. Подобная картина была характерна и для других партийных организаций Волго-Уральского района. В Татарии в 1932—1933 гг. система политического просвещения охватывала более 60 тысяч человек, в том числе значительное число беспартийных³⁴. В Удмуртии в 1933/34 году политической учебой занимались 2524 комсомольца и 7177 беспартийных³⁵. Областной комитет ВКП(б) констатировал, что «в значительной степени вовлечены в партию учебу удмурты — рабочие и колхозники»³⁶.

Сама жизнь, действительность строящегося социалистического общества убеждали трудящихся в правильности политики Коммунистической партии. По мере повышения их политической сознательности росла численность товарищей, желающих связать свою судьбу с партией. В первую очередь в партию принимались выходцы из рабочего класса. «Но поскольку в национальных районах Востока фабрично-заводских предприятий было очень мало, рост партийных организаций в основном происходил за счет пролетарских элементов деревни, аула, кишлака, села»³⁷. Учитывая особые условия и специфические трудности работы партии в национальных республиках и областях и прежде всего в более отдаленных восточных республиках и областях, XIII съезд РКП(б) признал необходимым установить некоторые облегчения для приема в партию крестьян,

батраков и кустарей³⁸. В Волго-Уральском регионе эта установка съезда относилась к местному населению Башкирской АССР³⁹. Она носила временный характер и была рассчитана на период, необходимый для формирования национального рабочего класса.

Численность трудящихся коренного населения автономных республик и областей, вступавших в партию, неуклонно росла. В Башкирской партийной организации число товарищей из коренного населения увеличилось с 10% в 1922 г. до 21,6% в 1931 году⁴⁰. В Удмуртской организации процент удмуртов — членов и кандидатов партии в 1922 г. составлял лишь 14%, в 1933 г. — уже 33,3%⁴¹. Значительных успехов в вовлечении в партию трудящихся коренного населения добилась также Чувашская партийная организация: их удельный вес в областной организации возрос с 57,7% в 1926 году до 61,4% в 1937 году⁴². В итоге состав местных партийных организаций становился более многонациональным. Одновременно в результате идейно-политического роста коммунистов усилился интернациональный характер местных партийных организаций, они становились ближе к трудящимся коренного населения, возрастала их руководящая роль. Теперь ни национальный состав местных партийных организаций, ни их характер не давали повода для утверждений, что будто бы они являются «русскими».

Точно так же жизнь развеяла в прах миф о том, что якобы большевизм не имел социальной почвы среди нерусских народов Поволжья и Урала. В процессе социалистического строительства рабочий класс сформировался у всех народов региона. Рост рядов партийных организаций происходил в первую очередь за счет рабочих коренной национальности. В результате с 1927 по 1932 год удельный вес коммунистов-рабочих возрос в Марийской парторганизации на 26,1%, в Чувашской — на 19,3%, в Башкирской — на 10,2%⁴³ и т. д.

Тем не менее буржуазные историки не желают уступать своих антикоммунистических позиций. Исходя из концепции «чужеродного тела», они и в данном случае стремятся отыскать «аргументы», которые должны подчеркнуть якобы неравноправное подчиненное положение коммунистов нерусских национальностей в

партийных организациях. Так, применительно к Татарской партийной организации Б. Шпулер утверждал, что будто бы «лишь самые нижние посты в партийном аппарате автономной республики были заняты лицами соответствующей национальности»⁴⁴.

Этим утверждением антисоветчик фактически отрицает ту работу по подготовке национальных кадров, которую развернули во исполнение указаний X и XII съездов РКП(б) партийные организации национальных республик и областей страны. Многие коммунисты коренных национальностей были посланы на учебу в Коммунистический университет им. Я. М. Свердлова, Коммунистический университет трудящихся Востока, Татарский коммунистический университет, советско-партийные школы. Естественно, что эта работа по подготовке национальных партийных кадров не могла сразу же дать значительных результатов. Так, в отчетном докладе Марийского обкома 8-й областной партийной конференции (1925 г.) отмечалось, что из 9 секретарей канткомов РКП(б) лишь один является марийцем. «Национализация аппаратов... недостаточна,— указывалось в докладе,— но и здесь нужно сказать, что не злая воля руководила работниками, а нет работников из мари. Мы их только куем и очень успешно за эти годы...»⁴⁵. В отчете Башкирского обкома в ЦК РКП(б) (1925 г.) констатировалось, что из 8 канткомов партии секретарем в одном из них является башкирин и в одном — татарин. Среди заведующих агитпропами канткомов насчитывался 1 башкирин и 5 татар⁴⁶. Более результативно проходила работа по выдвижению на руководящие партийные посты коммунистов коренных национальностей в Удмуртии и Татарии. К началу 1925 года среди членов уездных комитетов Удмуртской автономной области товарищи из коренной национальности составляли от 36 до 57%, членов обкома — более 30%. Половина секретарей укомов партии являлась удмуртами⁴⁷. В Татарской партийной организации к 1 октября 1926 года среди секретарей партячеек татар было 33,9%, среди ответственных секретарей канткомов — 42,1% и в составе канткомов и райкомов Казани — 47,8%. «Таким образом, решения XII съезда РКП(б) по национальному вопросу... партийная организация Татарии выполняла успешно»⁴⁸.

По мере накопления опыта и усиления политической закалки национальных кадров они выдвигались на должности секретарей обкомов и председателей областных контрольных комиссий. Партия наряду с русскими товарищами доверяла им выполнение сложных и ответственных поручений. Поэтому никакой дискриминации коммунистов нерусских национальностей, о чем пишет Шпулер, в партии не было и не могло быть. Под руководством Центрального Комитета в партии обеспечивалась совместная дружная работа коммунистов всех национальностей.

Тезис о мнимом «подчиненном положении» коммунистов нерусских национальностей в партии используется буржуазными историками и в плане трактовки деятельности краевых партийных организаций. Известно, что с конца 20-х до середины 30-х годов существовали Нижегородская краевая организация ВКП(б), в которую вошли также Чувашская, Марийская и Удмуртская областные организации, и Средневолжская краевая организация, которая включала в свой состав Мордовскую окружную (позднее областную) организацию. Так, В. Коларз изображает Нижегородскую (Горьковскую) краевую организацию как силу, которая заставляла трудовое чувашское крестьянство вопреки его желанию согласиться на проведение коллективизации⁴⁹.

Краевые партийные организации представляли собой важное звено в системе партийных органов, вызванное к жизни грандиозными задачами социалистического строительства. «Многие вопросы развития промышленности не могли быть решены в границах губернии. Жизнь подсказывала необходимость нового районирования путем объединения губерний в более мощные административно-территориальные и хозяйственные единицы»⁵⁰. «Новое административное деление (СССР.— Авт.) строилось по принципу экономического районирования в соответствии с курсом партии на социалистическую индустриализацию страны и коллективизацию сельского хозяйства. Оно приближало партийно-советское и хозяйственное руководство к массам трудящихся, повышало их роль в хозяйственном и культурном строительстве». Это обстоятельство было особенно важно для автономных областей Поволжья и Урала, которые имели слабо развитую промышленность, от-

сталое сельское хозяйство. Созданием краев и достигалась цель соединения в единые хозяйственные комплексы старых промышленных центров с неразвитой в промышленном отношении периферией⁵¹. Оно создавало возможности для более быстрого и всестороннего развития экономики автономных областей, что было вскоре оценено их партийными организациями. Так, XIII Марийская областная конференция (1930 г.) с удовлетворением отметила, что «результаты годовой работы МАО (Марийской автономной области.— Авт.) в составе Нижегородского края целиком подтвердили правильность и целесообразность вхождения МАО в Нижегородский край»⁵². Поэтому утверждения советов о том, что якобы создание краевых партийных организаций преследовало цели навязывания нерусским народам региона неугодных им решений, является очередным пропагандистским мифом, не имеющим ничего общего с исторической действительностью.

Предметом нездорового внимания буржуазных историков, занимающихся национальными отношениями в СССР, является история борьбы Коммунистической партии с национальными уклонами в своих рядах. При освещении данной проблемы, требующей глубоко научного диалектического подхода, проявляется догматизм буржуазной методологии истории, ее неспособность дать объективную трактовку сложных вопросов, приверженность к схемам, заимствованным из эмигрантской историографии, зависимость от империалистической пропаганды. Изложение исторического материала подчиняется одной-единственной цели — обосновать «шовинистическую» сущность борьбы КПСС против национальных уклонов.

Прежде всего, это проявляется в вопросе о причинах возникновения национальных уклонов в партии. Некоторые буржуазные историки, например, Сетон-Уотсон, Беннигсен и Келькеже указывают на социальную базу, порождавшую национальные уклоны. Сетон-Уотсон отмечает, что татарские национал-уклонисты отражали настроение крестьянства и мелких предпринимателей⁵³, т. е. говоря по-другому, мелкой буржуазии. Беннигсен и Келькеже указывают на многочисленность выходцев из буржуазной интеллигенции в местных организациях Коммунистической партии⁵⁴. Но конста-

тируя, таким образом, наличие социальной базы для возникновения национализма, буржуазные историки в то же время делают акцент на другом вопросе — вопросе о том, насколько Коммунистическая партия отражала национальные чаяния нерусских народов. В целом буржуазная историография отвечает на этот кардинальный вопрос отрицательно. В изображении буржуазных историков партия постоянно заботилась лишь о своих классовых интересах. Иными словами, борьба партии за достижение классовых целей носила стратегический характер, а за достижение национальных — лишь тактический характер. Как утверждает Пайпс, партия в целях завоевания тюркских народов на свою сторону в первые годы Советской власти даже поддерживала татарских национал-уклонистов, хотя в основе их взглядов и деятельности лежали «тонко замаскированные панисламистские тенденции»⁵⁵. Беннигсен и Келькеже прямо обвиняют руководство Коммунистической партии в том, что оно якобы «широко открыло двери... для всех мусульман», принявших на себя «формальное обязательство поддерживать программу РКП(б)». В результате, пишут французские историки, надежды партии на то, что ей удастся перевоспитать этих попутчиков, не оправдались⁵⁶.

Здесь буржуазные историки умышленно смешивают два различных вопроса — вопрос о союзе российского пролетариата с национально-освободительным движением народа Востока и вопрос о членстве представителей их трудящихся в Коммунистической партии. Как известно, в программе партии 1919 года получила свое закрепление «политика сближения пролетариев и полупролетариев разных национальностей для совместной революционной борьбы за свержение помещиков и буржуазии»⁵⁷. Об актуальности и исторической обусловленности подобной политики В. И. Ленин писал и в «Первоначальном наброске тезисов по национальному и колониальному вопросам» (1920 г.), подчеркивая, что «только такое сближение гарантирует победу над капитализмом, без которой невозможно уничтожение национального гнета и неравноправия»⁵⁸.

В то же время партия отмечала, что такое сближение ни в коем случае не означает слияния пролетарского движения с буржуазно-демократическим. В. И. Ле-

нин указывал как на «необходимость борьбы с пан-исламизмом и подобными течениями...», т. е. открытиями противниками марксизма, так и на «необходимость решительной борьбы с перекрашиванием буржуазно-демократических освободительных течений... в цвет коммунизма», т. е. его скрытым противником. Вождь партии требовал, «чтобы элементы будущих пролетарских партий, коммунистических не только по названию, ...были группируемы и воспитываемы в сознании своих особых задач, задач борьбы с буржуазно-демократическими движениями внутри их нации...»⁵⁹. Это принципиальное ленинское указание относилось не только к международному коммунистическому движению в целом, но и к нашей партии.

Партия бережно и заботливо выращивала коммунистические кадры из среды, в частности, восточных народов страны. Благодаря ее национальной политике уже к середине 30-х годов во всех автономных республиках Поволжья и Урала было подготовлено значительное число руководящих работников. Одновременно партия, в соответствии с ленинскими указаниями, предъявляла высокие требования к коммунистической выдержанности своих членов. Именно в этом плане необходимо рассматривать борьбу партии против национальных уклонов в ее рядах.

Часть буржуазных историков, продолжая оставаться на позициях периода «холодной войны», защищает клеветнический тезис о том, что будто бы причиной возникновения национальных уклонов явилась шовинистическая политика «русской» коммунистической партии в отношении нерусских народов СССР. Подобную точку зрения высказывает, например, Р. Смол-Стоцкий. Чтобы придать видимость правдоподобия своему утверждению, он ссылается, в частности, на борьбу партии против султангалиевщины⁶⁰.

Вопрос о борьбе партии против Султан-Галиева и его сторонников не является новым в буржуазной историографии. Он ставится начиная с 30-х годов. Можно сказать, что этот вопрос приобрел характер хрестоматийного примера, на который буржуазные историки ссылаются всякий раз, когда им нужно продемонстрировать методы борьбы большевиков против своих политических противников в национальных республиках.

Это относится и к тем советологам, которые не являются «специалистами» по истории национального вопроса в СССР⁶¹.

Буржуазная историография всячески пытается реабилитировать идейные, политические и организационные основы султангалиевщины. Она стремится «доказать», в первую очередь, совместимость идеологии Коммунистической партии со взглядами Султан-Галиева, рассматривая их как применение марксистско-ленинского учения к колониальному Востоку. В результате подобной фальсификации Султан-Галиев предстает как марксист, ставивший своей целью, по словам А. Беннигсена и Ш. Келькеже, «ориентировать «Октябрьскую революцию на Азию»⁶². Точно так же Р. Пайпс пытается внушить своим читателям мысль, что будто бы «идеология Султан-Галиева не противоречила большевистской стратегии 1919—1920 годов...»⁶³. Но достаточно сопоставить султангалиевские концепции с ленинскими положениями по принципиальным вопросам национально-освободительной борьбы, как сразу же становится ясной несовместимость идейных и политических позиций Султан-Галиева с идеологией и политикой партии.

Во-первых, В. И. Ленин, рассматривая Октябрьскую революцию в России как первый акт начавшейся мировой социалистической революции, указывал, что она не сможет победить, ударив лишь по «фронту» империализма, т. е. по метрополиям, она должна ударить еще и по его «тылам», т. е. по колониям. В то же время В. И. Ленин ни на минуту не забывал о том, что в конечном счете судьба мирового империализма будет решаться не в колониях, а в метрополиях, т. е. там, где находятся его основные позиции⁶⁴. Султангалиевская же концепция исходила из того, что окончательный удар по мировому империализму нанесет якобы национально-освободительное движение народов Востока. «Лишенный Востока и оторванный от Индии, Афганистана, Персии и других своих азиатских и африканских колоний,— заявил Султан-Галиев,— западноевропейский империализм должен будет зачахнуть и умереть естественной смертью»⁶⁵. Эти взгляды Султан-Галиева полностью созвучны с маоистскими концепциями, основанными на утверждении, что якобы центр революционных бурь переместился на Восток, что отныне «ветер с Востока дует над ветром с Запада» и т. п.

Во-вторых, ленинская концепция мирового революционного процесса основывается, как известно, на необходимости признания прочного союза международного пролетариата с угнетенными народами Востока, крестьянскими по своему основному составу, как важнейшем условии успешности их борьбы против империализма. Султан-Галиев же противопоставлял национально-освободительное движение борьбе международного рабочего класса. Он выдвинул тезис о том, что поскольку почти все классы колониального общества угнетены капитализмом, то все они якобы «имеют право называться пролетариями». Подменив, таким образом, марксистское понимание термина «пролетариат» мелкобуржуазным, Султан-Галиев тем самым открыл дорогу выводу о ненужности союза пролетариата метрополий с национально-освободительным движением.

В-третьих, В. И. Ленин рассматривал пролетариат как главную, ведущую силу антиимпериалистического лагеря, руководящую всеми остальными потоками революционного движения. Султан-Галиев же подменял пролетарский (классовый) принцип руководства национально-освободительным движением национальным. Он считал целесообразным передачу руководства национально-освободительным движением более развитым в экономическом, политическом и культурном отношении восточным народам (в частности, татарам). В результате утрачивалась четкая классовая перспектива развития национально-демократических движений.

Таким образом, султангалиевские концепции носили мелкобуржуазный, антиленинский характер. Трактовка вопросов социально-экономического и политического развития восточных народов с точки зрения султангалиевской идеологии означала не применение марксизма-ленинизма к колониальной Азии, как утверждают буржуазные историки, а его правооппортунистическую ревизию.

Антиленинские взгляды Султан-Галиева питали его националистическую политическую линию. Прикрываясь социалистической фразеологией, султангалиевцы стремились оторвать нерусские народы страны от русского пролетариата. В этих целях они широко использовали лозунг создания объединенной государ-

ственности народов Поволжья и Урала и первоначально реализацию своих планов связывали с созданием Татаро-Башкирской Советской Республики. Однако создание ТБСР не было конечной целью национал-уклонистов — они рассматривали ее лишь как промежуточную ступень на пути к образованию буржуазно-демократической Туранской республики⁶⁶. Поэтому не случайно курс партии на создание многонационального Советского государства — Союза Советских Социалистических Республик — вызвал резкое противодействие султангалиевцев, расценивших его как стремление «пан-русистов» восстановить «фактически единую и неделимую Россию».

Национализм султангалиевской группы отчетливо проявился и в организационных вопросах. Султангалиевцы и их единомышленники добивались создания в восточных республиках особой «Мусульманской Коммунистической партии», независимой от РКП(б). В международном коммунистическом движении они носились с идеей объединения коммунистических организаций Востока в «Колониальный Интернационал», обособленный от Коминтерна и противопоставленный ему. Подобный сепаратизм неизбежно вел к отрыву нарождавшегося коммунистического движения на Востоке от международного коммунистического движения и играл на руку лишь буржуазии.

Советологи и отщепенцы пытаются оправдать деятельность Султан-Галиева, трактуя ее как якобы естественную реакцию на великодержавный шовинизм. Но эти попытки не оригинальны. Подобный аргумент выдвигался его сторонниками еще в 20-х годах, и он тогда же был раскритикован нашей партией. IV совещание ЦК РКП(б) с ответственными партийными работниками национальных республик и областей, состоявшееся в 1923 году, отметило, что если в начальной стадии националистическую деятельность Султан-Галиева в какой-то степени можно было рассматривать как реакцию на великодержавный шовинизм, то такой подход совершенно непригоден для объяснения его деятельности на последующих стадиях. В резолюции совещания говорилось: «Антипартийные и объективно-контрреволюционные задачи, поставленные Султан-Галиевым, и сама логика антипартийной работы привели Султан-Галиева

к предательским поискам союза с явно контрреволюционными силами, направленными к свержению советского строя...»⁶⁷.

Разгром султангалиевщины имел большое значение для укрепления партийных организаций Татарии, Башкирии, а также других республик тюркских народов СССР, он убрал с пути партийных организаций серьезное препятствие, мешавшее интернационалистскому воспитанию коммунистов, их совместной деятельности по строительству социализма. Однако буржуазные историки в целом умалчивают о том, что партия вела борьбу против националистических уклонов и шатаний не только в Татарии и Башкирии, но и в других республиках Поволжья и Урала (видимо, это объясняется наличием концепции «татарофобии», которую стремятся приписать партии ее идейные противники)⁶⁸. Например, ожесточенная борьба по национальному вопросу имела место на продолжении ряда лет в Удмуртской партийной организации⁶⁹. Серьезное сопротивление национал-уклонистов по вопросам социалистического строительства в республике пришлось преодолевать Чувашской партийной организации. III Пленум Чувашской областной контрольной комиссии ВКП(б) (ноябрь 1930 г.) констатировал, что «обострение классовой борьбы, сопровождающееся бешеным сопротивлением отживающих классов и ликвидируемого кулачества, ...находит свое отражение в рядах партийной организации»⁷⁰.

Буржуазные историки, руководствующиеся в основном концепцией о якобы «шовинистической» сущности нашей партии, не в состоянии дать объективный ответ на вопрос о соотношении борьбы против великорусского шовинизма и борьбы против местного национализма в ее деятельности в период социалистического строительства. Отдельные историки, как, например, Э. Х. Карр, отмечают, что партия не разделяла ни шовинистических, ни националистических взглядов, но в то же время не указывают, какой национальный уклон она рассматривала как главную опасность⁷¹. Другие советологи утверждают, что якобы главной опасностью для партии всегда был местный национализм⁷². Третьи, как, например, Беннигсен и Келькеже конструируют более усложненную концепцию, заявляя, что партия

вначале рассматривала великодержавный шовинизм как главную опасность, но после разоблачения султангалиевщины она будто бы изменила свою точку зрения⁷³.

Известно, что X и XII съезды РКП(б) указали на особую вредность уклона к великорусскому шовинизму. «Этот уклон,— отмечалось в резолюции XII съезда «По национальному вопросу»,— вреден не только потому, что он, тормозя дело формирования коммунистических кадров из местных людей, знающих национальный язык, создает опасность отрыва партии от пролетарских масс национальных республик, но и прежде всего потому, что он питает и выраживает... уклон к национализму, затрудняя борьбу с ним»⁷⁴. XV съезд предостерег против недооценки опасности уклона в сторону великодержавного шовинизма, указав на усилившееся влияние частнокапиталистических элементов города и деревни на некоторые слои трудящихся⁷⁵. XVI съезд ВКП(б) вновь подчеркнул, что «главную опасность на данном этапе представляет великодержавный уклон, пытающийся реализовать основы ленинской национальной политики и под флагом интернационализма прикрывающий стремления отживающих классов господствовавшей ранее великорусской нации вернуть себе утраченные привилегии»⁷⁶.

Как и для всей партии, для партийных организаций Волго-Уральского региона в целом и до XII съезда, и после него главную опасность представлял великодержавный шовинизм. Основное внимание областных партийных организаций было приковано к борьбе именно с этой опасностью. Так, например, коммунистам Удмуртии пришлось преодолевать ожесточенное сопротивление шовинистических элементов по вопросу о создании национальной автономии. При поддержке ленинского Центрального Комитета партии этот вопрос получил правильное разрешение. Борьба против великорусского шовинизма не прекращалась в Удмуртской парторганизации вплоть до начала 30-х годов, т. е. до ликвидации этого уклона. В частности, борьба с великодержавным уклоном заняла значительное место в работе VII областной партконференции, которая осудила платформу «восьми», отстаивавшую антиленинские взгляды по национальному вопросу⁷⁷.

Острый характер носила борьба по национальному вопросу и в Башкирской партийной организации. Для преодоления уклона к великодержавному шовинизму в областной парторганизации потребовалось неоднократное вмешательство Центрального Комитета. Так, в конце 1921 г. ЦК РКП(б) принял решение отозвать из Башкирии ряд русских коммунистов, допускавших великодержавный уклон⁷⁸. Аналогичная мера была осуществлена Центральным Комитетом и по результатам проверки Башкирской организации РКП(б) осенью 1923 г.⁷⁹. Попытки отдельных членов партии помешать последовательному осуществлению ленинского курса в работе получали отпор также самой областной организации. В октябре 1925 г. Башкирский обком партии признал невозможным оставление в организации двух руководящих русских работников, проявлявших антибашкирские настроения и тенденции в своей деятельности⁸⁰.

В соответствии с указаниями Центрального Комитета развертывалась борьба с проявлениями великорусского шовинизма и в других партийных организациях региона. Объединенный пленум Марийского обкома ВКП(б) и областной контрольной комиссии (1930 г.) в своем решении ставил задачу «вести самую решительную борьбу как с проявлениями великодержавного шовинизма, так и узкого национализма, направляя сильнее огонь по великодержавному шовинизму...»⁸¹. Третий пленум Чувашской областной комиссии партии (ноябрь 1930 г.), указывая на необходимость усилить борьбу с обоими уклонами в национальном вопросе, в то же время выделял великодержавный шовинизм как «особенно опасный в настоящий период...»⁸².

Буржуазной историографии присуща тенденция вопреки фактам приписывать борьбе Коммунистической партии за идейно-политическое и организационное укрепление своих рядов «великодержавную» направленность. Беннигсен и Келькеже видят сущность партийных чисток в стремлении «тотального вычеркивания старой мусульманской интеллигенции, которая делала общее дело с коммунизмом»⁸³. Отщепенец Давлетшин, приводя цифры о количестве исключенных из ВКП(б) в Татарской партийной организации в период

чистки 1929—1930 годов, характеризует ее как «грубую и решительную чистку от татарской интеллигенции...»⁸⁴. Эти утверждения, грубо искажающие политическую линию Коммунистической партии, находятся в вопиющем противоречии с исторической действительностью.

Чистка партии вызывалась необходимостью освободиться от классово-враждебных и переродившихся элементов, пролезших в нее для достижения антинародных и карьеристских целей. Опасность перерождения Коммунистической партии, всегда существовавшая в условиях преобладания в населении мелкой буржуазии, еще более возросла в связи с переходом к новой экономической политике. Поэтому XI съезд поставил перед партией задачу «неослабно следить за своим социальным составом и всеми мерами обеспечить проведение не на словах, а на деле политики пролетариата»⁸⁵ ее членами. Одной из таких мер являлось очищение партии от шовинистических и националистических элементов, т. е. людей, зараженных мелкобуржуазной идеологией и не поддающихся перевоспитанию в коммунистическом духе. Очищение ВКП(б) от элементов, которые «за время своего пребывания в рядах партии не проявили себя как коммунисты», являлась целью второй массовой чистки партии, проведенной в 1929—1930 годах. В процессе чистки ВКП(б) должна была «особенно тщательно пересмотреть свои ряды для того, чтобы усилить сопротивление влиянию мелкобуржуазной стихии, сделать партию более однородной, более боеспособной в деле преодоления трудностей социалистической реконструкции народного хозяйства»⁸⁶.

Давлетшин стремится убедить читателей в правильности своей точки зрения, указывая, что в период чистки 1929—1930 годов из Татарской партийной организации было исключено 2056 человек, или 13,4% прошедших чистку членов и кандидатов ВКП(б). Но Давлетшин, который лицемерно претендует на защиту интересов татарской интеллигенции, умалчивает о том, что среди исключенных из партии членов и кандидатов татар всего насчитывалось 860 человек, т. е. меньше, чем русских (1077 человек). Если бы Давлетшин поинтересовался не предварительными, а окончатель-

ными итогами чистки, то он увидел бы также, что после рассмотрения апелляций партийными органами общее число исключенных (2166) уменьшилось на 610 человек и составило 9,5% состава областной организации ВКП(б)⁸⁷. Во-вторых, антисоветчик совершенно игнорирует обстоятельства, которые объясняют относительно высокий процент исключенных среди татар — в целом слабую постановку политико-воспитательной работы и тенденцию некоторых ячеек к погоне за одним количественным ростом⁸⁸. Не случайно основная масса исключенных приходилась на лиц с небольшим партийным стажем (не более пяти лет). Наконец, несостоятелен тезис Давлетшина о «грубом», т. е. по существу антидемократическом характере проведенной в партийной организации чистки. На самом же деле, вопрос о судьбе членов и кандидатов партии решался проверочными комиссиями по большинству голосов. О демократическом характере чистки свидетельствовал и национальный состав проверочных комиссий: татары составляли 42,6%, мелкие национальности — 11%⁸⁹. Таким образом, при научном подходе к вопросу утверждения о «великодержавной» направленности борьбы партии за укрепление своих рядов оказываются досужим вымыслом, созданным на потребу империалистической пропаганды.

Подытоживая сказанное, нужно отметить, что переходный период — один из наиболее трудных в истории партийных организаций Поволжья и Урала, как и всей страны. Это — период их становления, формирования, накопления опыта, подготовки национальных кадров. Преодолевая многочисленные трудности, областные партийные организации под руководством Центрального Комитета сложились в подлинно интернационалистские коммунистические организации, способные решать сложные задачи социалистического строительства. Нежелание признать это главное, существеннейшее обстоятельство в истории партийных организаций региона, тенденция обозревать их деятельность через темные, антикоммунистические очки обусловили антинаучный, клеветнический характер сконструированных буржуазными историками концепций и схем.

Глава VI

ИЗМЫШЛЕНИЯ БУРЖУАЗНЫХ ИСТОРИКОВ О РОЛИ ПАРТИИ В СТРОИТЕЛЬСТВЕ СОЦИАЛИЗМА

Существует ряд научных категорий, встречающихся в буржуазной историографии неизменно негативное отношение. Одной из них является социализм. Враждебность империалистической буржуазии ко всему, что так или иначе связано с новым общественным строем, диктует советологам задачу изображать социализм в неприглядном свете. Социализму приписывается «тоталитарность», антидемократизм, стремление подчинить личность партийной «элите», стоящей над народными массами и навязывающей им свою волю. Активизация борьбы международной реакции против социализма в последние годы вылилась в шумную политическую и пропагандистскую кампанию, которая «фактически представляет собой попытку защитников капитализма замаскировать его антидемократический характер, отвлечь внимание трудящихся в своих странах и мировой общественности от глубокого кризиса буржуазного общества»¹.

Отражением общей антикоммунистической направленности буржуазной историографии является тезис о «неприемлемости» социализма для нерусских народов Советского Союза, в том числе и народов Волго-Уральского региона. Этот тезис подкрепляется утверждениями либо о «незрелости» социально-экономических отношений среди названных народов, либо о «несоответствии» социализма их национальным интересам.

Несостоятельность подобных утверждений была показана в предыдущих главах данной работы. И если мы вновь возвращаемся к ним, то лишь для того, чтобы напомнить те посылки, на которых зиждется буржуазная историография социалистического строительства в регионе.

Методологической основой советологии является отрыв национального от классового и противопоставление первого второму. Исходя из этого, буржуазные историки утверждают о существовании особых общественных законов, которыми якобы определяется

развитие наций. Так, например, Г. Менде писал о желании тюркских народов СССР развиваться «согласно своим национальным законам»². Из признания действия этих законов исходят в своих работах и многие другие советологи.

На вопрос о существовании национальных законов более 130 лет тому назад впервые ответили К. Маркс и Ф. Энгельс. Разрабатывая историко-материалистическую теорию, они пришли к выводу, что каких-либо особых общественных законов, регулирующих жизнь наций, не существует, что тенденции их развития определяются природой социального строя. Вот что писали основоположники научного коммунизма о буржуазных нациях Западной Европы в период их становления: «Под страхом гибели заставляет она (т. е. буржуазия.— Авт.) все нации принять буржуазный способ производства, заставляет их вводить у себя так называемую цивилизацию, т. е. становиться буржуа»³.

Следовательно, бессмысленно говорить о каких-то неизменных законах, будто бы характерных для наций во все времена. При капитализме основные тенденции развития наций определяются законами буржуазного способа производства. Точно так же при социализме тенденции национального развития зависят от социалистического способа производства.

Говоря о национальном развитии, буржуазные философы и историки постоянно связывают его с деятельностью буржуазии. Так, тот же Менде отмечал стремление татарской буржуазии «весь народ вытащить из состояния отсталости и сделать жизнеспособным в новых условиях (т. е. в условиях капитализма.— Авт.)»⁴. Подобно этому Ф. Маккарти одобрительно отзывался о деятельности буржуазных реформаторов, преследовавших цель «подготовить мусульман для жизни в буржуазном обществе»⁵. Буржуазным идеологам чужда мысль о существовании, кроме буржуазных, еще и социалистических наций.

Здесь вновь проявляется классовая ограниченность и антинаучность буржуазной историографии, которая не приемлет вывода о закономерности смены одной общественно-экономической формации другой (в данном случае — капиталистической формации социалистической). Да и в пределах одной общественно-экономи-

ческой формации буржуазия не остается неизменной. На заре капитализма, в эпоху пробуждения наций и национально-освободительных движений, буржуазия была относительно революционным классом, имевшим известное основание выступать от имени всей нации. В условиях же империализма, когда созревают предпосылки для социалистической революции, буржуазия теряет остатки былой революционности и превращается в тормоз общественного развития. Поэтому к вопросу о том, какой класс является выразителем воли нации, марксизм-ленинизм учит подходить с исторически-классовой точки зрения, «считаясь с тем, на какой ступени ее исторического развития стоит данная нация: на пути от средневековья к буржуазной демократии или от буржуазной демократии к советской или пролетарской демократии и т. п.»⁶. В период перехода от капитализма к социализму выразителем воли нации становится пролетариат.

Буржуазных историков не устраивает такой вывод. Экспроприацию в ходе социалистической революции буржуазии она рассматривает как уничтожение опоры, сердцевины самой нации. Поэтому большевикам приписывается осуществление антинациональной политики, поскольку она направлена против буржуазии. С другой стороны, советологи для доказательства «неспособности» пролетариата быть выразителем воли нации спекулируют на том обстоятельстве, что накануне социалистической революции рабочий класс большинства нерусских народов Поволжья и Урала находился в стадии формирования.

Идеологи буржуазии, исходя из националистической точки зрения, рассматривают рабочий класс нерусских народов изолированно от русского пролетариата, от общих задач борьбы против самодержавия и капитализма, за построение социалистического общества. Между тем такой подход насквозь метафизичен, так как игнорирует факт существования многонационального российского пролетариата. В условиях России политически более развитые национальные отряды пролетариата приходили на помощь менее развитым, помогая им осознать свои интернациональные и национальные интересы. Как показала история, эту задачу

российский пролетариат успешно выполнил под руководством своей Коммунистической партии.

Ведущая роль пролетариата в отношении трудящихся ранее угнетенных наций осуществлялась также по линии укрепления его союза с трудовым крестьянством. Однако, буржуазные историки без всяких на то оснований усматривают в гегемонии российского пролетариата нарушение принципа равноправия наций, заявляя, что будто бы руководящая роль пролетариата по отношению к крестьянству «означала руководство русского рабочего класса над крестьянами всех народов России»⁷.

Как мы видим, буржуазные историки преследуют здесь цель сбить своих читателей на националистические позиции. Но они не в состоянии опровергнуть реальное существование союза российского пролетариата (в том числе и русского) с многонациональным крестьянством страны. Несостоятельна также попытка противопоставить принцип пролетарского руководства остальными трудящимися принципу равноправия наций: первый проявлялся в сфере взаимоотношения классов, в то время как второй имел место в сфере взаимоотношения наций. Свою руководящую роль российский пролетариат осуществлял в отношении как нерусского, так и русского крестьянства, не делая никакой разницы между ними по национальному признаку⁸.

Советологи все общественные интересы внутри каждой нерусской нации сводят лишь к национальным, отказываясь признать наличие также разнородных классовых интересов (теория «единого потока»). На этом «основании» они отрицают возможность существования общих классовых интересов у трудящихся разных наций. Не случайно буржуазные общественеды обходят полным молчанием общие для рабочих и трудящихся крестьян всех наций России идеалы социальной справедливости, которые объединили их и в борьбе за победу социалистической революции, и в борьбе за построение социалистического общества. Более того, большинство буржуазных идеологов распространяет на трудящиеся массы русского и нерусского народов по существу тот же тип национальных отношений, который существовал между нациями до Октябрьской ре-

волюции, т. е. отношения неравноправия и подчинения, вражды и недоверия. Одни советологи, как, например, Смол-Стоцки, с антисоветской беспардонностью утверждают о мнимом «продолжении старого русского империализма и колониализма» в послеоктябрьской России⁹. Другие, как, например, Зеньковский, дают понять о том же косвенно, говоря, что якобы окончание гражданской войны и иностранной военной интервенции ознаменовалось установлением «непостижимого тоталитарного контроля за жизнью и мыслями советских подданных» и в частности тюрков России¹⁰.

Буржуазные историки в своей массе игнорируют возникновение вследствие победы Великой Октябрьской социалистической революции нового социального типа национальных отношений, явившееся результатом свержения буржуазии и прихода к власти рабочего класса — класса-интернационалиста. Не желая признавать факт ликвидации национального гнета в Советской России, они тем самым утверждают о продолжающемся существовании в нашей стране той же самой проблемы, которая стояла перед нерусскими народами накануне Октябрьской революции — проблемы завоевания национальной свободы.

Некоторые советологи (Ж. Кастанье, Е. Кутаисова и др.) молчаливо признают факт ликвидации национального гнета в Советской России. Они ссылаются на постановление X съезда РКП(б) «Об очередных задачах партии в национальном вопросе», которое, исходя из факта ликвидации юридического неравенства в стране, признало необходимым начать борьбу за уничтожение фактического, т. е. экономического и культурного, неравенства народов. В то же время решение этой задачи партий и Советским государством рассматривается как самоцель¹¹.

Таким образом, буржуазной историографии, вооруженной антинаучной идеалистической методологией и в целом тесно связанной с буржуазным пропагандистским комплексом, оказалась непосильной проблема выявления диалектики соотношения национальных и классовых задач, стоявших перед Коммунистической партией в переходный период. Буржуазные историки «не заметили» тех глубинных связей, которые существуют между национальным и социальным вопро-

сами и облегчают их одновременное разрешение. Как известно, взаимосвязь и взаимозависимость этих вопросов проявляются в том, что борьба за уничтожение национального неравенства объединяет трудящихся всех наций в борьбе за решение социальных задач, а борьба за ликвидацию чуждых трудящихся социальных отношений ведет к уничтожению базы национального неравенства. На это обратил внимание еще X съезд РКП(б), указав, что «завоевывая доверие трудящихся масс восточных окраин своей решительной и последовательной борьбой за уничтожение всех видов национального неравенства, партия в то же время сплавливает и объединяет их для окончательной ликвидации патриархально-феодалных отношений в среде самих ранее угнетенных наций и для приобщения их к коммунистическому строительству»¹².

Учитывая, что решение национального вопроса происходило в ходе социалистического строительства, автор сосредоточил свое внимание на его основных экономических, социальных и культурных аспектах и их отражении в буржуазной историографии.

§ 1. СОЗДАНИЕ МАТЕРИАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ БАЗЫ СОЦИАЛИЗМА

Вопрос об освещении социально-экономических аспектов строительства социализма в буржуазной историографии неоднократно рассматривался советскими учеными. Труды наших историков можно разделить на три группы. Это, прежде всего, те работы, которые полностью или частично посвящены критике буржуазных концепций по вопросам социалистической индустриализации и коллективизации в СССР¹³. Далее идут труды, в которых указанные концепции рассматриваются через призму разрешения национального вопроса в Советском Союзе¹⁴. Наконец, советские ученые касаются этих же проблем в работах, направленных против буржуазной фальсификации истории социалистического строительства в отдельных национальных республиках¹⁵.

Советские историки и экономисты внесли свой вклад в критику буржуазных концепций индустриализации и коллективизации в Советском Союзе. Так, например,

в книге Э. П. Горбунова рассмотрены проблемы преобразования социально-экономической структуры промышленности СССР, методы, источники, темпы и итоги социалистической индустриализации. И. Н. Олегина сосредоточила свое внимание на характере и целях советской индустриализации, соотношении дореволюционной и советской индустриализации, принятии КПСС курса на индустриализацию, борьбе партии с противниками ленинской политики индустриализации. В. И. Тетюшев в качестве целей своего исследования избрал вопросы индустриализации и внутрипартийной борьбы, метода и источников социалистической индустриализации, сравнительного анализа экономического прогресса в СССР и в капиталистических странах Запада и т. д. Не обойдены вниманием и буржуазные концепции коллективизации сельского хозяйства в СССР. Так, Б. И. Марушкин наряду с критикой буржуазных концепций социалистической индустриализации остановился в своей книге на истории коллективизации в свете идеалистической теории «насилия». Более подробное освещение эта проблема получила в работе В. И. Тетюшева: он рассмотрел вопросы об объективной обусловленности коллективизации, о ее методах, о борьбе с правым оппортунизмом в ВКП(б) и характеристике колхозного строя.

Что касается вопросов истории осуществления политики социалистической индустриализации и коллективизации в Поволжье и Приуралье, в освещении буржуазных историков, то они рассматривались всего в двух работах: статье казанского историка У. Б. Белялова и одной из глав монографии, написанной автором совместно с С. Г. Батыевым¹⁶. Обе работы написаны по материалам Татарской АССР. Буржуазные концепции по истории создания материально-технической базы социализма в других автономных республиках региона по существу еще не являлись предметом научного исследования. Поэтому предпринятая в данной работе попытка критического анализа буржуазных концепций по вопросам социалистической индустриализации и коллективизации в масштабе всего региона является фактически первой.

Руководствуясь стремлением избежать повторений и одновременно выделить наиболее узловые концепции

буржуазных историков и экономистов, автор сосредоточил свое внимание на критике трех следующих тезисов:

во-первых, тезиса о том, что якобы руководство промышленным строительством из «русского» центра не отвечало потребностям «национального» развития нерусских народов. В частности, Г. Менде отвергает принцип экономического районирования народного хозяйства, в ходе которого центральное правительство, по его словам, «не разрешало национально закрытой области принять на себя хозяйственные функции...» (в качестве примера Менде ссылался на проектировавшееся в 20-х годах включение Татарской АССР в состав Средневолжского экономического района)¹⁷. Ту же мысль Г. Менде излагает и в другой своей работе, указывая, что разделение труда между экономическими районами будто бы заставило национальные области (в широком смысле слова) «выполнять в интересах центра и часто к своей собственной невыгоде возложенные на них задачи»¹⁸. Еще более откровенно высказывался В. Коларз: «...Каждая новая фабрика, каждая новая угольная шахта, каждая новая нефтяная скважина на нерусской территории Советского Союза, — утверждал английский советолог, — создавались главным образом, не для народов этой территории, а для великороссов»¹⁹;

во-вторых, тезиса о насильственном вовлечении трудящихся региона в процесс социалистического строительства. Так, Г. Штекль писал, что якобы индустриализация в СССР проводилась путем «применения драконовских мер принуждения»²⁰. «Основой» для подобных утверждений советологов служит идея о том, что в советской экономике «конечной экономической санкцией является голая сила»²¹. Точно так же и коллективизация сельского хозяйства рассматривается в буржуазной историографии через призму концепции «насилия». Е. Кутаисова пишет, например, об «ускоренной и бесчеловечно жестокой коллективизации сельского хозяйства» в СССР²². Еще более изощряется в нападках на политику коллективизации изменник Родины Т. Давлетшин. В его изображении коллективизация сельского хозяйства в Татарии была проведена

якобы «при помощи массовых репрессий против крестьянства...»²³;

в-третьих, тезиса о неблагоприятных социально-экономических и политических последствиях строительства социализма для нерусских народов, в том числе и народов Поволжья и Урала. В. Коларз видел в политике социалистической индустриализации и коллективизации сельского хозяйства продолжение той же политики колонизации национальных окраин, которую в свое время проводило царское правительство. Английский советолог бездоказательно утверждал, что будто бы лишь «формы и методы русской колонизации, но не его существо, изменились в некоторой степени при советском режиме»²⁴. Г. Менде считал одним из последствий социалистического строительства углубление противоположности между многонациональным по своему составу населением городов и национальным составом деревень²⁵. Б. Шпулер утверждал, что якобы строительство социализма, в частности, коллективизация деревни, вызвало «переселение многих десятков тысяч татар со своей родины...»²⁶. Х. Сетон-Уотсон приравнивает социальные последствия социалистической и капиталистической индустриализации, говоря, что открытие нефтяных месторождений в Башкирии якобы «вело к исчезновению башкирской цивилизации в русской», — точно также, «как открытие нефти в Оклахоме, — к поглощению оклахомских красных индейцев белой американской цивилизацией»²⁷.

Все эти рассуждения буржуазных советологов пронизывает одна и та же мысль: было бы лучше, если бы процесс строительства социализма в СССР не захватил нерусские народы...

Буржуазные историки и социологи, рассуждающие о национальном развитии нерусских народов до Октябрьской революции, считают вполне естественным капиталистический путь развития. Но стоит лишь заговорить о социалистическом пути развития, как советологи объявляют его «антинациональным». При этом буржуазные идеологи обходят вопрос о преемственности экономических и географических факторов развития наций до и после социалистической революции.

В дооктябрьский период — и буржуазные ученые молчаливо признают этот факт — экономика нерусских

народов Поволжья и Урала многими узами была связана с экономикой буржуазно-помещичьей России. Между регионом и центральными районами страны существовало исторически сложившееся разделение труда: центр снабжал Поволжье и Урал некоторыми видами промышленной продукции, — нефтью, углем, станками и т. д., а Волго-Уральский регион поставлял центру продукцию металлургической, химической, текстильной, обувной и т. п. промышленности, продовольствие и сельскохозяйственное сырье. Такая специализация, будучи результатом колониальной политики русских помещиков и капиталистов, тормозила прогрессивное развитие нерусских народов, ставила их в подчиненное экономическое положение по отношению к великорусской буржуазной нации. Великая Октябрьская социалистическая революция, поставившая одной из своих задач формирование нового типа национальных отношений, заложила политические (передача государственной власти пролетариату) и социально-экономические (ликвидация помещичьей и крупной буржуазной собственности, обобществление основных средств производства) предпосылки для экономического районирования страны на принципиально новой основе. Научное экономическое районирование исходило из потребностей планомерного комплексного развития экономических районов, сочетания их специализации с рациональным размещением производительных сил, развития в районах комплекса отраслей и производств, повышающих эффективность хозяйства и обеспечивающих разностороннее использование природных, людских и технических ресурсов районов, увеличения общего экономического потенциала страны²⁸. Другими словами, экономическое районирование Советского государства основывалось на сочетании территориального и отраслевого принципов развития производительных сил страны.

Вопреки утверждениям советологов, планомерное развитие экономики Волго-Урала никоим образом не противоречило национальным интересам населяющих их народов. Напротив, оно впервые создавало благоприятные возможности для ликвидации их фактического неравенства и развития экономики на современной индустриальной основе. Поэтому председатель ВСНХ

СССР тов. Ф. Э. Дзержинский, указывая на недопустимость для пролетарского государства идти по пути беспланового, стихийного промышленного строительства, отмечал в 1925 году, что, во-первых, «мы должны прежде всего наши заводы строить в тех районах, в которых благодаря царской политике нет пролетариата» и, во-вторых, «нам нужно строить заводы поближе к сырью и топливу»²⁹.

Уже первый проект разделения Советской России на экономические районы, составленный в 1921 году по указанию ЦК РКП(б) комиссией Госплана под руководством проф. И. Г. Александрова, тесно увязывал разрешения хозяйственных проблем с интересами автономных республик и областей. Он был основан на принципах соблюдения административно-территориальных границ автономий и их конституционных основ, а также добровольности объединения различных республик и областей в один экономический район. Проект предусматривал включение Марийской и Вотской (Удмуртской) автономных областей в состав Вятско-Ветлужского экономического района, Башкирской АССР — в состав Уральского экономического района, Чувашской АО и Татарской АССР — в состав Средневолжского района³⁰.

Г. Менде, ссылаясь на доклад председателя СНК ТАССР тов. Х. Габидуллина на V съезде Советов Татарии (1925 г.), пытается создать впечатление, что будто бы принцип добровольности объединения республик и областей в экономические районы нарушался самим центральным Советским правительством. Между тем утверждение немецкого буржуазного историка о «попытке втаскивания» ТАССР в Средневолжский экономический район зиждется на чистой фальсификации смысла приведенного документа: председатель СНК Татарии в своем выступлении констатировал, что постановка правительством республики вопроса о нецелесообразности в тот период включения ТАССР в Средневолжский район нашла поддержку у центральных органов³¹.

Социалистическому преобразованию народного хозяйства Волго-Уральского региона, как и других регионов страны, предшествовало его глубокое комплексное изучение: учитывались наличие экономических и трудо-

вых ресурсов, возможности их использования, пути специализации и кооперирования и т. д. В интересах более полного выявления природных богатств района во всех автономиях были проведены геологоразведочные работы. Они привели к открытию ряда месторождений важных видов сырья и топлива. Так, например, в начале 30-х годов были открыты новые запасы нефти в Башкирии, а позднее — в Татарии и Удмуртии. Задачи социалистической индустриализации потребовали также создания строительной и энергетической промышленности, строительства новых железнодорожных линий. В 20-х годах была построена железнодорожная линия Зеленый Дол — Йошкар-Ола (Марийская АО), в 30-х — линии Канаш — Чебоксары (Чувашская АССР) и Уфа — Ишимбаево (Башкирская АССР). В результате были созданы благоприятные условия для всестороннего развития производительных сил Поволжья и Урала.

Буржуазные историки, исходящие из тезиса о «несоответствии» социалистической индустриализации интересам нерусских наций региона, не приемлют этот вывод. Развитие промышленности в районе поселения этих народов они вообще рассматривают как недопустимое явление. Так, В. Коларз, считая развитие горнорудной промышленности на Урале, начатое еще при Петре I, «тяжелейшим ударом» по башкирскому народу, высказывался против всякой индустриализации вообще. Националисты, пишет он, надеялись, что советский режим остановит процесс индустриализации Башкирии. Вместо этого советский режим начал энергично бороться с антииндустриалистскими тенденциями среди башкир и продолжал индустриализацию края³². В этих рассуждениях английского советолога налицо прежде всего непонимание (или нежелание понимать) коренное отличие целей, характера и методов социалистической индустриализации от капиталистической. С другой стороны, Коларз предстает как сторонник регресса, кровно заинтересованный в том, чтобы замкнуть народы региона в скорлупу феодальных или даже патриархально-родовых отношений и не допустить их прогрессивного развития.

Отрицательное отношение к методам капиталистической индустриализации не равнозначно отрицанию

прогрессивного значения капитализма для развития нерусских народов страны. Отвергая методы капиталистической индустриализации, их жестокий, антигуманный характер, марксисты в то же время не отрицают, что объективно капитализм способствовал ломке устаревших общественных отношений, втягиванию трудящихся в прогрессивное развитие. Известно, что В. И. Ленин неоднократно критиковал анархистов, не понимавших объективного хода экономического развития. «Объективный же ход развития крепостничества в капитализме,— писал он,— делает то, что миллионы трудящихся вследствие роста городов, железных дорог, крупных фабрик, передвижения рабочих **вырываются** из условий крепостнической спячки, пробуждаются самим капитализмом, сплачиваются им»³³. Поэтому задача пролетариата после прихода к власти состояла не в том, чтобы остановить процесс индустриализации, а, напротив, в том, чтобы продолжить его, придав планомерный, социалистический характер. В этом же были заинтересованы и ранее угнетенные народы, потому что без индустриализации невозможна ликвидация их фактического неравенства.

Другие буржуазные историки, например, Менде, умалчивая о хищническом характере предпринимавшихся усилий по насаждению промышленности в регионе до социалистической революции, отрицательно отзываясь о социалистической индустриализации. Немецкий историк недоволен тем, что промышленное развитие затронуло «до этого закрытые области поселения тюркских народов»³⁴. Менде, подобно Коларзу, изображает социалистическую индустриализацию как политику, выгодную лишь для русского населения страны.

В этих целях советологи обходят молчанием мероприятия партийных и хозяйственных органов по развитию традиционных отраслей промышленности в регионе. Между тем составной частью политики социалистической индустриализации в Поволжье и на Урале являлись также расширение и реконструкция технической базы отраслей производства, существовавшая до Октябрьской революции — лесопильной, деревообрабатывающей, текстильной, кожевенной, судоремонтной, пищевой, стекольной и т. д. Одновременно интересы

как самих автономных республик и областей, так и интересы всего Союза Советских Социалистических Республик требовали создания новых отраслей промышленности — нефтедобывающей и нефтеперерабатывающей, машиностроительной и химической, строительной и швейной и т. д. В результате напряженной и целеустремленной деятельности местных партийных организаций во главе с ЦК ВКП(б) за короткий срок (в основном, за годы довоенных пятилеток) в регионе была создана развитая многоотраслевая промышленность.

Естественно, структура промышленности автономных республик и областей не была и не могла быть однотипной. Она отражала интересы общественного разделения труда между национальными автономиями и сочеталась с их кооперированием как между собой, так и с другими экономическими районами Советского Союза. В одних районах Поволжья и Урала развивались преимущественно такие отрасли промышленности, как металлургическая, машиностроительная, нефтедобывающая, в других — химическая, деревообрабатывающая, строительная. В совокупности все они составляли материально-техническую базу социализма, создававшуюся в масштабе всей страны.

В итоге уже к концу первой пятилетки Башкирская и Татарская АССР, Удмуртская и Марийская автономные области из аграрно-индустриальных и аграрных превратились в индустриально-аграрные (в них удельный вес промышленности в народном хозяйстве превысил 50%), а Чувашская АССР и Мордовская АО превратились из аграрных в аграрно-индустриальные. Тем самым была заложена прочная основа для превращения их в индустриальные республики³⁵.

Буржуазные историки, выдвинувшие тезис о том, что индустриализация национальных регионов осуществлялась «русскими» якобы в колонизаторских целях, не принимают во внимание, по крайней мере, два обстоятельства: во-первых, темпы индустриализации и, во-вторых, характер индустриализации.

Известно, что социалистическая индустриализация национальных регионов в подавляющем большинстве случаев осуществлялась более ускоренными темпами, чем в среднем по СССР. Это объяснялось необходимостью ликвидировать хозяйственную отсталость на-

циональных республик от промышленно развитых районов страны. Так, по сравнению с 1913 г. объем промышленной продукции в 1940 г. возрос в СССР в 7,7 раза. За тот же период времени объем валовой продукции промышленности возрос в Башкирской АССР в 10 раз, Удмуртской — в 21, Татарской — в 12, Мордовской и Чувашской — в 9,5 раза и только в Марийской АССР — в 7,4 раза³⁶.

С другой стороны, если капиталистическая индустриализация национальных окраин до социалистической революции осуществлялась главным образом путем развития добывающей промышленности, то социалистическая индустриализация наряду с совершенствованием технической базы этой отрасли экономики привела к созданию также развитой обрабатывающей промышленности. Так, в Удмуртии появились производства станков и мотоциклов, в Татарии — самолетов и авиационных моторов, в Чувашии — союзный домостроительный комбинат и вагоноремонтный завод. О коренном отличии социалистической индустриализации от капиталистической свидетельствовало почти одновременное создание в Башкирии нефтедобывающей и нефтеперерабатывающей промышленности (крекинг-заводы). Так что утверждения буржуазных советологов о промышленной «колонизации» в годы Советской власти Поволжья и Урала, как и других районов страны, являются настоящим мифом.

Существование «русского колониализма» после Октября отвергается также самим отношением трудящихся коренных национальностей к политике социалистической индустриализации. Буржуазные историки и экономисты, стремясь изобразить его как негативное, конструируют различные клеветнические концепции. По своей антисоветской законченности в буржуазной историографии выделяется концепция «двойного удара». Наиболее полно ее изложил В. Коларз. Согласно этой концепции, «советский режим» якобы наносит «неславынским народам» двойной удар: он «перекачивает русских и украинских квалифицированных рабочих, специалистов и должностных лиц на территории малых советских национальностей и вербует неквалифицированных рабочих среди последних, чтобы послать их в русские индустриальные центры в попытке решить

проблему рабочей силы там»³⁷. Антисоветский круг замкнулся: нерусских рабочих увозят из своих республик, чтобы «эксплуатировать» в «русских» промышленных центрах...

Здесь что ни утверждение, то нечистоплотная перетасовка фактов. Буржуазный историк сместил акценты таким образом, что получилась неузнаваемая клеветническая картинка.

Социалистическая индустриализация привела в движение (и не могла не привести) широкие трудящиеся слои. В интересах всех народов страны она потребовала перемещения тысяч специалистов, квалифицированных рабочих и служащих из старых промышленных районов страны в новые. Так, в Поволжье и на Урал прибыли представители рабочего класса и технической интеллигенции Москвы, Ленинграда, Харькова, Баку и ряда других городов. Понятно, что отставшие в своем промышленном и культурном развитии нерусские народы не могли без квалифицированной технической помощи создать в своих республиках современную промышленность. Вообще братская взаимопомощь и сотрудничество свободных народов являются одной из важнейших закономерностей социалистического и коммунистического строительства. В то же время нужно отметить, что с переходом к социалистической индустриализации во всех автономных республиках Поволжья и Урала была развернута подготовка квалифицированных технических специалистов из представителей самих нерусских народов. В этих целях были открыты химико-технологический и авиационный институты в Казани, лесотехнический институт — в Йошкар-Оле, вуз-комбинат — в Ижевске, учебно-консультационный пункт Уральского заочного политехнического института и институт повышения квалификации хозяйственников — в Уфе, транспортный и строительный техникумы — в Чувашии, лесопромышленный, транспортный и индустриальный — в Удмуртии, нефтяной, металлургический и горнометаллургический — в Башкирии³⁸. Большие группы представителей трудящихся нерусских народов региона обучались в технических вузах Москвы, Ленинграда, Свердловска и ряда других городов. О начале похода молодежи народов за техническими знаниями говорит хотя бы следующий факт: на 1 октября 1935 г.

в вузах страны обучалось 170 башкир, в индустриальных техникумах — 950 башкир³⁹.

Подготовка квалифицированных кадров для национальных отрядов рабочего класса успешно осуществлялась через сеть ФЗУ, профтехшкол, школы ученичества массовых профессий, различные краткосрочные курсы и т. д. Например, только школы ФЗУ Среднего Поволжья готовили кадры почти по 90 специальностям, в том числе химиков, кожевников, текстильщиков, слесарей, токарей, плотников и столяров, электромонтеров, типографских рабочих и т. д. Среди учащихся и окончивших школы ФЗУ представители нерусских национальностей составляли значительный процент. Так, за 1928—1933 гг. удельный вес башкир среди учащихся школ ФЗУ повысился с 21,5 до 42,9 процентов. Среди выпускников этих школ в Чувашии за первую пятилетку чуваша составили 53 процента. В Татарии среди окончивших школы ФЗУ за 1932—1936 гг. татары составляли 60 процентов и т. д.⁴⁰

Что касается системы организованного набора населения (преимущественно крестьянского) для работы в других республиках и областях страны, то она, вопреки утверждениям идеологов буржуазии, являлась не одним из проявлений несуществующей при социализме колонизаторской политики, а одной из форм планомерного использования избыточной рабочей силы. Выше уже говорилось о том, что для районов Среднего Поволжья и Урала до социалистической революции (да и позднее) было характерно аграрное перенаселение. Поэтому для сооружения многих крупных промышленных объектов и внутри и вне национальных автономий наряду с русскими рабочими использовались татарские, башкирские, чувашские и прочие рабочие. Так, рабочие нерусских народов региона участвовали в строительстве Магнитогорского металлургического комбината и Горьковского автомобильного завода, сооружении Днепрогэса и т. д. Эта работа требовала квалификации, поэтому нерусские рабочие должны были в ходе строительства приобрести ту или иную специальность. В итоге «сотни чувашей, Урала и Юга, возвращались домой квалифицированными рабочими»⁴¹. В ряде случаев практиковалась посылка нерусских

рабочих в промышленные районы в целях овладения определенной профессией. Например, посланцы Башкирии в годы довоенных пятилеток приобретали специальности бурильщиков, тормозчиков, операторов по добыче нефти и других, работая на нефтепромыслах Баку и Грозного⁴².

Фальсификаторский характер утверждений советологов ясен уже из непризнания ими действия таких важных социально-политических факторов, как равноправие трудящихся нерусских наций с русскими в любой точке Советского Союза и возможность повсюду выражать и защищать свои национальные интересы. Кроме того, уже в годы первых пятилеток для значительной массы рабочих было характерно наличие патристического стремления применить свои силы и способности там, где это более всего необходимо в целях укрепления могущества социалистической Родины.

В результате всех этих мер в автономных республиках и областях Среднего Поволжья и Урала быстрыми темпами формировался национальный рабочий класс. За период 1926—1940 гг. в границах соответствующих автономных республик удельный вес рабочих-мари в крупной промышленности возрос с 5,5 до 25 процентов, рабочих-татар — с 21 до 37,4 процента, рабочих-чувашей — с 8,2 до 45 процентов⁴³. В силу ряда объективных причин (значительной культурной отсталости, пережитков феодальных и патриархально-родовых отношений и т. д.) рост башкирского рабочего класса происходил более замедленными темпами: за время с 1928 по 1937 год удельный вес рабочих-башкир в крупной промышленности БАССР возрос с 6 лишь до 13,3 процента⁴⁴. Но и в данном случае тенденция к росту не вызывает сомнений. Поэтому утверждения советологов о том, что будто бы индустриализация республик Поволжья и Урала была делом рук одного русского рабочего класса, явно несостоятельна: создание индустриальной базы в них являлось итогом самоотверженной борьбы интернационального рабочего класса.

Об отношении трудящихся нерусских народов к социалистической индустриализации ярко свидетельствовало их участие в развернувшемся по всей стране социалистическом соревновании. В районе Среднего Поволжья и Приуралья развитие социалистического со-

ревнования прошло через те же формы и этапы, что и во всем Советском Союзе: производственные совещания, ударничество, наконец, стахановское движение. Темпы, которыми росло, например, стахановское движение в Чувашии, не вызывает сомнений в его всенародном характере: уже через год с небольшим оно охватило четвертую часть общего числа рабочих⁴⁵. В Башкирии стахановское движение получило сильное развитие, в частности, в цветной металлургии, где было занято значительное число рабочих коренной национальности. К началу 1940 г. по наиболее крупным предприятиям ценовой промышленности республики стахановцами и ударниками являлись уже более половины рабочих⁴⁶.

На примере республик Поволжья и Урала вновь подтвердилась правильность ленинской мысли о том, что социализм не может быть навязан народным массам силой, что новый общественный строй «могут ввести десятки миллионов, когда они научатся это делать сами»⁴⁷. Точно так же, как создание материально-технической базы социализма невозможно путем применения принудительного труда рабочих, оно невозможно в сельском хозяйстве путем насильственного объединения крестьян в колхозы, советологи же, изображая этот исторический процесс как «насильственный».

Буржуазной историографии, особенно в вопросах коллективизации сельского хозяйства, присуща антинаучная приверженность тенденциознейшим антисоветским концепциям. В самом деле, о какой «научности» концепций буржуазных историков может идти речь, если полностью вычеркивается история коллективизации до 1929 года, обходится молчанием вопрос о ее политических, социально-экономических и технических предпосылках, а начало массового колхозного движения изображается как результат мановения партией административной палочкой? При таких методологических посылках описание коллективизации превращается в рассказ о «принудительном» объединении крестьян в колхозы путем преодоления их «сопротивления». Изображение коллективизации в национальных районах СССР нередко дополняется указанием, что якобы создание колхозов было проявлением русификаторской политики...

Советологи умалчивают о том, что период с 1918 по 1929 год заполнен напряженной работой партии по подготовке к наступлению на устои капитализма в сельском хозяйстве. В этих целях проводились и политика ограничения и вытеснения кулака, и многочисленные мероприятия по материальной поддержке бедноты и середняков, по повышению их культурного и политического уровня, по организации и укреплению многоотраслевой системы кооперации, по созданию технической базы колхозного строя и т. д. Для буржуазных историков чужда мысль о том, что сплошная коллективизация явилась завершающим этапом классовой борьбы в деревне, что происшедший в конце 20-х годов перелом в темпах коллективизации в направлении их убыстрения стал возможным лишь в результате поворота середняцких масс крестьянства в сторону колхозов. Вместо этого все свое внимание буржуазные историографы сосредоточивают на допущенных в период массовой коллективизации перегибах и искривлениях партийной линии.

В данном вопросе идеологи буржуазии совершают двойную фальсификацию: с одной стороны, они пытаются выдать отдельные перегибы за саму партийную политику, одобренную ЦК, с другой стороны, фактически отвергают существование кулачества как классов (не случайно Г. Менде брал слово «кулак» в кавычки⁴⁸, а Е. Штраус утверждал, что якобы само определение «кулак» было придумано под влиянием пресловутых политических событий⁴⁹).

О существовании кулацкой прослойки в поволжской и уральской деревне говорилось в третьей главе. Она продолжала существовать до начала массовой коллективизации. В конце 20-х годов, например, в Татарии имелось около 20 тысяч кулацких хозяйств⁵⁰, в Башкирии свыше 18 тысяч хозяйств⁵¹, в Удмуртии — около 9 тысяч⁵². Как известно, кулачество всегда было злейшим врагом Советской власти. Оно оказывало ожесточенное сопротивление всем политическим и хозяйственным мероприятиям, проводившимся партией и Советской властью в деревне. Кулаки распространяли провокационные слухи, срывали хлебозаготовки, подкупали неустойчивых работников, пробирались в органы власти, убивали коммунистов и других представителей пе-

редовой деревни. В 1928 году на всю страну стало известно так называемое «Лудорвайское дело» в Удмуртии; в трех деревнях кулаки организовали чудовищную публичную порку 300 бедняков и середняков-активистов⁵³.

Отрицая классовую борьбу в деревне, советологи отвергают необходимость ликвидации кулачества как класса. Принуждение, осуществлявшееся органами Советской власти в отношении кулаков, они распространяют на все крестьянство. Б. Шпулер, например, писал о «сильном надрезе в жизни татар», якобы вызванном коллективизацией⁵⁴. Д. Крюгер изображает победу коллективизации как результат насильственного подавления чувашского крестьянства. Таким образом, осуществление партией программы социалистического переустройства деревни буржуазная историография преподносит как принудительное объединение трудовых крестьян «в большие группы», обязанные производить то, что диктовала (им) плановая экономика государства⁵⁵.

Точно так же многие буржуазные историки грубо извращают социально-экономические последствия строительства социализма для нерусских народов. Естественную миграцию населения, вызванную бурным развитием производительных сил страны, они отождествляют с принудительной миграцией, имевшей место в царской России. Ликвидацию противоположности между городом и деревней по национальному признаку вследствие их социалистического переустройства и формирования национального рабочего класса советологи изображают как процесс углубления этой противоположности. Усиление социальной однородности советских наций — результат ликвидации эксплуататорских классов идеологи буржуазии трактуют как их «раскол». Под пером наиболее оголтелых антисоветчиков все эти утверждения аккумулируются в один тезис о продолжающемся существовании «колониальных наций» в СССР.

Грубейшей фальсификацией истории является попытка Х. Сетона-Уотсона поставить знак равенства между методами и социально-экономическими последствиями индустриализации населенного индейцами штата Оклахома и социалистической индустриализацией Башкирии. Как известно, открытие нефти в Оклахоме привело

к выселению индейцев под вооруженным конвоем на непригодные для жизни человека земли в резервациях, лишению коренного населения прежних источников существования, их физическому истреблению. Индейские племена штата за двадцать лет потеряли около 5,9 миллионов га земли из принадлежавших им 6,5 миллионов га. Эти земли стали добычей белокожих поселенцев и спекулянтов⁵⁶. Что же касается истории открытия башкирской нефти, то освоение ее богатств происходило планомерно государственными предприятиями, при строгом соблюдении интересов коренного населения. Нефтяная эпопея в Башкирии, являвшаяся составной частью социалистического строительства, обусловила дальнейший подъем материального и культурного уровня башкирского народа, способствовала его национальному возрождению.

В конце семидесятых годов в США развернулась шумная пропагандистская кампания о так называемых «правах человека», направленная против социалистических стран и в первую очередь — Советского Союза. Советскому строю клеветнически приписывались многочисленные «нарушения» прав национальных меньшинств. Сами же пропагандисты США предпочитают умалчивать о страшных преступлениях, совершенных американским правительством в целях расчистки нового континента от его хозяев — индейских племен. В связи с этим советская печать отмечала: «Великая заокеанская демократия», обращенная к Старому свету возвышенным ликом «статуи свободы», строилась на костях аборигенов этой страны и привезенных в кандалах из-за тридевять земель чернокожих рабов»⁵⁷.

Ничего подобного не знает история социалистического строительства у народов Среднего Поволжья и Приуралья, которое привело к следующим важнейшим социально-экономическим последствиям:

а) ликвидации их экономической отсталости. Благодаря осуществлению политики социалистической индустриализации и коллективизации сельского хозяйства народы региона уже за годы довоенных пятилеток в основном уничтожили тот разрыв в хозяйственном развитии, который имелся у них накануне Великой Октябрьской социалистической революции по отношению к русскому народу;

б) изменению социальной структуры народов. В процессе социалистического строительства у всех народов региона были ликвидированы остатки эксплуататорских классов, сформировался рабочий класс, возникло колхозное крестьянство;

в) полному освобождению женщины от пут прошлого, вовлечению ее в производственную и общественную жизнь. Например, в Татарии к концу второй пятилетки удельный вес женщин в общем количестве рабочих составлял 49,9%⁵⁸. В Башкирии в крупной промышленности к концу второй пятилетки было занято около 14 тысяч женщин-работниц, причем они успешно трудились не только в легкой, но и в тяжелой промышленности⁵⁹. Во всех автономных республиках были достигнуты большие успехи в деле вовлечения женщин в общественное сельскохозяйственное производство, в том числе в качестве механизаторов;

г) ликвидации нищеты и необеспеченности трудящихся, резкому повышению материального уровня их жизни. Так, согласно данным, приведенным в книге У. Б. Белялова, в Татарии за 1925—1939 гг. среднемесячная зарплата рабочих поднялась с 43 до 277 руб., или более чем в 6 раз, в Марийской АССР — до 272 руб. и в Чувашской АССР — почти в пять раз⁶⁰. Подобные успехи были достигнуты и в других автономных республиках. В результате фактическое неравенство, существовавшее в этой области, было ликвидировано. Значительно повысилось и благосостояние колхозников. Успешно велась работа по ликвидации бескоровности колхозных дворов, увеличивались выдачи хлеба и денег на трудодни. Так, например, в Башкирской АССР в 1937 г. в среднем на колхозный двор было выдано хлеба в 5,2 раз больше, чем в 1932 г.⁶¹ В Мордовской АССР в 1938 г. многие колхозники, кроме зерна, получили по трудодням еще и значительную сумму денег⁶².

В ходе социалистического строительства значительно улучшились жилищные условия трудящихся. Это было особенно заметно в городах и рабочих поселках, где шло большое жилищное строительство. В результате рядом со старыми кварталами выросли новые, социалистические города в Казани, Уфе, Канаше, Ишимбаево и в др. В годы довоенных пятилеток были созданы также главные отрасли коммунального хозяйства

в городах — электростанции, водопровод, бани, гостиницы и пр.⁶³;

д) ликвидации социальных болезней. Резкое улучшение условий труда, быта и отдыха, развертывание широкой сети поликлиник, больниц, санаториев и домов отдыха привело к значительному сокращению, а в послевоенный период — и к полной ликвидации социальных болезней (тифа, туберкулеза, трахомы и т. п.).

Буржуазные социологи и историки не признают этих социально-экономических последствий, ибо иначе им пришлось бы признать превосходство нового, социалистического общественного строя над старым, капиталистическим. Одни из них по-прежнему, как Д. Крюгер, утверждают, что будто бы «основной жизненный уровень в Чувашии совершенно низок...»⁶⁴. Другие, подобно Г. Султану, признают «относительно высокий естественный рост основных тюркских групп», но объясняют его не национальной политикой Советского государства, а независимыми от нее объективными факторами⁶⁵. Лишь третьи, подобно А. Беннигсену, мимоходом отмечают, что советские мусульмане (т. е. представители тюркских народов) испытывают «удовлетворение достигнутым уровнем материального благополучия, равным, а иногда даже более высоким, чем у русских»⁶⁶. Но и в этом случае констатация высокого уровня благосостояния советских народов не превращается в признание преимуществ социалистического образа жизни перед капиталистическим. Буржуазная историческая наука, занимающая классовые позиции и отражающая интересы отживающего класса капиталистов, не в состоянии дать подлинно научную трактовку вопросов истории строительства социалистического общества.

§ 2. РЕВОЛЮЦИЯ В ОБЛАСТИ ИДЕОЛОГИИ И КУЛЬТУРЫ

Буржуазная историография истории народов Поволжья и Урала, в целом скупо освещающая процессы социалистической индустриализации и коллективизации в регионе, в то же время уделяет значительно больше внимания проблемам культурной революции. Это объясняется, по-видимому, прежде всего тем, что их трактовка, требующая комплексного рассмотрения целого

ряда вопросов — о соотношении формы и содержания, преимущественности и самостоятельности, взаимовлияния этнически родственных и неродственных культур и т. д. — дает советологам повод для конструирования каких угодно антисоветских концепций и, во-вторых, позволяет им использовать старый арсенал концепций, созданных в свое время эмигрантской историографией.

Подход буржуазных социологов и историков к вопросам культуры, как и к другим общественным явлениям, предопределен их идеалистическим мировоззрением. Подчеркивание решающего воздействия социально-экономических факторов на формировавшуюся буржуазную национальную культуру объявляется неубедительным, так как это был «в течение долгого времени назревавший процесс» и поэтому-де сводить его целиком к социально-экономическим факторам было бы односторонне и неправильно»⁶⁷.

Марксизм-ленинизм обосновал зависимость материальной и духовной культуры общества от развития способов производства. Еще в «Немецкой идеологии» К. Маркс и Ф. Энгельс писали о том, что «не сознание определяет эту жизнь, а жизнь определяет сознание»⁶⁸. Развивая и углубляя эту мысль, К. Маркс позднее отмечал, что «способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще»⁶⁹. Этот гениальный вывод основоположников марксизма-ленинизма общепризнан всем прогрессивным человечеством. Конечно, он вовсе не означает, как это утверждают советологи, что будто бы марксизм игнорирует действие других общественных факторов. В таком случае марксизм отрицал бы преобладание в вопросах развития культур, чего на самом деле нет.

В вопросах истории культурной революции общей и для буржуазной, и для эмигрантской историографии отправной точкой является тезис о том, что якобы Коммунистическая партия и Советское правительство не были заинтересованы в развитии национальных культур нерусских народов, что они относились к данной проблеме в лучшем случае терпимо. Искажая подлинный смысл высказываний В. И. Ленина о национальной культуре, относящихся к дореволюционному периоду, буржуазные историки и социологи приписывают ему

отрицательное отношение к национальной культуре вообще. Так, американский социолог А. Лоу пишет, что будто бы Ленин «никогда не стал энтузиастом насчет поощрения национальных культур»⁷⁰.

Известно, что в 1913 году в полемике с бундовцами В. И. Ленин назвал лозунг национальной культуры буржуазным лозунгом⁷¹. Эта ленинская оценка исходила из классового содержания национальной культуры, которая в условиях капитализма призвана была обслуживать в первую очередь эксплуататорские классы. Но Ленин в полемике совершенно не ставил вопроса о классовом содержании национальной культуры после победы социалистической революции. Поэтому ленинскую оценку недопустимо распространять на национальные культуры вообще, безотносительно к их классовому содержанию.

Подобные попытки, имевшие место среди некоторых членов партии в послеоктябрьский период, были осуждены И. В. Сталиным, в политическом отчете XVI съезду партии. Напомнив о том, что в борьбе против лозунга национальной культуры В. И. Ленин «ударял по буржуазному содержанию национальной культуры, а не по ее национальной форме» и что он «никогда не рассматривал социалистическую культуру как культуру безнациональную», И. В. Сталин в полном соответствии с действительностью охарактеризовал период строительства социализма в СССР как «период расцвета национальных культур, социалистических по содержанию и национальных по форме...» По адресу отдельных национальных культур, социалистических по содержанию членов партии, отрицавших лозунг национальной культуры при социализме и допускавших тем самым уклон в сторону великорусского шовинизма, Генеральный секретарь ЦК партии сказал: «Они, очевидно, не понимают, что развитие национальных культур должно вернуться с новой силой с введением и укоренением общеобязательного первоначального образования на родном языке. Они не понимают, что только при условии развития национальных культур можно будет приблизить по-настоящему отсталые национальности к делу социалистического строительства»⁷².

Концепция о невозможности существования национальной культуры при социализме довольно часто

встречается в буржуазной историографии. Ее разделял, например, Г. Менде. Выступая против формулы И. В. Сталина о том, что культура каждого народа при социализме является национальной по форме и социалистической по содержанию, буржуазный историк писал: «Стремление вложить в национальную культуру социалистическое, т. е. ненациональное, соответствующее политической классовой доктрине Коммунистической партии, содержание **есть противоречие в самом себе** (подчеркнуто мною.— Авт)». Это утверждение Менде подкреплял следующим «доводом», который, по его мнению, являлся неотразимым: «Форма и содержание национальной культуры взаимно обуславливают друг друга. Коммунизм, который хочет определять содержание национальной культуры, должен также насильственно разбить национальную форму»⁷³.

Здесь мы видим попытку идеалистической трактовки проблемы соотношения формы и содержания. Марксизм-ленинизм доказал, что хотя форма активно воздействует на содержание,— может ускорить его развитие, а может и задержать — она не в состоянии его изменить. В то же время новое содержание может использовать старую форму, не ломая ее. Это положение марксизма-ленинизма имеет прямое отношение к пониманию сущности культурной революции в национальных республиках и областях.

Идеологи буржуазии абсолютизируют национальную форму культуры. Они не ставят вопроса о классовом содержании этой культуры. В изображении буржуазных авторов национальная культура предстает раз и навсегда данной и, если и развивающейся, то лишь в количественном, но не в качественном отношении. Поэтому буржуазной социологии чужда сама постановка вопроса о закономерности совершения пролетариатом коренного переворота не только в политической и социально-экономической областях, но и культурной революции, т. е. революции в умах, сознании, идеологии масс. Она не приемлет идеи о том, что «основная цель культурной революции — выработка социалистического сознания, воспитание человека новой эпохи»⁷⁴.

Не понимая сущности культурной революции, идеологи буржуазии не в состоянии с научных позиций ответить на вопрос о времени ее начала. Одни из них,

как, например, Г. Султан, связывают начало культурной революции среди тюркских народов страны с деятельностью националистической джадидской буржуазии⁷⁵. Тем самым ограниченной по целям и масштабам деятельности буржуазных реформаторов приписывается громкое название «революционной». Другие, как, например, Г. Менде, видят начало культурной революции в событиях, связанных с разгромом контрреволюционной султангалиевщины⁷⁶. В результате начало культурной революции отодвигается с октября 1917 года на конец 20-х годов, а сама она приравнивается к репрессивным мерам, якобы осуществлявшимся партией и Советским государством в отношении тюркских народов страны после разоблачения группы Султан-Галиева.

Вообще в глазах значительного числа буржуазных историков и социологов культурная революция в СССР носила преимущественно разрушительный характер. В итоге отрицается ее главная задача — воспитание человека социалистического общества и, во-вторых, обходится вопрос о преемственности социалистической культуры с демократическим наследием дореволюционной культуры.

Известно, что В. И. Ленин обосновал тезис о наличии в каждой национальной культуре в антагонистическом обществе двух культур — демократической и социалистической (в виде элементов) и буржуазно-черносотенной и клерикальной (в виде господствующей культуры)⁷⁷. Поэтому задача марксистов, учил В. И. Ленин, заключается не в огульном отрицании дореволюционной культуры, а в ее критической переработке и усвоении ее демократического наследия. «Пролетарская культура, — говорил он, — не является выскочившей неизвестно откуда, не является выдумкой людей, которые называют себя специалистами по пролетарской культуре. Это все сплошной вздор. Пролетарская культура должна явиться закономерным развитием тех запасов знания, которые человечество выработало под гнетом капиталистического общества, помещичьего общества, чиновничьего общества»⁷⁸.

Эти высказывания В. И. Ленина применимы и к национальным культурам нерусских народов Поволжья и Урала — с той оговоркой, что накануне социалистической революции буржуазная культура как таковая

имелась у одних татар, а у других народов элементы такой культуры находились в процессе формирования. В конце прошлого — начале нынешнего века наряду с устным творчеством у всех народов региона стала развиваться национальная литература, появились отдельные профессиональные писатели, музыканты, художники и т. д. Однако, к моменту Октябрьской революции из-за шовинистической политики русского царизма и буржуазии национальная литература и искусство народов не достигли сколько-нибудь высокой ступени развития (за исключением татар, у которых была довольно развитая национальная литература). Поэтому в процессе культурной революции в целом перед нерусскими народами Среднего Поволжья и Приуралья стояла задача критической переработки не столько буржуазной, сколько добуржуазной, феодальной культуры, отягощенной к тому же патриархально-родовыми пережитками. Например, перед удмуртскими трудящимися стояла задача покончить с кенешем — религиозно-родовым советом, часто являвшимся влиятельным инструментом в руках кулачества и задерживавшим экономическое и культурное развитие трудовой деревни. В связи с этим бюро Удмуртского обкома ВКП(б) в апреле 1931 года приняло тезисы «О борьбе с кулацким контрреволюционным кенешем», в которых подчеркивалась необходимость избавления трудящихся от этого пережитка родового строя⁷⁹. В Башкирии под руководством областной партийной организации решалась задача перехода населения горно-лесных районов от полукочевого скотоводства к полеводству⁸⁰. Важной составной задачей культурной революции во всех автономных республиках и областях региона, как и в других районах страны, являлось преодоление влияния религии, в частности, ислама, на трудящиеся массы.

Некоторые буржуазные историки (Г. Менде, Ч. Хостлер) рассматривали ислам как неразрывную составную часть национальной культуры тюркских народов СССР⁸¹, другие (С. Зеньковский) отличают национальное сознание от религиозного, указывая, что «осуждение (Советским правительством. — Авт.) духовного господства ислама над частью русских тюрков не предполагало necessarily их денационализации или даже ослабления их национальных чувств»⁸². Тем не менее буржуазные

историки, затрагивая вопрос об атеистической пропаганде в СССР в 20—30-х годах, как правило, неодобрительно отзывались о ней и часто сводят ее к насильственным запретительным мерам.

Принципиальное отношение марксистско-ленинской партии к религии известно. «Религиозное убожество есть в одно и то же время выражение действительного убожества и протест против этого действительного убожества. Религия — это вздох угнетенной твари, сердце бессердечного мира, подобно тому как она — дух бездушных порядков. Религия есть опиум народа»⁸³, — писал в одном из своих первых произведений К. Маркс. В. И. Ленин называл религию «врагом культуры и прогресса», который держится тысячелетия...⁸⁴. Поэтому Коммунистическая партия, руководя культурной революцией, не могла, конечно, оставлять трудящиеся массы под влиянием религиозного дурмана. При этом В. И. Ленин учил видеть разницу между буржуазной и социалистической борьбой с религией: если первая в лучшем случае ограничивалась объявлением религии частным делом для государства, то вторая шла гораздо дальше⁸⁵. Как говорилось в программе 1919 г., «партия стремится к полному разрушению связи между эксплуататорскими классами и организацией религиозной пропаганды, содействуя фактическому освобождению трудящихся масс от религиозных предрассудков и организуя самую широкую научно-просветительскую и антирелигиозную пропаганду»⁸⁶.

Следовательно, культурная революция была направлена против чуждых рабочему классу и всем трудящимся взглядов и традиций, она всегда отличалась идейной заостренностью. Однако не всегда и не все советские ученые подчеркивают в своих работах эту идеологическую направленность культурной революции. Так, например, на Всесоюзном симпозиуме в Ташкенте в 1970 году, обсуждавшем вопрос «Ленинизм и развитие социалистической культуры», некоторые советские историки были подвергнуты довольно-таки серьезной критике за то, что они сводили ленинскую теорию культурной революции лишь к преодолению общей культурной отсталости России, ликвидации неграмотности и малограмотности, росту сети школ, вузов, науки, культурно-просветительских и художественных учреждений

и т. п.⁸⁸. Такой же упрек может быть сделан и в адрес редакций и авторских коллективов обобщающих трудов по истории Башкирии и Татарии — «Очерков по истории Башкирской АССР» (т. II) и «Истории Татарской АССР» (т. II), в которых, в отличие от аналогичных трудов по истории Азербайджана и Узбекистана⁸⁹, совершенно замалчивается борьба партийных и советских органов за преодоление чуждых трудящимся религиозных взглядов. Надо полагать, в последующих изданиях названных трудов этот пробел будет устранен. Это тем более важно, что в сочинениях буржуазных авторов трактовка данного вопроса носит антинаучный, клеветнический характер.

Так, в работе, специально посвященной исламу в Советском Союзе, В. Коларз отмечал, что коммунисты якобы из тактических соображений воздерживались от гонений на мусульманскую религию до начала реконструктивного периода, что в 1928 году началось, как он выражается «атеистическое наступление», которое «достигло своей полной силы в 1929 году»⁹⁰. Б. Шпулер писал о том, что «Советское правительство вело борьбу против религии... со всей остротой... Многочисленные мечети в городе и деревне были закрыты, множество их было также снесено...»⁹¹

Большинство буржуазных историков умалчивает о многогранной деятельности партийных и советских органов по атеистическому воспитанию трудящихся, развернутой с первых лет Советской власти⁹², чтобы изобразить в драматических тонах борьбу против религиозного дурмана в конце 20-х — начале 30-х годов. В результате мероприятия по атеистическому воспитанию трудящихся вырываются из общего контекста классовой борьбы в стране, которая достигла особой остроты именно в тот период. Между тем известно, что в момент, когда началось решительное наступление трудящихся на капиталистические элементы города и деревни, служители культа в своей основной массе выступили на стороне классовых врагов и тем самым еще раз разоблачили себя как их идейные защитники. Во-вторых, закрытие церквей и мечетей производилось местными органами власти, как правило, по добровольному согласию самих верующих, которые одновременно выносили решения об использовании молельных домов в

качестве школ, клубов и т. д. И хотя тот же Коларз позволяет иронизировать себе насчет «добровольности» этих решений, намекая на допускавшиеся перегибы в данном вопросе⁹³, факт остается фактом: секуляризация имущества церквей, мечетей, монастырей, синагог и т. д. была проведена Советским государством при поддержке самих верующих, а допущенные при этом перегибы были осуждены партией. В качестве аргумента в подтверждение первого тезиса можно использовать хотя бы постановление общего собрания рабочих-татар завода им. Вахитова, состоявшегося в августе 1932 года, в котором в ответ на клеветнические измышления белоэмигрантской печати о мнимых «гонениях» на религию говорилось: «Мы открыто заявляем всему миру, что в Советском Союзе, в том числе и у нас в Татарии,— полная свобода для вероисповедания и никакого гонения на религию и верующих не существует»⁹⁴. Для доказательства непричастности партии и Советского государства к отдельным перегибам в вопросе о закрытии церквей и мечетей достаточно напомнить о постановлении ЦК ВКП(б) от 14 марта 1930 г. «О борьбе с искривлениями партлинии в колхозном движении», в котором официально осуждалась подобная практика⁹⁵.

Особенно часто вопрос о борьбе партии с религиозными предрассудками затрагивается советологами в плане показа сущности реформы письменности, осуществленной в целом ряде национальных республик в 20—30-х годах. При этом в работах многих буржуазных историков изображение этого процесса производится с точки зрения теории «насилия».

В первую очередь фальсифицируются цели, характер и методы реформы письменности, проведенной в конце 20-х — начале 30-х годов и получившей название латинизации. По утверждению Б. Шпулера, цель этой реформы, в результате которой каждый тюркоязычный народ получил свою письменность, состояла якобы в том, чтобы затруднить «письменное сообщение волжских тюрков между собой и с другими говорящими по-тюрки народами...»⁹⁶ И. Бенцинг рассматривал латинизацию письменности как «тяжелый удар для тюркского народа...»⁹⁷ С. Зеньковский, указывая на то обстоятельство, что «Советское правительство благословило

развитие новых тюркских литературных языков, основанных на местных диалектах, и новые тюркские алфавиты, грамматики, буквари и литературы росли, как грибы, начиная с двадцатых годов», прямо обвиняет его в проведении политики «Разделяй и властвуй»⁹⁸.

В Коларз, стремясь подчеркнуть якобы насильственный характер осуществленной в Советском Союзе реформы письменности, сравнивает его с аналогичным процессом в Турции. В Турции, пишет он, латинизация была проведена турецкой партией, поддержанной большей частью народа. В Советском Союзе же латинизация была навязана тюркским и другим народам «центральной властью с преобладанием русских при сотрудничестве только с секцией местных коммунистов». Английский советолог особенно недоволен деятельностью Всесоюзного Центрального Комитета нового тюркского алфавита (ВЦК НТА), который-де «не советовал и не рекомендовал, а просто приказывал...»⁹⁹

Буржуазные историки, критикующие реформу по латинизации письменности в Советском Союзе, фактически выступают с позиций мракобесов-панисламистов и пантюркистов. Известно, что еще во второй половине XIX — начале XX века передовые представители интеллигенции тюркских народов неоднократно ставили вопрос о замене арабского алфавита латинским. В Азербайджане это были М. Ф. Ахундов и М. Шахтахтинский, в Персии — Мирза Малькум-хан, в Поволжье — С. Рамиев и др. Накануне первой мировой войны албанцы, освободившись из-под чужеземного ига, немедленно осуществили введение латинского алфавита вместо неудобного и тяжелого арабского алфавита¹⁰⁰. Однако в России сильное влияние реакционного духовенства и панисламистов, игравших на темноте трудящегося населения и его религиозных чувствах, препятствовало сторонникам прогрессивных тенденций в осуществлении давно назревшей реформы письменности. Поэтому не удивительно, что сразу же после победы социалистической революции в России долго сдерживавшаяся инициатива прогрессивных слоев интеллигенции должна была найти себе выход. В Якутии появился латинизированный алфавит С. Новгородова, а правительство Советского Азербайджана в 1922 году по собственной инициативе приступило к замене арабского алфавита

латинским. Эти шаги В. И. Ленин оценил как великую революцию на Востоке¹⁰¹.

Объясняя объективную необходимость перехода тюркских и ряда других народов на латинский алфавит, председатель ВЦК НТА С. А. Агамали-оглы писал: «Вопрос замены арабского алфавита другим является вопросом преодоления старой идеологической надстройки, отжившей, тормозящей движение вперед к культуре. Мертвый хватает живого! Никто не станет отрицать значение в свое время арабской культуры. В эпоху расцвета ислама арабы сыграли огромную и положительную роль в жизни целого ряда народов Востока... Но, по мере того, как задерживалось экономическое и культурное развитие Востока, по мере того, как рос европейский капитализм и поработал народы Востока, арабская, исламская культура, созданный ею алфавит, все более и более становились тормозом, балластом, орудием эксплуатации и средством держать массы в поголовной неграмотности и невежестве, воспитывая их на мертвой и бесполезной схоластике»¹⁰².

Советский языковед Н. Юзбашев указывал на четыре основных неудобства арабского алфавита при пользовании им: во-первых, из 28 букв лишь 16 имеют самостоятельную форму начертания, а остальные отличаются друг от друга лишь диакритическими точками; во-вторых, каждая буква, в зависимости от местоположения в слове, имеет несколько форм изображения; в-третьих, для передачи различных оттенков произношения существует несколько различных букв и, в-четвертых, арабский алфавит не имеет гласных букв¹⁰³. Эти особенности арабского алфавита делали невозможным пользование пишущими машинками, они замедляли работу наборщиков типографий, сильно усложняли дело обучения населения грамоте. Не случайно даже печать буржуазной Турции, которая до конца 1928 года также пользовалась арабским алфавитом, отмечала слабую читаемость книг и газет и наличие огромного количества неграмотных в стране (свыше 80 проц. населения)¹⁰⁴.

Вопреки утверждениям советологов, движение за латинизацию совершенно свободно развивалось в СССР вглубь и вширь, оно захватывало все новые нации и народности: в 1924—1925 гг. — большинство народностей

Северного Кавказа, примерно тогда же — башкир, киргизов и туркмен. О добровольном характере перехода народов Союза на новую письменность свидетельствовал весь ход работ Первого Тюркологического съезда, созванного общественностью советских республик Востока в Баку в 1926 году. Большинство в 101 голос (из которых лишь 6 голосов принадлежали русским товарищам¹⁰⁵) над 7 голосами при 9 воздержавшихся съезд заявил, что он «считает введение нового алфавита и метод его проведения в отдельных тюрко-татарских республиках и областях делом каждой республики и каждого народа»¹⁰⁶. О том, что латинский алфавит не навязывался ни одному из народов, свидетельствовал переход на него чувашей и якутов, которые до революции пользовались русским алфавитом¹⁰⁷.

В буржуазной историографии встречаются попытки дать антисоветскую окраску неправильной позиции, занятой некоторыми представителями татарской интеллигенции по отношению к новому алфавиту (яналифу). По утверждению В. Коларза, якобы «борьба против большевизма и Советской власти в Татарии, приобретала в большей степени характер ожесточенной и длительной борьбы против нового латинского алфавита и за сохранение арабского алфавита»¹⁰⁸. Это стремление приписать татарской интеллигенции в целом, в том числе и рабоче-крестьянской, антисоветские устремления лишний раз характеризует тенденциозность английского советолога.

Председатель Всесоюзного Центрального Комитета Нового Тюркского Алфавита тов. С. А. Агамали-оглы, объясняя причины более замедленного перехода Татарии на яналиф, указывал на наличие в республике более развитой культуры на арабском алфавите, более высокого, чем в других национальных республиках, процента грамотных на нем (более 30 проц.), развитой полиграфической базы и, наконец, реформированного в начале 20-х годов арабского алфавита, создававшего иллюзию возможности успешного решения задач культурной революции. Среди части татарской интеллигенции существовало также опасение, что переход на яналиф может нарушить преемственность между национальными литературами прошлого и настоящего¹⁰⁹. Такие опасения могли существовать в Татарии лишь на

основе недостаточно четкого понимания некоторыми товарищами вопроса о преемственности между создавшейся социалистической культурой и демократическими элементами культур прошлого.

Буржуазные историки умалчивают о том, что после Первого Всесоюзного Тюркологического съезда, продемонстрировавшего несомненную перспективность многомиллионного движения за латинизацию, произошел перелом в отношении к яналифу и у ранее скептически настроенной части татарской интеллигенции. III-й Пленум ВЦК НТА, состоявшийся в декабре 1928 года в Казани, констатировал наличие «достигнутых благоприятных условий в ТР (Татарской Республике.— Авт.), необходимых для более ускоренного темпа работы по проведению яналифа в жизнь...» На пленуме отмечались «большие успехи в области практического проведения в жизнь нового алфавита, имеющиеся во всех без исключения республиках, принявших новый алфавит...»¹¹¹

В свете процитированных выше документов хорошо видна вся беспочвенность учреждений буржуазных советологов о том, что якобы латинский алфавит был навязан советским народам силой «русским» Советским правительством. Что касается решений ВЦК НТА, то, вопреки измышлениям идеологов буржуазии, они до конца 20-х годов не имели обязательной правовой силы и исполнялись в силу авторитетности членов данного учреждения среди восточных народов СССР. Директивным органом ВЦК НТА стал лишь после выхода в свет постановления ЦИК и СНК СССР «О новом латинизированном алфавите народов арабской письменности Союза ССР» от 7 августа 1929 года, которым закреплялась победа нового алфавита над старым.

Реакционные буржуазные авторы совершают грубую фальсификацию истории, приписывая восточным народам СССР в целом негативное отношение к латинскому алфавиту. Не народы как таковые, а лишь представители отживающих эксплуататорских классов, служители культа и контрреволюционная эмиграция встретили в штыки идею о необходимости перехода на новый алфавит. В частности, представители духовенства распространяли среди населения различные слухи, чтобы помешать переходу трудящихся на яналиф. Так, узбекские муллы объяснили происшедшее в 20-х годах

землетрясение в Намангане «господним гневом» по поводу отказа мусульман от «священного» арабского алфавита»¹¹². Против введения латинского алфавита была настроена и выражавшая коренные интересы эксплуататорских классов татарская белая эмиграция. Проживавший в то время в Турции идеолог татарского национализма антисоветчик Г. Исхаки в 1925 году опубликовал в журнале «Тюрк-Юрду» ряд статей под общим названием «Возможно ли создать единый для тюркских племен литературный язык?» Пытаясь доказать существование единой тюркской культуры, пантюркист тем самым отрицал существование отдельных национальных культур¹¹³. В связи с началом латинизации письменности Исхаки пытался обвинить большевиков в намерении «путем создания ряда алфавитов разложить тюрков духовно...»¹¹⁴ Как видят читатели, утверждения Б. Шпулера, И. Бенцинга, С. Зеньковского и других буржуазных историков о мнимой политике «Разделяй и властвуй», якобы нашедшей свое выражение в реформе письменности и создании национальных алфавитов для каждого тюркского народа СССР в отдельности, имеют своим источником сочинения Г. Исхаки и других подобных ему пантюркистов-мракобесов.

Некоторая часть буржуазных историков признает прогрессивный и демократический характер проводившейся в СССР реформы письменности. Г. Имарт, например, отмечал ее революционную сущность, указывая, что новый алфавит символизировал революцию, разрыв тюркских народов с их прошлым. «Эту роль латинский алфавит превосходно сыграл для большинства народов СССР. Для мусульманских народов бывшей империи,— пишет Имарт,— он символизировал успех требований, сформулированных за столетие (до этого.— Авт.) лучшими представителями национальной интеллигенции: Мирзой Фатали Ахундовым, Чоканом Валихановым, Ибраем Алтынсариним, Абаем Кунанбаевым и всеми теми, что в контакте с русскими интеллигентами в Тифлисе, в Казани, Уфе и Оренбурге уже давно обдумывал способы, как вытасщить восточные народы из состояния оцепенения»¹¹⁵. Т. Виннер рассматривает реформу письменности в СССР в контексте мероприятий Советского правительства по ликвидации неграмотности среди восточных народов. Он констати-

рует, что в процессе реформы борьба шла не между Советским правительством и нерусскими народами, а «между сторонниками латинской реформы и их оппонентами...», т. е. внутри самих народов. Английский историк признает, что «движение за латинизацию» носило характер свободного обмена мнениями, что принятие унифицированного латинского алфавита произошло «после значительной дискуссии...», во время которой каждый звук и каждая буква были обсуждены в комитетах и приняты голосованием на пленарной сессии». Как результат, все нации СССР к 1936 году имели свои национальные алфавиты¹¹⁶. Е. Кутаисова считает переход нерусских народов на латинский шрифт первым шагом в направлении упрощения их алфавита и облегчения обучения масс искусству чтения и письма¹¹⁷.

Тенденция к признанию целесообразности латинизации письменности советских народов можно считать ведущей в буржуазной историографии послевоенного периода. Что касается эмигрантской историографии, то в ней по-прежнему преобладают концепции, созданные еще в двадцатых-тридцатых годах. Однако, не все эмигрантские историки отваживаются ныне преподнести старые антисоветские концепции в прежнем виде, они стараются придать им наукообразный, «академический» вид. Так, например, Т. Давлетшин, в отличие от Г. Исхаки, А. Баттала-Таймаса¹¹⁸ и А. Акыша¹¹⁹, сыпавших проклятия по поводу введения латинского алфавита, явно стремится избежать обвинений в защите обскурантизма. Заявляя, с одной стороны о том, что якобы реформированный арабский алфавит вполне соответствовал интересам развития национальной культуры и что вследствие латинизации письменности подавляющее большинство тюркского народа будто бы «вдруг превратилось в неграмотную массу»¹²⁰, Давлетшин, с другой стороны, учитывает, что в принципе то же самое негативное последствие можно приписать любой реформе письменности — предлагавшейся джадидами в до-революционной России или осуществленной в Турции в конце 20-х годов. Поэтому антисоветчик пытается создавать впечатление, что вообще-то он мог бы согласиться с переходом на латинский шрифт, если бы не советский режим, который-де рассматривал латиниза-

цию как средство «лишить его (т. е. татарский народ.— Авт.) способности сопротивляться русификации»¹²¹.

Точка зрения Давлетшина не оригинальна: он заимствовал ее у реакционных буржуазных историков, которые, подобно В. Коларзу, считают, что введение латинского алфавита, подорвав влияние мусульманской религии на национальные культуры тюркских народов, тем самым подготовило почву для «алфаветической русификации» (так Коларз называл переход на русскую письменность, осуществленный в СССР в 1939—1940 годах)¹²².

Концепция Коларза явно носит на себе отпечаток породивших ее времен «холодной войны». Антинародные цели нагнетания напряженности в международных отношениях заставляли буржуазных идеологов использовать все средства, в том числе идти на самую низкопробную клевету и ложь. В те годы стало «модным» подчеркивать мнимую преемственность между национальными политиками царской России и Советского правительства. Отсюда делался вывод о «русификаторской» сущности реформы письменности накануне Великой Отечественной войны. Так, тот же Коларз утверждал, что она якобы «означала победу русской цивилизации, о которой царская Россия никогда не могла даже мечтать»¹²³. С. Вурм писал, что будто бы «замена латинской письменности новыми русскими алфавитами была важным шагом по направлению к русификации...»¹²⁴ и т. д.

Однако не все буржуазные историки и филологи дали ввести себя в заблуждение империалистическим тезисом о принудительном навязывании нерусским народам СССР русского языка. Некоторые из них считают актуальной проблему использования в многонациональном государстве одного из языков в качестве инструмента межнационального общения. «В целом вопрос о переходе на кириллицу является очень важным и много обсуждавшимся вопросом...»¹²⁵, — отмечает Виннер. Он приводит аргументы члена ВЦК НА профессора Б. Гранде, который отмечал, что «с ростом культурного уровня народов СССР латинизированный алфавит перестал удовлетворять потребности развития языков. Он не обеспечивал всех условий к сближению с культурой великого русского народа». В условиях

усиления интереса к изучению русского языка нерусскими народами СССР было «гораздо целесообразнее иметь одну алфавитную основу для двух языков — родного и русского»¹²⁶. Имарт подчеркивал, что «с точки зрения строго лингвистической ничто не позволяло предпочесть латинский алфавит кириллице... Более богатый знаками, русский алфавит позволял сократить число диакретических знаков и положить конец техническим трудностям»¹²⁷. Кутаисова справедливо усматривает одну из причин возрастания роли русского языка как орудия межнационального общения и сотрудничества в широком распространении технического образования в СССР. Отметив отсутствие до революции научной терминологии в языках многих народов Союза, Кутаисова приходит к выводу, что «экспансия технического и специального образования среди менее развитых национальностей делало массовое заимствование русских научных терминов совершенно неизбежным... Элементарные учебники по химии на марийском языке или по физической географии на мордовском языке должны были пользоваться русскими заимствованиями для (обозначения слов.— Авт.) «кислота» и «щелочь» и даже «производство», «фабрика», «остров» и «мост»¹²⁸.

Английский историк признает, что благодаря распространению среди нерусского населения языка межнационального общения «чукчи могут читать «Манас», а карелы — произведения Руставели на русском языке». В то же время Кутаисова оговаривается, что ознакомление с культурными достижениями нерусских народов через посредство русского языка — «не самый лучший путь познания поэзии других наций...»¹²⁹

Таким образом, хотя некоторые буржуазные историки и филологи и пытаются ставить вопрос о том, почему среди языков народов СССР именно русский язык в наибольшей степени отвечал требованиям, предъявляемым к межнациональному языку, но отвечают на него односторонне, сводя в основном к наличию литературы и разработанной научной терминологии. В результате остается невыясненным целый ряд внутренних достоинств русского языка: слабая выраженность в нем диалектных различий, близость народно-разговорного

и литературного языков, близость произношения и письма и др.¹³⁰

Буржуазная историография далека также от признания глубокой принципиальной разницы между дореволюционным влиянием русского языка на языки соседних народностей и между влиянием русского языка на языки народов СССР в условиях социализма. Буржуазные социологи и историки сбрасывают со счетов существенное влияние социальных факторов на взаимоотношения языков, которые не могут быть одинаковыми в условиях антагонизма наций и в условиях дружбы народов. В итоге обходится молчанием то важное обстоятельство, что в период социализма происходит процесс не просто влияния одного (в данном случае русского) языка на другие, а процесс взаимовлияния и взаимобогащения языков. А «взаимобогащение — процесс двусторонний, т. е. это такой вид взаимодействия языков, при котором обогащаются все контактирующие языки»¹³¹.

Наконец, об отношении буржуазных историков к оценке такого важного социального последствия культурной революции в СССР, как формирование у всех нерусских народов своей национальной интеллигенции. Одни идеологи буржуазии изображали его как якобы происходившее «несмотря на все препятствия Советской власти...»¹³². Другие видят в нем результат стихийного процесса культурного и технического развития наций¹³³. Третьи, не отрицая роли Советского государства в создании национальной интеллигенции нерусских народов, указывают в то же время, что за этот успех они якобы заплатили потерей «личной свободы»¹³⁴. Вследствие этого замалчивается или извращается сущность огромной работы Коммунистической партии в ликвидации неграмотности масс, в создании во всех республиках Поволжья и Урала еще в годы довоенных пятилеток средних специальных и высших учебных заведений, прежде всего для подготовки национальных кадров, в формировании творческой интеллигенции из представителей трудящихся самих нерусских народов.

Если бы американский филолог Д. Крюгер, выдвинувший концепцию о «цене» культурной революции у чувашей, был объективным исследователем, он не прошел бы мимо констатации в советской исторической

литературе того факта, что «именно свободное развитие чувашского народа привело к бурному расцвету его материальной и духовной культуры, к всестороннему обогащению его национального характера»¹³⁵. Прежде всего, в советское время среди чувашей появились ученые различных специальностей, которые вносили и вносят ценный вклад в советскую науку. К началу 1965 г. в СССР насчитывалось свыше тысячи научных работников из чувашей¹³⁶. Далее. Октябрьская революция, освободившая от социального и национального гнета также чувашский народ, породила у него огромную тягу к литературе и искусству. Художественная литература народа, насчитывавшего до социалистической революции единицы писателей, развилась в советский период в зрелую многожанровую литературу, вышедшую на всесоюзную арену. Больших успехов добилась музыкальная культура, которая прошла путь от простых песенных форм до оперетт и опер. Лишь после октября 1917 года зародилось и стало быстро развиваться чувашское профессиональное театральное искусство. Аналогичных успехов в развитии национальной культуры добились и другие народы Поволжья и Урала. Если бы чуваша не имели, как утверждает Крюгер, возможности для свободного творчества в советском обществе, то они никогда не добились бы подобных успехов. Спрашивается, почему же негритянский и индейский народы США не могут достичь тех же успехов в развитии своей культуры, что и чувашский народ в СССР? Ответ может быть лишь один: именно потому, что американский империализм не дает малым народам страны той самой свободы, о необходимости которой распинается Крюгер.

Отдавая, по-видимому, отчет себе о том, что огульное отрицание существования многочисленной национальной интеллигенции у нерусских народов СССР — слишком примитивный прием в условиях современной идеологической борьбы, буржуазные советологи, как правило, стали указывать на ее наличие. Так, Г. Султан вынужден признавать, что в Советском Союзе «национальные кадры... более многочисленны сегодня, чем в прошлом, и по своему образовательному уровню они уравнились с русскими...»¹³⁷ А. Беннигсен и Ш. Келькеже пишут о существовании у тюркских (они

называют их мусульманскими) народов в СССР «правлящей элиты». Однако, антикоммунистическая и антисоветская направленность сочинений большинства буржуазных авторов приводит их не к тем выводам, которые мог бы сделать объективный исследователь. Так, французские историки довольно прозрачно намекают на возможность борьбы «мусульманской» интеллигенции за захват всех ключевых позиций в «своих» национальных республиках¹³⁸. На аналогичную перспективу указывает и Г. Султан¹³⁹. Искажая подлинно народную природу национальной интеллигенции, Д. Крюгер клеветнически причисляет писателей, артистов, председателей колхозов, «правительственных» директоров и должностных лиц к «новому дворянству советского общества»¹⁴⁰. Тем самым отрицается социалистическая сущность советской народной интеллигенции и социалистический характер осуществленной под руководством Коммунистической партии культурной революции в СССР.

§ 3. РАЗРЕШЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ВОПРОСА

Осуществление ленинской национальной политики КПСС увенчалось полным успехом. С этим утверждением не может не согласиться любой объективный исследователь истории национальных отношений в СССР.

На самом деле, в нашей великой стране навсегда уничтожены социальный и национальный гнет, деление на русских и «инопородцев». Но дело не ограничивалось лишь провозглашением правового равенства наций. Благодаря последовательной и неустанной деятельности Коммунистической партии ликвидирована былая политическая, экономическая и культурная отсталость наций и народов, достигнуто их фактическое равенство. Это означает, что все советские нации приобрели реальную возможность приобщиться к государственному строительству, освоить различные области хозяйственной деятельности, выйти на передовые позиции в развитии своих национальных культур. Итогом огромных социально-экономических и культурных преобразований явилось формирование социалистических наций и народностей¹⁴¹.

В свою очередь, изменение социальной сущности

наций обусловило возникновение новых закономерностей, определяющих их взаимоотношения. Преодолены пережитки межнациональных антагонизмов, возникла и стала могучей силой, сплачивающей все народы страны, их братская дружба. На основе расцвета и сближения наций, всемерного развития их сотрудничества, укрепления морально-политического единства всех трудящихся сложилась новая историческая общность людей — советский народ. Теперь, для советских людей, независимо от их национальной принадлежности, характерно чувство советского патриотизма — глубоко осознанной преданности многонациональной социалистической Родине. В сознании огромного большинства советских граждан утвердилось идеология пролетарского интернационализма. Как отмечал на XXVI съезде КПСС, Л. И. Брежнев, «единство советских наций сегодня прочно, как никогда»¹⁴².

Характеризуя некоторые итоги в проведении национальной политики, партия отметила еще в середине тридцатых годов, что «изменился в корне облик народов СССР, исчезло в них чувство взаимного недоверия, развилось в них чувство взаимной дружбы и наладилось, таким образом, настоящее братское сотрудничество народов в системе единого союзного государства»¹⁴³. На основе дальнейшего обобщения сущности происшедших в области национальных отношений глубочайших преобразований партия позднее сделала вывод о том, что «национальный вопрос в том виде, в каком он достался нам от прошлого, решен полностью, решен окончательно и бесповоротно»¹⁴⁴.

В буржуазной историографии господствующей является точка зрения, что национальный вопрос в СССР не решен. Однако, трактовка этого тезиса имела в зависимости от состояния международных отношений и политических взглядов авторов концепций различные нюансы. Накануне второй мировой войны немецко-фашистская историография изображала советские народы как бесправные и задавленные большевистским правительством. «Нигде участь народов так не тяжела, как в Советском Союзе», — писал Г. Менде в 1939 году¹⁴⁵. В разгар «холодной войны» В. Коларз наряду с другими реакционными историками и социологами выступил с концепцией о существовании в СССР «ко-

лонияльных народов». В частности, он указывал на необходимость «изменения в положении мусульманских и других нерусских народов Советского Союза...»¹⁴⁶. Эта концепция, требовавшая «освобождения» нерусских народов Советского Союза, получила официальное закрепление в принятом в 1959 году конгрессом США провокационным законе «о неделе угнетенных наций»¹⁴⁷.

Р. Шпорлюк, не желая признавать достижений партии в области национального вопроса, сводит их к нарушениям прав и свобод народов в условиях культа личности и называет «сталинским решением национального вопроса»¹⁴⁸. Скептическое отношение к возможности решения национального вопроса характерно для многих буржуазных социологов и историков. Так, Р. Пайпс трактует национальный вопрос «как нечто, что можно эксплуатировать, но не решить»¹⁴⁹. У. Коннор характеризует национальный вопрос как «вечный»¹⁵⁰. В данном факте проявляется как непонимание буржуазными идеологами коренной причины существования национального вопроса — капитализма, так и их неспособность подняться выше своих классовых позиций.

Отдельные западные историки в определенной степени признают прогрессивную сущность социально-экономических и культурных преобразований в советских национальных республиках. Например, Х. Кон в работе 1941 года отмечал, что «новая политика полной модернизации жизни отсталых наций привела развитие этих наций в соответствие с главной тенденцией двадцатого столетия...»¹⁵¹. Э. Карр, характеризуя национальную политику партии в переходный период, указывал, что она «была совершенно отличной от любой другой, проводимой капиталистическими странами, и только она имела целью не формальное признание равенства (между нациями. — Авт.), но и создание экономической обстановки, которая делала равенство возможным и реальным»¹⁵². Д. Крюгер, говоря о чувашском народе, отмечал, что он «под советскими законами имеет гарантию сохранить свою жизнь, язык, обычаи и культурное наследие»¹⁵³. Однако историков с подобными взглядами на Западе немного. Большинство из них занимает антисоветские позиции.

Мнимая неразрешенность национального вопроса объясняется буржуазными идеологами, в частности,

наличием концепции советского народа, выдвинутой и обоснованной Генеральным секретарем ЦК КПСС тов. Л. И. Брежневым на XXIV съезде КПСС.

Абстрагируясь от одной из важнейших тенденций в национальном вопросе — тенденции к всемерному развитию и расцвету наций, советологи умышленно указывают лишь на тенденцию к сближению наций, называя ее интеграционной идеологией¹⁵⁴. В этом свете советский народ предстает как насильственное образование, созданное по инициативе КПСС.

Буржуазные историки допускают грубую фальсификацию процесса формирования новой исторической общности людей. Между тем известно, что для сближения и сплочения народов нашей страны необходимы были прежде всего объективные предпосылки. Провозгласив в результате победы Октябрьской революции отмену всех ограничений и привилегий наций и предоставив им полную свободу развития вплоть до отделения и образования самостоятельной государственности, партия тем самым создала политические предпосылки для сближения наций. Уничтожив классы помещиков и капиталистов и ликвидировав в ходе осуществления ленинского кооперативного плана кулачество, партия обеспечила условия для формирования социалистических, однотипных по своей социальной структуре наций и народностей. В ходе культурной революции была преодолена в основном сила влияния старой, буржуазно-феодальной идеологии, получили бурное развитие культуры всех народов на основе социалистической идеологии. Тем самым были созданы духовные предпосылки для сближения наций СССР. Вопреки утверждениям советологов, одни субъективные предпосылки (агитационно-пропагандистская и организационная деятельность партии) никогда не смогли бы привести к возникновению новой исторической общности. Лишь сочетание объективных и субъективных предпосылок могло привести и привело к возникновению советского народа — социально-политической и интернациональной общности людей, имеющей одну социалистическую Родину и опирающейся на единую экономическую базу, нерушимый союз рабочего класса, колхозного крестьянства и народной интеллигенции, марксистско-ленинскую идеоло-

гию, дружбу народов, единство социалистических интересов и коммунистических идеалов.

Как на причину мнимого существования национального вопроса в СССР, буржуазные идеологи огульно приписывают КПСС «искусственное форсирование» «процесса двусторонней ассимиляции относительно слияния народов Советского Союза», которое-де и вызывает волну «нового национализма»¹⁵⁵. Некоторые буржуазные авторы, как, например, А. Лоу, даже считают главной целевой установкой ленинской национальной программы партии «слияние» мелких этнических групп¹⁵⁶.

Советские ученые установили, что термин «слияние наций» в работах В. И. Ленина по национальному вопросу употребляется в двух смыслах. С одной стороны, речь идет о слиянии интересов наций, об объединении трудящихся всех наций в рамках единых пролетарских организаций (например, Коммунистической партии). С другой стороны, В. И. Ленин говорил об объективно прогрессивном характере процессов ассимиляции, происходящем частично уже при капитализме (если они не являются результатом насильственной политики). «Такого рода процессы этнического объединения естественным порядком могут происходить и происходят и при социализме, хотя... главная линия в национальных отношениях при социализме — это не ассимиляция, а расцвет и сближение наций», — указывает Э. А. Баграмов¹⁵⁷. Советологи не смогут найти ни одного документа национальной политики, в котором руководители партии и Советского государства призывали бы к ускорению процесса сближения советских народов. Напротив, партия постоянно подчеркивает, что «дальнейшее сближение наций и народностей нашей страны представляет собой объективный процесс» и потому «партия против того, чтобы его искусственно форсировать», — в этом нет никакой нужды, этот процесс диктуется всем ходом нашей советской жизни». Одновременно партия предупреждает против попыток чинить помехи этому процессу, искусственно закреплять национальную обособленность, так как это «противоречило бы генеральному направлению развития нашего общества, интернационалистическим идеалам и идеологии коммунистов, интересам коммунистического строительства»¹⁵⁸.

Другие буржуазные историки считают причиной живучести националистических предрассудков наличие в СССР отдельных национальных групп, которые якобы вынуждены ради сохранения своей национальной самобытности вести «ожесточенную борьбу против центральной власти...»¹⁵⁹. Между тем советские ученые на основе глубокого анализа реальной действительности пришли к выводу о том, что причинами некоторого оживления националистических настроений являются: во-первых, воздействие империалистической пропаганды;

во-вторых, цепкость и живучесть отживших реакционных традиций и обычаев;

в-третьих, отдельные случаи нарушения ленинских принципов национальной политики партии, игнорирования классовых позиций при подходе к национальным проблемам;

в-четвертых, слабая постановка в ряде случаев дела интернационального воспитания¹⁶⁰.

Член Политбюро ЦК КПСС, секретарь Центрального Комитета тов. М. А. Суслов сказал по этому поводу на Всесоюзном совещании идеологических работников 16 октября 1979 года:

«Необходимо решительно выступать против любых проповедей национальной исключительности, любых попыток пересмотреть с внеклассовых, внеисторических позиций те или иные явления, фигуры, концепции прошлого. Надо бороться и с проявлениями местничества, часто рядящегося в одежды некоего местного патриотизма.

Вопросы патриотического и интернационального воспитания приобретают особую актуальность в условиях обострения идеологической борьбы, когда национализм превращается в одну из главных ставок империалистических спецслужб в их подрывной деятельности против реального социализма»¹⁶¹.

Острые буржуазные концепции национализма направлено против принципов пролетарского интернационализма. Поэтому борьба за отстаивание и обоснование этих принципов коммунистами разных стран приобретает в современных условиях первостепенное значение.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В итоге критического разбора буржуазных концепций разрешения национального вопроса в Поволжье и на Урале автор пришел к следующим основным выводам:

1. За многие десятилетия существования буржуазной историографии народов Поволжья и Урала советского периода она развивалась и продолжает развиваться на неизменной теоретической и методологической основе — идеализме и метафизике. Не меняет существа дела и некоторый поворот отдельных буржуазных историков в сторону признания действия социально-экономических факторов. Упоминание об этих факторах наравне с политическими и духовными не позволяет буржуазным историкам выделить основные, определяющие силы, воздействующие на исторические процессы. Идеалистическая методология, не связывая исследователей научными требованиями, не создает возможности правильно оценить изменения в материальной и духовной жизни общества.

2. Продолжает оставаться неизменной и политическая основа буржуазной историографии народов региона. За редким исключением, освещение истории народов, оценка их достижений осуществляется с позиций антикоммунизма и антисоветизма. В результате происходит смещение акцентов таким образом, что частные недостатки приобретают характер всеобщности, и подлинная сущность тех или иных явлений оказывается погребенной под завалом нетипичных фактов. Особенно одиозной в глазах большинства буржуазных историков представляется интернациональная деятельность Коммунистической партии и ее местных организаций. Поэтому, как правило, при освещении вопросов истории КПСС буржуазные историки наиболее часто проявляют предвзятость, пристрастность, необъективность, фальсификацию и т. п.

3. Многие концепции заимствованы буржуазной историографией у эмигрантских историков. Это не случайно, так как теоретическая, методологическая и политическая основа буржуазной и эмигрантской историографии одна и та же. Процесс заимствования был характерен для периода становления буржуазной исто-

риографии, но он встречался и позднее. Поэтому не будет преувеличением сказать, что буржуазная историография до сих пор время от времени получает идейные импульсы не только со стороны политико-идеологического комплекса своей страны, но и контрреволюционной эмиграции. И хотя буржуазные профессиональные историки не желают признавать этот малоприятный для них факт, он продолжает существовать. Для доказательства этого достаточно обратиться к научно-справочному аппарату изданий, опубликованных профессиональными западными историками.

4. Разрядка в международных отношениях не привела к усилению либерального течения среди буржуазных историков. Наоборот, оно все более сочетается с усилением откровенно реакционных течений. В последние годы, например, в буржуазной историографии вновь повысился спрос на панисламистские и пантюркистские концепции, подвергшиеся определенной девальвации в шестидесятых годах. Это — свидетельство поворота видных буржуазных историков-ориенталистов вправо.

5. За последние десятилетия среди буржуазных историков в определенной степени повысился интерес к советской библиографии. Однако этот процесс не сопровождается одновременным усилением научного характера исследований, а зачастую служит лишь цели маскировки антисоветского характера концепций. Поэтому степень близости буржуазных историков к науке определяется не в зависимости от количества названных в библиографии работ советских авторов, а от фактического заимствования их выводов и концепций.

6. В целом буржуазная историография народов Поволжья и Урала советского периода мало продвинулась вперед по пути научного исследования своего предмета. Определенный фактический материал, пущенный в оборот в конце 50-х — начале 60-х годов, не получил научного обобщения. Тесная связь буржуазной историографии с буржуазным пропагандистским комплексом предопределила ее кризис, из которого она не в состоянии выйти.

Задача дальнейшего разоблачения буржуазной и ревизионистской фальсификации теории и практики национальных отношений в СССР продолжает во всей

остроте стоять перед советскими историками, философами, юристами и социологами. С появлением новых работ советских ученых по данной проблеме эта критика разворачивается не только вширь, но, как правило, приобретает более углубленный характер. В орбиту научной критики вовлекаются как новые работы советологов, так и — что особенно важно — их новые, более «модные» концепции, учитывающие все более усложняющийся характер современной идеологической борьбы.

На наш взгляд, научная критика фальсификации теории и практики национальных отношений в СССР должна исходить из следующих методологических принципов:

- признания примата социального над национальным, классового — над этническим;
- подчеркивания противоположности и непримиримости принципов пролетарского интернационализма и буржуазного национализма;
- раскрытия интернациональной сущности КПСС как руководящей и направляющей силы в борьбе трудящихся против политики агрессивных войн, национальной вражды и угнетения;
- подчеркивания подлинно гуманистической и интернационалистской сущности социалистической революции как единственно возможного способа раз и навсегда разрешить национальный вопрос;
- раскрытия диалектической сущности двуединого процесса расцвета и сближения наций в условиях социалистического общества.

Интересы борьбы с буржуазной идеологией требуют от советских историков также исследования целого ряда неизученных или малоизученных проблем в области национальных отношений. Многие из них названы в коллективной монографии, изданной в Москве в 1979 г.¹. Что касается Волго-Уральского региона, то можно было бы рекомендовать углубленное исследование ряда проблем, в частности:

- а) совместное участие народных масс в революционном движении и социалистическом строительстве;
- б) история развития межнациональных связей в области экономики, быта и культуры;

в) изучение истории миграции некоторых народов, в частности, татар и мордвы;

г) подробное освещение вопросов истории культурной революции (подобная работа имеется лишь по Удмуртии²⁾;

д) изучение общего и особенного в разрешении национального вопроса в каждой республике и т. д.

Давно назрела необходимость в создании фундаментального труда по истории народов Поволжья и Урала, который охватил бы многовековой период их сожителства и сотрудничества. Первым шагом в этом направлении явилось бы написание истории автономных республик Среднего Поволжья и Приуралья. Ее создание было бы достойным ответом ученых региона на измышления буржуазных советологов. Кроме того, оно способствовало бы пропаганде интернационалистских традиций братских народов, дальнейшему упрочению тесных связей между ними.

ЦК КПСС в Постановлении «О 60-й годовщине образования Союза Советских Социалистических Республик» указал на необходимость «глубоко раскрывать характер и особенности формирования и развития новой исторической общности людей — советского народа, пути дальнейшего укрепления союза рабочих, крестьян, интеллигенции, сближения наций и народностей страны, становления бесклассового общества».

Это, как указано в Постановлении, будет способствовать дальнейшему улучшению идейно-политического, патриотического и интернационального воспитания трудящихся, их классовой закалки.

ПРИМЕЧАНИЯ

ВВЕДЕНИЕ

¹ История Чувашской АССР. Т. 1. Чебоксары, 1966, с. 179.

² Л. И. Брежнев. Отчет Центрального Комитета КПСС XXVI съезду Коммунистической партии Советского Союза и очередные задачи партии в области внутренней и внешней политики. М., 1981, с. 12.

³ Расцвет и сближение социалистических наций в СССР. Уфа, 1969; Ленинизм и современная идеологическая борьба в области национального вопроса. (Москва — Каунас, 1970; Образование СССР — торжество ленинской национальной политики. Пятигорск, 1972; Факты и домыслы: против фальсификации национальных отношений в Советском Союзе. Кишинев, 1972; Буржуазное государство и идеологическая борьба, Таллин, 1975; Ленинская национальная политика и борьба против ее фальсификаторов. Ашхабад, 1975; Национальный вопрос и современная идеологическая борьба. Ташкент, 1977; Великий Октябрь и национальный вопрос. Ереван, 1977 и др.

⁴ Р. Г. Симоненко. Проти сучасних зарубіжних фальсифікацій історії України. Київ, 1960; Х. Ш. Иноятов. Ответ фальсификаторам истории Советской Средней Азии и Казахстана. Ташкент, 1962; К. Н. Новоселов. Против буржуазных фальсификаторов истории Средней Азии, Ашхабад, 1962; А. Нусупбеков и Х. Бисенов. Фальсификация истории и историческая правда. Алма-Ата, 1964; Г. А. Хидоятов. Правда против лжи. Ташкент, 1964; Д. А. Рзаев. Развитие национальных отношений в республиках Советского Востока. Критика антикоммунизма в национальном вопросе. Фрунзе, 1968; Л. Н. Нагорна. Проти сучасної буржуазної і буржуазно-націоналістичної фальсифікації історії Жовтня на Україні. Київ, 1971; С. Я. Афтенюк, А. Г. Морарь. Критика антикоммунистических извращений истории Советской Молдавии. Кишинев, 1974; И. А. Бройдо. Образование Белорусской ССР в освещении современной англо-американской буржуазной историографии. — «История СССР», 1975, № 4; М. А. Абдуллаев. Северный Кавказ в объективе антиком-

мунизма. Махачкала, 1975; К. Л. Есмагамбетов. Действительность и фальсификация. Англо-американская историография о Казахстане. Алма-Ата, 1976; Х. Иноят. Против фальсификации истории победы Советской власти в Средней Азии и Казахстане. Ташкент, 1976; А. Г. Морарь. Правда против вымыслов. Кишинев, 1977; Г. А. Хидоятов. Строительство социализма в Средней Азии и современный антикоммунизм. Ташкент, 1978 и др.

⁵ «Литературная газета», 1949, 6 июля.

⁶ Культурное строительство в Чувашской АССР (1938—1967). Кн. 2-я. Чебоксары, 1968, док. № 46, с. 124—127.

⁷ С. Батыев. Наш Татарстан.— «Советская Татария», 1966, 25 июня; М. Сәйдәшева. К. Сәйдәшев. Тарих бозучыларга каршы.— «Социалистик Татарстан», 1966, 22 июля; У. Белялов. Против извращения истории индустриализации Татарии.— «Коммунист Татарии», 1970, № 6; С. Батыев. Буржуазный национализм — орудие антикоммунизма.— «Коммунист Татарии», 1970, № 10; М. Абдуллин. Против фальсификации истории татарской автономии.— «Коммунист Татарии», 1972, № 3 и др.

⁸ К. Ф. Фасеев. О панисламизме как одной из форм национализма.— В кн.: Ленинизм и современная идеологическая борьба в национальном вопросе. М., 1970; З. А. Аминев. Критика буржуазной фальсификации истории создания Башкирской АССР.— В кн.: Расцвет и сближение социалистических наций в СССР. Уфа, 1971; К. Ф. Фасеев. Социалистическая действительность и иллюзии ее хулителей.— В кн.: Образование СССР — торжество ленинской национальной политики. Пятигорск, 1972; М. И. Абдуллин. Банкротство мусульманских националистических организаций в России в 1917—1920 гг. в освещении буржуазной историографии.— В кн.: Непролетарские партии и организации национальных районов России в Октябрьской революции и гражданской войне. Москва, 1980 и др.

⁹ В. Н. Любимов. Против фальсификации истории реализации ленинской национальной политики.— В кн.: Чувашия за 50 советских лет. Чебоксары, 1968; М. А. Сайдашева. Критика современных буржуазных фальсификаторов истории национально-государственного строительства в Татарии.— В кн.: Торжество ленинской национальной политики в Татарии. Казань, 1968; М. И. Абдуллин. История образования Башкирской АССР в современной буржуазной историографии.— «История СССР», 1972, № 6; В. Н. Любимов. Критика буржуазных фальсификаторов истории национальных отношений в СССР и исторического пути чувашского народа.— В кн.: Труды Научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров

Чувашской АССР. Вып. 73, Чебоксары, 1977; А. А. Тронин. Против фальсификации истории Удмуртии в современной буржуазной историографии.— В кн.: Историография и источниковедение истории партийных организаций Удмуртии. Ижевск, 1978 и др.

¹⁰ М. А. Сайдашева. Ленин и социалистическое строительство в Татарии. М., 1969; К. Ф. Фасеев. На путях пролетарского интернационализма. Казань, 1971.

¹¹ М. Абдуллин, С. Батыев. Татарская АССР: реальность и буржуазные мифы. Казань, 1977; К. Ф. Фасеев. Иллюзии идеологов антисоветизма (Против буржуазной фальсификации жизни социалистических наций). Казань, 1978.

Глава I

¹ П. Миллюков. Россия на переломе. Большевицкий период русской революции. Том I. Происхождение и укрепление большевистской диктатуры. Париж, 1927, с. 242.

² А. Ф. Керенский. Независимая Казань.— «Дни», 1930, № 71, 12 января (цит. по кн.: А. А. Аршаруни и Х. Габидуллин. Очерки панисламизма и пантюркизма в России. М., 1931, с. 91).

³ Расул-Задэ М. Э. О пантюранизме в связи с кавказской проблемой. Париж, 1930, стр. 25.

⁴ И. Р. Наследие Чингисхана. Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока. Берлин, 1925, с. 55 и 48.

⁵ Г. Ибраһимов. Кара маяклар яки ак әдәбиятләр. Мәскәү, 1924, 10 бит.

⁶ M. Bigiev. İslamijat əlifbası. Berlin, 1923, 23, 32 h. b. bitlər (цит. по: Г. Ибраһимов, Кара маяклар..., 9—10, 23, 26—27, 32—33 битләр).

⁷ А. Исхаки. Идель-Урал. Париж, 1933, с. 41—42, 45.

⁸ Зареванд. Турция и пантюранизм. Париж, 1930, стр. 111.

⁹ „Die Welt des Islams“, Bd. 18, 1936, S. 19.

¹⁰ „Die Welt des Islams“, Bd. 18, 1936. Siehe „Register zu Band 1—17“ (S.S. 70—117).

¹¹ „Revue du monde musulman“. Vol. LXV — LXVI, 1926. Index général des années 1906—1926. Regardez indexes I, III et VI.

¹² „Revue du monde musulman“. Vol. LIX, 1925, p. 237.

¹³ „Die Welt des Islams“, Bd. 18, 1936, S. 14.

¹⁴ „Zeitschrift für Geopolitik“. 1. Jg., Heft 5, 1924, Mai, S. 313.

¹⁵ „Osteuropa“. 10. Jg., Heft 3, 1934, S.S. 144—149.

¹⁶ A. Hitler. Mein Kampf. München, 1930, S. 742.

¹⁷ „Osteuropa“, 12. Jg., Heft 7, 1937, April, S. 490—491; „Die Welt des Islams“, Band 18, 1936, S.S. 146—147.

¹⁸ G. v. Mende. Der nationale Kampf der Russlandtürken. Ein Beitrag zur nationalen Frage in der Sowjetunion. Berlin, 1936, S. 125.

¹⁹ G. v. Mende. Op. cit., S. 120.

²⁰ G. v. Mende. Op. cit., S. 155.

²¹ G. v. Mende. Die Völker der Sowjetunion. Reichenau, 1939, S. 34.

²² Ibidem, S. 7.

²³ R. Pipes. The Formation of the Soviet Union. Communism and Nationalism. 1917—1923. N. Y., 1968, p. 305.

²⁴ „Osteuropa“, 13. Jg., Heft 3, 1937, Dezember, S. 193.

²⁵ «Неделя», 1978, № 25, стр. 14.

²⁶ «Советская Башкирия», 1978, 15 июля.

²⁷ К данным работам примыкает также книга Б. Беди «Мусульмане в СССР», изданная в Лахоре в 1947 году.

²⁸ G. v. Mende, W. Hoffmann, H. Koch. Beiträge zur Ostforschung. Göttingen, 1954, S. 11.

²⁹ W. Kolarz. Russia and Her Colonies. London, 1956, p. 315.

³⁰ W. Kolarz. Op. cit., p.p. 32 and 42.

³¹ О некоторых деталях принятия этого закона упоминается в книге мемуаров бывшего американского дипломата Д. Кеннана (See G. F. Kennan. Memoirs. 1950—1963. Vol. II. Boston, Toronto. 1972, p.p. 98—99).

³² „The Russian Review“, vol. IX, № 4, 1950, October, p. 303.

³³ Ibidem, p. 312.

³⁴ „Soviet Studies“, vol. VIII, № 3, 1957, January, p. 217.

³⁵ „The American Historical Review“, vol. LX, № 3, 1955, April, p. 608; „The Slavonic and East European Review“, vol. XLV, № 105, 1967, July, p. 564.

³⁶ Р. Пайпс и в настоящее время является оголтелым антикоммунистом, ратующим за продолжение агрессивного курса в отношении социалистических стран («Правда», 1977, 3 июня; «История СССР», 1976, № 1, стр. 28—29; «Правда», 1981, 18 февраля).

³⁷ S. A. Zenkovsky. Pan-Turkism and Islam in Russia. Cambridge (Mass.), 1960, p. 278.

³⁸ S. A. Zenkovsky. Op. cit., p. 276.

³⁹ Ibidem, p.p. 277—278.

⁴⁰ „The American Historical Review“, vol. LXV, № 4, 1960, October, p. 410.

⁴¹ „Forschungen zur osteuropäischen Geschichte“. Band 7. Berlin, 1959, S.S. 323—325.

⁴² „The American Historical Review“, vol. LXV, № 4, 1960, July, p. 903.

⁴³ „The Russian Review“, vol. 19, № 4, 1960, October, p. 410.

⁴⁴ A. Bennigsen and Ch. Lemerrier-Quelquejay. Islam in the Soviet Union. London, 1967, p. X.

⁴⁵ A. Bennigsen et Ch. Quelquejay. Les mouvements nationaux chez les musulmans de Russie. Le „Sultangalievisme“ au Tatarstan. Paris, 1960, p. 196.

⁴⁶ A. Bennigsen et Lemerrier-Quelquejay. Islam in the Soviet Union. London, 1967, p. 99.

⁴⁷ „Jahrbuch für Geschichte der sozialistischen Länder Europas“. Band 19/1, Berlin, 1975, S. 194.

⁴⁸ „Soviet Studies“, vol. XXVI, № 1, 1974, January, p. 39.

⁴⁹ «Советская Башкирия», 1978, 15 июля.

⁵⁰ „Slavic Review“, vol. 38, № 2, 1979, June, p. 330.

⁵¹ X. Ш. Иноят. Ответ фальсификаторам истории Советской Средней Азии и Казахстана. Ташкент, 1962, стр. 7.

⁵² И. С. Зенушкина. Советская национальная политика и буржуазные историки. М., 1971, стр. 5—7.

⁵³ М. Абдуллаев. Северный Кавказ в объективе антикоммунизма. Махачкала, 1975, стр. 5—7.

⁵⁴ «Вопросы истории КПСС», 1976, № 2, стр. 109.

⁵⁵ «Источниковедение истории Великого Октября». М., 1977, стр. 274.

⁵⁶ И. С. Зенушкина. Указ. соч., стр. 15—17.

⁵⁷ «История пролетариата СССР». Сборник I (17). М., 1934, стр. 73.

⁵⁸ A. Bennigsen et Ch. Quelquejay. Les mouvements nationaux chez les musulmans de Russie. Le „Sultangalievisme“ au Tatarstan. Paris, 1960, p. 48.

⁵⁹ Ch. W. Hostler. Turkism and the Soviets. London, 1957, p.p. 218 and 181.

⁶⁰ P. v. z. Mühlen. Zwischen Hakenkreuz und Sowjetstern. Düsseldorf, 1971, S. 102.

⁶¹ «Неделя», 1977, № 15, с. 9.

Глава II

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 49, стр. 324.

² И. С. Зенушкина. Советская национальная политика и буржуазные историки. М., 1971, стр. 7.

³ Ф. Гумеров. Вымыслы и действительность (Против буржуаз-

ной фальсификации организационных принципов КПСС). М., 1967, стр. 55.

⁴ М. А. Сулов. Карл Маркс — гениальный учитель и вождем рабочего класса. Доклад на торжественном заседании в Москве, посвященном 150-летию со дня рождения К. Маркса. М., 1968, стр. 13.

⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 205.

⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 54.

⁷ A. D. Low. Lenin on the Question of Nationality. N. G. 1958, p.p. 31 and 16.

⁸ „Osteuropa“, 1975, № 8/9, S. 728.

⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 5, стр. 84; т. 16, стр. 438.

¹⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 49.

¹¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, стр. 131—132.

¹² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 296.

¹³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 302.

¹⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 258.

¹⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, стр. 132.

¹⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 273.

¹⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 273—274.

¹⁸ A. Low. Op. cit., p. 69.

¹⁹ „Journal of International Affairs“, vol. 27, № 1, 1973, p. 25.

²⁰ П. Феденко. Марксистські і більшовицькі теорії національного питання. Мюнхен, 1960, стр. 36.

²¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 48, стр. 235.

²² I. Arnold. Die nationalen Gebietseinheiten der Sowjetunion. Staatlichkeit, Souveränität und Autonomie im Sowjetföderalismus. Köln, 1973, S. 19.

²³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 22, стр. 157.

²⁴ Т. Ю. Бурмистрова, В. С. Гусакова. Национальный вопрос в программах и тактике политических партий в России. 1905—1917 гг. М., 1976, стр. 30—31.

²⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 108.

²⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 239—240.

²⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 7, стр. 237—238.

²⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 265.

²⁹ Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 1. М., 1970, стр. 388.

³⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 273.

³¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, стр. 378.

³² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, стр. 228.

³³ И. В. Сталин. Марксизм и национальный вопрос. М., 1959, стр. 20.

³⁴ „The Slavonic (and East European) Review“, vol. 28, № 71, 1950, April, p. 353.

³⁵ „Osteuropa“, 20. Ig., Hf. 4, 1970, April, S. 256.

³⁶ I. Arnold. Op. cit., S. 19.

³⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, стр. 144.

³⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 255.

³⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 22, стр. 156.

⁴⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 255—256.

⁴¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, стр. 286.

⁴² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 109.

⁴³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, стр. 7.

⁴⁴ П. Феденко. Указ. соч., стр. 45.

⁴⁵ П. Феденко. Указ. соч., стр. 47.

⁴⁶ Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 1. М., 1970, стр. 63.

⁴⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 71.

⁴⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 319; т. 30, стр. 113—114.

⁴⁹ См. напр. Н. Ф. Шитов. Развитие В. И. Лениным идеологии и политики пролетарского интернационализма (1894—1907 гг.). М., 1966; Т. Ю. Бурмистрова. Ленинская политика пролетарского интернационализма в период образования РСДРП (1894—1903 гг.) (Л., 1962) и Национальный вопрос и рабочее движение в России. Ленинская политика пролетарского интернационализма. 1907—1917 гг. (М., 1969) и др.

⁵⁰ „The Slavonic (and East European) Review“, vol. 28, № 71, 1950, April, p. 347.

⁵¹ A. Low. Op. cit., p. 124.

⁵² Т. Ю. Бурмистрова. Национальный вопрос и рабочее движение в России. Ленинская политика пролетарского интернационализма. 1907—1917 гг. М., 1969, стр. 99, 105, 111 и 113.

⁵³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 44—45.

⁵⁴ A. Low. Op. cit., p. 88.

⁵⁵ „Journal of International Affairs“, vol. 27, № 1, 1973, p. 25

⁵⁶ A. Low. Op. cit., p.p. 55—56.

⁵⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, стр. 175.

⁵⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, стр. 133, 178 и 313.

⁵⁹ КПСС в резолюциях и решениях..., т. 1, стр. 387.

⁶⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, стр. 315.

⁶¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 7, стр. 325.

- ⁶² И. В. Сталин. Марксизм и национальный вопрос. М., 1959, стр. 42.
- ⁶³ С. Г. Шаумян. О национально-культурной автономии. М., 1959, стр. 32.
- ⁶⁴ G. v. Mende. Die Völker der Sowjetunion. Reichenau, 1939, S. S. 115—116.
- ⁶⁵ R. Pipes. The Formation of the Soviet Union. Communism and Nationalism. 1917—1923. N. Y. 1968, p. 49.
- ⁶⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 19, стр. 129.
- ⁶⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, стр. 357.
- ⁶⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 318.
- ⁶⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 48, стр. 162.
- ⁷⁰ "The Slavonic (and East European) Review", vol. 28, № 71, 1950, April, p. 348.
- ⁷¹ W. Gurian. Bolshevism. An Introduction to Soviet Communism. Notre Dame (Indiana), 1963, p. 17.
- ⁷² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 8, стр. 235.
- ⁷³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 72.
- ⁷⁴ И. Н. Юдин, И. Ф. Аношкин и др. Интернациональный принцип в строительстве и деятельности КПСС. М., 1975, стр. 82.
- ⁷⁵ "The Slavonic (and East European) Review", vol. 28, № 71, 1950, April, p. 349.
- ⁷⁶ A. D. Low. Op. cit., p. 24.
- ⁷⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 425.
- ⁷⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 59.
- ⁷⁹ "Journal of International Affairs", vol. 27, № 1, 1973, p. 25.
- ⁸⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 10, стр. 267.
- ⁸¹ Л. А. Слепов. Ленинская партия — партия пролетарского интернационализма. М., 1970, стр. 72—73.
- ⁸² "The Slavonic (and East European) Review", vol. 28, № 71, 1950, April, p. 345.
- ⁸³ П. Феденко. Указ. соч., стр. 39.
- ⁸⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 7, стр. 325 и 323.
- ⁸⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 123.
- ⁸⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 208.
- ⁸⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 8, стр. 67.
- ⁸⁸ "The Slavonic (and East European) Review", vol. 28, № 71, 1950, April, p. 349.
- ⁸⁹ История Коммунистической партии Советского Союза. В 6 томах, т. 2, М., 1966, стр. 435—436.
- ⁹⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 226.
- ⁹¹ КПСС в резолюциях и решениях..., т. 1, стр. 365.

Глава III

- ¹ Н. В. Наумов. Великая Октябрьская социалистическая революция во французской буржуазной историографии. М., 1975, стр. 113.
- ² R. Girault et M. Ferro. De la Russie à L' U. R. S. S. L'histoire de la Russie de 1850 à nous jours. Paris, 1974, p. 116.
- ³ G. v. Mende. Der nationale Kampf der Russlandtürken. Ein Beitrag zur nationalen Frage in der Sowjetunion. Berlin, 1936, S. 125; A. Battal—Taymas. Rus ihtilâlinden hâtıralar. 1917—1919. İkinci basım. Istanbul, 1968, S. 79.
- ⁴ Л. С. Гапоненко. Рабочий класс России в 1917 году. М., 1970, стр. 47—49.
- ⁵ У. Б. Белялов. Руководство Коммунистической партии социалистической индустриализацией в национальных республиках Среднего Поволжья. Казань, 1978.
- ⁶ И. Сталин. Марксизм и национально-колониальный вопрос. М., 1938, стр. 80.
- ⁷ И. Д. Кузнецов. Крестьянство Чувашии в период капитализма. Чебоксары, 1963, стр. 540.
- ⁸ В ходе обсуждения вопроса было установлено, что к моменту Октябрьской революции у народов Севера преобладали не полufeодальные, а патриархально-общинные отношения, находившиеся на стадии разложения («Вопросы истории КПСС», 1965, № 6, стр. 59).
- ⁹ «Вопросы истории КПСС», 1964, № 1, стр. 101—102, 104.
- ¹⁰ «Вопросы истории КПСС», 1964, № 6, стр. 108.
- ¹¹ «Вопросы истории КПСС», 1964, № 11, стр. 96.
- ¹² «Вопросы истории КПСС», 1965, № 6, стр. 59.
- ¹³ Кроме очерков истории автономных республик опубликованы отдельные исследования. См., например, Б. Х. Юлдашбаев. История формирования башкирской нации (дооктябрьский период). Уфа, 1972. Х. Х. Хасанов. Формирование татарской буржуазной нации. Казань, 1977.
- ¹⁴ История национально-государственного строительства в СССР. 1917—1936. М., 1968, стр. 20—21.
- ¹⁵ А. К. Азизян. Ленинская национальная политика в развитии и действии. М., 1972, стр. 230.
- ¹⁶ А. Г. Агаев. Судьбы народностей. М., 1978, стр. 31.
- ¹⁷ G. v. Mende. Die Völker der Sowjetunion. Reichenau, 1939, S. S. 64 и 90—91.
- ¹⁸ А. Исхаки. Идель-Урал. Париж, 1933, стр. 44; A. Akis. İdil-Ural Dâvası ve Sovjet Emperyalizmi. Ankara, 1963, S. 23, ve 26.

¹⁹ R. Pipes. The First Experiment in Soviet National Policy. The Bashkir Republic 1917—1920. — „The Russian Review“, vol. IX, № 4, 1950, October, p.p. 305 and 312; Ch. W. Hostler. Turkism and the Soviets. London, 1957, p. 41.

²⁰ W. Kolarz. Russia and Her Colonies. London, 1956, p. 32.

²¹ A. D. Smith. Theories of Nationalism, London, 1971, p. 84.

²² S. A. Zenkovsky. Pan-Turkism and Islam in Russia. Cambridge (Mass.), 1960, p.p. 15, 23, 42 and 44.

²³ A. Bennigsen et Ch. Quelquejay. Les mouvements nationaux chez les musulmans de Russie. Le „Sultangalievisme“ au Tatarstan. Paris, 1960, p. p. 44—46, 49—50.

²⁴ G. v. Mende. Op. cit., S. 92.

²⁵ Ch. W. Hostler. Op. cit., p. 44.

²⁶ E. H. Carr. A. History of Soviet Russia. The Bolshevik Revolution. 1917—1923. Vol. 1. London, 1950, p. 316.

²⁷ Это характерно также и для Беннигсена и Келькеже, которые писали, что накануне Октябрьской революции «...казанские татары обладали всеми признаками буржуазной нации», и в то же время отрицают наличие классовых противоречий внутри нее (A. Bennigsen et Ch. Quelquejay. Le problème linguistique et l'évolution des nationalités musulman en URSS. — „Cahiers du monde Russe et Soviétique“, vol. 1, № 3, 1960, Avr.-juin, p. 426; *idem*. Les mouvements nationaux chez les musulmans de Russie. Le „Sultangalievisme“ au Tatarstan, p. 44).

²⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 174.

²⁹ А. С. Патрушев. Марийская деревня в период империализма. Йошкар-Ола, 1974, стр. 20—21; Чувашия в период русской революции. — «Ученые записки» НИИЯЛИЭ при Совете Министров Чувашской АССР, 1956, вып. XIV, стр. 26.

³⁰ И. Д. Кузнецов. Очерки по истории чувашского крестьянства. Чебоксары, 1969, стр. 34. Очерки по истории Башкирской АССР. Т. 1, ч. II, стр. 181.

³¹ И. Д. Кузнецов. Указ. соч., стр. 220—221.

³² А. С. Патрушев. Указ. соч., стр. 24.

³³ История Чувашской АССР. Т. 1, Чебоксары, 1961, с. 167.

³⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, с. 449.

³⁵ Очерки по истории Башкирской АССР. Т. 1, ч. II, Уфа, 1959, с. 291—292.

³⁶ И. Д. Кузнецов. Указ. соч., с. 253; История Чувашской АССР. Т. 1, с. 170; Очерки истории Мордовской АССР. Т. I, с. 328; М. К. Мухарямов. Октябрь и национально-государственное строительство в Татарии (октябрь 1917—1920 гг.). М., 1969, с. 7.

³⁷ И. Д. Кузнецов. Указ. соч., с. 253.

³⁸ История Чувашской АССР, т. I, с. 166; Очерки истории Удмуртской организации КПСС, Ижевск, 1968, с. 16; Очерки истории Марийской организации КПСС, Йошкар-Ола, 1968, с. 5; Очерки истории Мордовской АССР, т. I, с. 334—335.

³⁹ Очерки истории Удмуртской организации КПСС, с. 16; Очерки истории Мордовской организации КПСС, Саранск, 1967, с. 14; Очерки истории Марийской организации КПСС, с. 11; Очерки истории Чувашской областной организации КПСС, Чебоксары, 1974, с. 16; Очерки истории Башкирской организации КПСС, Уфа, 1974, с. 22.

⁴⁰ Очерки истории партийной организации Татарии. Казань, 1973, с. 17.

⁴¹ Очерки истории Чувашской областной организации КПСС, с. 16—17; Очерки истории Марийской организации КПСС, с. 11; Очерки истории Удмуртской организации КПСС, с. 16; Очерки по истории Башкирской АССР, т. I, ч. II, с. 219—220.

⁴² Татария в прошлом и в настоящем. Сб. статей, Казань, 1975, с. 193 и 196.

⁴³ История СССР с древнейших времен до наших дней. Т. V, М., 1968, с. 423—430; см. также История Коммунистической партии Советского Союза. В 6 томах. Т. I, М., 1964, с. 348.

⁴⁴ Очерки истории Мордовской АССР. Т. I, Саранск, 1955, 323—324; Очерки истории Удмуртской организации КПСС. Ижевск, 1956, с. 8.

⁴⁵ Ш. М. Еналеев. Осуществление ленинской национальной политики в Татарии (1929—1937 гг.). Казань, 1960, с. 8.

⁴⁶ Национальные движения в период первой революции в России. Сб. док. и мат., Чебоксары, 1935, с. 274.

⁴⁷ «Коммунист», 1977, № 8, с. 79.

⁴⁸ «Коммунист», 1978, № 4, с. 57.

⁴⁹ S. A. Zenkovsky. Rusya'da pan-türkizm ve müslümanlık. Ankara, 1971, S. 68—69.

⁵⁰ История Чувашской АССР, т. I, с. 192.

⁵¹ Очерки истории Мордовской АССР, т. I, с. 399—403.

⁵² Очерки истории Удмуртской организации КПСС, Ижевск, 1968, с. 41—42.

⁵³ Очерки истории Марийской АССР (с древнейших времен до Великой Октябрьской революции), Йошкар-Ола, 1965, с. 275—278.

⁵⁴ Очерки истории Башкирской организации КПСС, с. 80—82.

⁵⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, с. 77.

⁵⁶ A. Bennigsen and Ch. Quelquejay. Islam in the Soviet Union. London, 1967, p. 50.

- ⁵⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 14, с. 209.
- ⁵⁸ С. А. Коробов. Революционное движение в Марийском крае в период первой буржуазно-демократической революции в России. Йошкар-Ола, 1952, с. 82, 99 и 196.
- ⁵⁹ Революция 1905—1907 годов в национальных районах России. Сб. стат. М., 1949, с. 691.
- ⁶⁰ Х. Х. Хасанов. Революция 1905—1907 гг. в Татарии. М., 1965, с. 233.
- ⁶¹ С. А. Коробов. Указ. раб., с. 135.
- ⁶² История Чувашской АССР, т. 1, с. 198—200.
- ⁶³ История Татарской АССР. Казань, 1973, с. 96.
- ⁶⁴ Очерки истории Мордовской АССР, т. 1, с. 404—405 и 409—410.
- ⁶⁵ Очерки истории Марийской АССР (с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции), с. 287—288.
- ⁶⁶ Очерки истории Удмуртской АССР, т. 1, Ижевск, 1958, с. 230.
- ⁶⁷ Очерки по истории Башкирской АССР, т. 1, ч. II. Уфа, 1959, с. 353.
- ⁶⁸ Национальные движения в период первой революции в России, с. 195; Крестьянское движение среди чуваш, мари и удмуртов во время революции 1905—1907 гг. Чебоксары, 1935, с. 40.
- ⁶⁹ И. Д. Кузнецов. Указ. раб., с. 346—351.
- ⁷⁰ Национальные движения в период первой революции в России, с. 204 и 251.
- ⁷¹ Т. Ю. Бурмистрова. Национальный вопрос и рабочее движение в России. М., 1969, с. 53.
- ⁷² С. А. Коробов. Указ. раб., с. 107 и 139; Крестьянское движение среди чуваш, мари и удмуртов во время революции 1905—1907 гг., с. 16; Национальные движения в период первой революции в России, с. 157.
- ⁷³ А. С. Патрушев. Указ. раб., с. 50 и 64.
- ⁷⁴ Национальные движения в период первой революции в России, с. 179.
- ⁷⁵ Чувашия в первой русской революции. Чебоксары, 1956, с. 96.
- ⁷⁶ S. A. Zenkovsky. Pan-Turkism and Islam in Russia. Cambridge (Mass.), 1960, p. 52.
- ⁷⁷ Р. И. Нафигов. Формирование и развитие передовой татарской общественно-политической мысли. Казань, 1964, с. 106.
- ⁷⁸ S. A. Zenkovsky. Op. cit., p. 52.
- ⁷⁹ Х. Хасанов. Большевицкая газета «Урал», Казань, 1967, с. 147—148.
- ⁸⁰ A. Bennigsen et Ch. Quelquejay. Les mouvements nationaux

chez les musulmans de Russie. Le „Sultangalievisme“ au Tatarstan. Paris, 1960, p. 56.

- ⁸¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, с. 261.
- ⁸² S. A. Zenkovsky. Op. cit., p.p. 159 and 164; M. Liebman. The Russian Revolution. N. Y., 1970, p. 288; A. Bennigsen et Ch. Quelquejay. Op. cit., p. 82; A. Low. Lenin on the Question of Nationality. N. Y., 1958, p. 63.
- ⁸³ R. Girault et M. Ferro. Op. cit., p. 120.
- ⁸⁴ Н. В. Наумов. Указ. раб., с. 176.
- ⁸⁵ Ch. W. Hostler. Turkism and the Soviets. London, 1957, p. 47.
- ⁸⁶ А. Исхаки. Идель-Урал. Париж, 1933, с. 39.
- ⁸⁷ R. Pipes. The Formation of the Soviet Union. Communism and Nationalism. 1917—1923. N. Y., 1968, p.p. 76—79; S. A. Zenkovsky. Op. cit., p. p. 143—153; A. Bennigsen et Ch. Quelquejay. Op. cit., p.p. 63—69 et 78—80.
- ⁸⁸ G. v. Mende. Die Völker der Sowjetunion, S. 92.
- ⁸⁹ R. Pipes. Op. cit., p. p. 75—76.
- ⁹⁰ A. Bennigsen et Ch. Quelquejay. Op. cit., p. 68.
- ⁹¹ S. A. Zenkovsky. Op. cit., p. p. 141. 145 and 167.
- ⁹² „The Russian Review“, vol. XI, № 4, 1950, October, p. 306.
- ⁹³ Очерки по истории Башкирской АССР, т. II, Уфа, 1966, с. 43.
- ⁹⁴ S. A. Zenkovsky. Op. cit., pp. 154—155.
- ⁹⁵ История Татарской АССР. Казань, 1968, с. 332.
- ⁹⁶ Октябрьская социалистическая революция в Удмуртии 1917—1918 гг. Сб. док. и мат. Ижевск, 1957, с. 124—125.
- ⁹⁷ Подготовка и проведение Великой Октябрьской социалистической революции в Башкирии (февраль 1917 г.—июнь 1918 г.). Уфа, 1957, с. 190.
- ⁹⁸ Очерки истории Удмуртской организации КПСС. Ижевск, 1968, с. 100.
- ⁹⁹ Октябрьская революция и установление Советской власти в Чувашии. Сб. док., Чебоксары, 1957, с. 111—112, 114 и 117—118.
- ¹⁰⁰ Очерки истории Удмуртской организации КПСС, с. 103.
- ¹⁰¹ Очерки истории Мордовской организации КПСС. Саранск, 1967, с. 56.
- ¹⁰² И. М. Ионенко. Крестьянство Среднего Поволжья накануне Великого Октября. Казань, 1957, с. 253.
- ¹⁰³ А. Исхаки. Указ. соч., с. 41.
- ¹⁰⁴ A. Bennigsen et Ch. Quelquejay. Op. cit., p. 70.
- ¹⁰⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, с. 412—413.
- ¹⁰⁶ Очерки истории Мордовской организации КПСС, с. 49; Очерки истории Чувашской областной организации КПСС, с. 52.

- ¹⁰⁷ Очерки истории Марийской организации КПСС, с. 44.
¹⁰⁸ „Problems of Communism“, vol. XIII, № 1, 1964, p. 6.
¹⁰⁹ S. A. Zenkovsky. Op. cit., p.p. 159 and 171—172.
¹¹⁰ S. A. Zenkovsky. The Tataro-Bashkir Feud of 1917—1920.— „Indiana Slavic Studies“, vol. II, Bloomington (Indiana), 1958, p. 43.
¹¹¹ S. A. Zenkovsky. Pan-Turkism and Islam in Russia. Cambridge (Mass.), p. 197.
¹¹² Ch. W. Hostler. Op. cit., p. 44.
¹¹³ S. A. Zenkovsky. Op. cit., p. 164.
¹¹⁴ A. Bennigsen et Ch. Quelquejay. Op. cit., p.p. 83—84.
¹¹⁵ Ibidem, p.p. 84—85.
¹¹⁶ Ibidem, p. 84.

Глава IV

- ¹ F. C. Barghoorn. Soviet Russian Nationalism. N. Y., 1956, p. 60; A. Akis. Idil-Ural Dâvası ve Sovyet Emperyalizmi. Ankara, 1963, S. 23; „Östeuropa“, 1975, № 8/9, S. 729.
² R. V. Daniels. Red October. The Bolshevik Revolution of 1917. N. Y. 1967, p. 224; B. Meissner. Sowjetunion und Selbstbestimmungsrecht. Köln. 1962, S. 23; R. Pipes. The Formation of the Soviet Union. Communism and Nationalism. 1917—1923. N. Y., p.p. 107—108.
³ G. v. Mende. Der nationale Kampf der Russlandtürken. Berlin, 1936, S. 155.
⁴ S. A. Zenkovsky. Pan-Turkism and Islam in Russia. Cambridge (Mass.), 1960, p. 161.
⁵ A. Akis. Op. cit., S. 23.
⁶ „Neue Zürcher Zeitung“, № 114, 27. April, 1958.
⁷ S. A. Zenkovsky. Op. cit., p. 161.
⁸ Ibidem, p.p. 162—163.
⁹ См. Историю национально-государственного строительства в СССР, 1917—1936. М., 1968, с. 43; Очерки истории Марийской организации КПСС. Йошкар-Ола, 1968, с. 67; Очерки истории Удмурдской АССР, т. 2, Ижевск, 1960, с. 83.
¹⁰ Цит. по: Р. Г. Хайрутдинов. На путях к советской автономии. Казань, 1972, с. 22.
¹¹ R. Pipes. Op. cit., p. 158.
¹² S. A. Zenkovsky. Op. cit., p.p. 170 and 175.
¹³ Т. Давлетшин. Советский Татарстан. Теория и практика ленинской национальной политики. Лондон, 1974, с. 171.
¹⁴ М. А. Сайдашева. Ленин и социалистическое строительство в Татарии. 1918—1923. М., 1969, с. 70.

- ¹⁵ G. v. Mende. Die Völker der Sowjetunion. Reichenau, 1939, S. S. 80 und 92; R. Pipes. Op. cit., p.p. 75—79.
¹⁶ W. Kolarz. Russia and Her Colonies. L., 1956, p.p. 32, 47, 50, 52 and 54.
¹⁷ Ch. W. Hostler. Turkism and the Soviets. L., 1957, p. 44; S. A. Zenkovsky. Op. cit., p. 158.
¹⁸ A. Z. Velidi Togan. Bugünkü Türkili ve yakın tarihi. Istanbul, 1942, S. 560; Цит. по: Ch. W. Hostler. Op. cit., p. 202.
¹⁹ Цит. по: Р. П. Кондакян. Внутренняя политика Турции в годы второй мировой войны. Ереван, 1978, с. 168.
²⁰ W. Kolarz. Op. cit., p. 32.
²¹ А. Akis. Op. cit., S. 7—8. В некоторых работах буржуазных авторов территория Идель-Уральского штата ограничивается Средним Поволжьем и Приуральем (см. напр., A. Battal — Taymas. Kazan Türkleri; Ankara, 1966. İkinci basım. S. S. 202—203).
²² Т. Давлетшин. Указ. соч., с. 158.
²³ Р. Г. Хайрутдинов. Осуществление Коммунистической партией ленинской программы по национальному вопросу в 1917—1920 гг. Казань, 1976, с. 21.
²⁴ И. Р. Тагиров. Революционная борьба и национально-освободительное движение в Поволжье и на Урале (февраль—июль 1917 года). Казань, 1977, с. 34.
²⁵ „Revue du monde musulman“, vol. LI, 1922, October, p. 4; Т. Давлетшин. Указ. соч., стр. 153.
²⁶ S. A. Zenkovsky. Op. cit., p. 166.
²⁷ М. К. Мухарямов. Октябрь и национально-государственное строительство в Татарии (октябрь 1917 г.—1920 г.). М., 1969, с. 64, 90 и 99.
²⁸ «История СССР», 1964, № 4, с. 61.
²⁹ М. А. Сайдашева. Указ. раб., с. 58.
³⁰ S. A. Zenkovsky. Op. cit., p. 173.
³¹ Г. Ибрагимов. Кара маяклар яки ак әдебиятләр. Мәскәү, 1924, 42 бит.
³² А. Исхаки. Идель-Урал, Париж, 1933, с. 42.
³³ Ch. W. Hostler. Op. cit., p. 41; A. Akis. Op. cit., S. 23; H. Seton-Watson. The New Imperialism. L., 1962, p. 45.
³⁴ R. Pipes. Op. cit., p. 159.
³⁵ S. A. Zenkovsky. Op. cit., p. 172.
³⁶ Т. Давлетшин. Указ. соч., с. 162—163 и 172.
³⁷ E. H. Carr. A History of Soviet Russia. The Bolshevik Revolution 1917—1923. Vol. 1. L., 1969, p. 326.
³⁸ A. Bennigsen und Ch. Quelquejay. Der „Sultangalievismus“ und die nationalistischen Abweichungen in der Tatarischen Autono-

men Sovetrepublik.— „Forschungen zur osteuropäischen Geschichte“. Band 7. Berlin, 1959, S. 353.

³⁹ Т. Давлетшин. Указ. соч., с. 167.

⁴⁰ Образование Татарской АССР. Сб. док. и мат. Казань, 1963, с. 58.

⁴¹ М. А. Сайдашева. Указ. раб., с. 42.

⁴² S. A. Zenkovsky. Op. cit., p. 182.

⁴³ R. Pipes. Op. cit., p. 159.

⁴⁴ И. В. Сталин. Соч., т. 4, с. 87.

⁴⁵ В. Любимов, Б. Юлдашбаев. Ленин и самоопределение наций (на примере народов Среднего Поволжья и Приуралья). Чебоксары, 1967, с. 68—69.

⁴⁶ Образование Башкирской Автономной Советской Социалистической Республики. Сб. док. и мат. (далее — «Образование БАСССР»). Уфа, 1959, с. 164.

⁴⁷ А. Исхаки. Указ. соч., с. 41.

⁴⁸ A. Akis. Op. cit., S. 26.

⁴⁹ E. Allworth (Ed.). Soviet Nationality Problems. N. Y., L., p. 175.

⁵⁰ Р. Г. Кузеев. Происхождение башкирского народа. М., 1974, с. 399.

⁵¹ М. З. Закиев. Татар халкы теленең барлыкка килүе. Казан, 1977, 176—177 битләр.

⁵² К. Новоселов. Против буржуазных фальсификаторов истории Средней Азии. Ашхабад, 1962, с. 192—193.

⁵³ Г. Ибрагимов. Кара маяклар, яки әдәбиятлар. Мәскәү, 1924, 50—51 битләр.

⁵⁴ Г. Ибрагимов. Указ. соч., с. 50.

⁵⁵ Р. Г. Кузеев, С. Н. Шитова. Башкиры. Уфа, 1963, с. 16.

⁵⁶ Очерки по истории Башкирской АССР. Т. 1, ч. II, Уфа, 1959, с. 305.

⁵⁷ С. И. Руденко. Башкиры. М.—Л., 1955, с. 351.

⁵⁸ S. A. Zenkovsky. Op. cit., p. 198.

⁵⁹ Образование БАСССР. Сб. док. и мат. Уфа, 1959. Введение, написанное Б. Юлдашбаевым, с. 14—16.

⁶⁰ История национально-государственного строительства в СССР. 1917—1936. М., 1968, с. 132—133; М. А. Сайдашева в указанной работе (с. 63) не разделяет этой точки зрения.

⁶¹ Известно, что башкиры вместе с татарами составили значительную часть советских войск Восточного фронта. Кроме того, из башкир и татар создавались отдельные воинские формирования (Очерки по истории Башкирской АССР, т. II, Уфа, 1966, с. 113—114).

⁶² W. Kolarz. Op. cit., p. 33.

⁶³ „The American Slavic and East European Review“, vol. XII, № 3, 1953, October, p. 312.

⁶⁴ „Indiana Slavic Studies“, vol. II, Bloomington (Indiana), 1958, p. 38.

⁶⁵ S. A. Zenkovsky. Op. cit., p. 195.

⁶⁶ R. Pipes. Op. cit., p. 85, 163.

⁶⁷ „Indiana Slavic Studies“, vol. II, p. 40.

⁶⁸ G. v. Mende. Der nationale Kampf der Russlandtürken. Berlin, 1936, S. 139; B. Spuler. Idel-Ural. Berlin, 1942, S. 92.

⁶⁹ S. A. Zenkovsky. Op. cit., p. 199; „Soviet Studies“, vol. VIII, № 3, 1957, January, p. 221.

⁷⁰ Очерки по истории Башкирской организации КПСС. Уфа,

⁷¹ Очерки истории Башкирской АССР, т. II, Уфа, 1966, с. 43.

⁷² S. A. Zenkovsky. Op. cit., p. 198.

⁷³ Очерки по истории Башкирской АССР, т. II, с. 82—86.

⁷⁴ „Indiana Slavic Studies“, vol. II, p. 45.

⁷⁵ Ch. W. Hostler. Op. cit., p. 218.

⁷⁶ З. А. Аминев. Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Башкирии (1917—1919 гг.). Уфа, 1966, с. 332.

⁷⁷ Кантон — административно-территориальная единица, введенная в Башкирии валидовским «правительством».

⁷⁸ Образование БАСССР. Сб. док. и мат., с. 205.

⁷⁹ Очерки по истории Башкирской АССР, т. II, с. 115.

⁸⁰ Б. В. Савинков, Д. В. Философов, В. В. Уляницкий и др. Статьи по национальному вопросу. Варшава, 1921, с. 31.

⁸¹ А. Исхаки. Указ. соч., с. 43.

⁸² R. Pipes. Op. cit., p. 161.

⁸³ „Central Asian Review“, vol. XVI, 1968, № 1, p. 22.

⁸⁴ „Indiana Slavic Studies“, vol. II, p. 45.

⁸⁵ S. A. Zenkovsky. Op. cit., p. 189.

⁸⁶ Л. М. Спирин. Классы и партии в гражданской войне в России (1917—1920 гг.). М., 1968, с. 354—355.

⁸⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, с. 397.

⁸⁸ А. Исхаки. Указ. соч., с. 43.

⁸⁹ W. Kolarz. Op. cit., p. 43.

⁹⁰ S. A. Zenkovsky. Op. cit., p. 200.

⁹¹ З. А. Аминев. Указ. раб., с. 397.

⁹² История гражданской войны в СССР. В 5 томах, т. 4, М., 1959, с. 50—51.

⁹³ Резолюции областных конференций Башкирской партийной организации и пленумов обкома КПСС (1917—1940 гг.). Уфа, 1959, стр. 151.

- ⁹⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, с. 158—159.
- ⁹⁵ R. Pipes. Op. cit., p. 165; S. A. Zenkovsky. Op. cit., p. 204.
- ⁹⁶ Осуществление принципов интернационализма в национальной политике КПСС. М., 1975, с. 242.
- ⁹⁷ Образование БАССР. Сб. док. и мат., с. 494—495.
- ⁹⁸ См., напр., R. Pipes. Op. cit., p. 167.
- ⁹⁹ Образование БАССР. Сб. док. и мат., с. 487—488.
- ¹⁰⁰ Образование БАССР, с. 231.
- ¹⁰¹ „Soviet Studies“, vol. VIII, № 3, 1957, January, p. 224.
- ¹⁰² Центральный Государственный архив БАССР (далее — ЦГА БАССР), ф. 394, оп. 4, д. 3, л. 38.
- ¹⁰³ S. A. Zenkovsky. Op. cit., p. 208.
- ¹⁰⁴ Р. М. Раимов. Образование БАССР. М., 1952, с. 391.
- ¹⁰⁵ Образование БАССР, с. 730.
- ¹⁰⁶ Образование БАССР, с. 731.
- ¹⁰⁷ Резолюции областных конференций Башкирской партийной организации и пленумов обкома КПСС (1917—1940 гг.), с. 140.
- ¹⁰⁸ Очерки по истории Башкирской АССР, т. II, с. 203—204.
- ¹⁰⁹ Центральный партийный архив ИМЛ при ЦК КПСС (далее — ЦПА ИМЛ), ф. 17, оп. 216, д. 402/1, л. 8; партархив Башкирского обкома КПСС (далее — БПА), ф. 122, оп. 4, д. 36, л. 3.
- ¹¹⁰ R. Podinson. Marxisme et monde musulman. Paris, 1972, p. 380.
- ¹¹¹ Т. Давлетшин. Указ. соч., с. 173.
- ¹¹² A. Bennigsen and Ch. Quelquejay. „Islam in the Soviet Union“, p. 99.
- ¹¹³ В. И. Ленин и Башкирия. Док., мат. и восп. Уфа, 1974, с. 198—200, 203, 207—208.
- ¹¹⁴ Р. М. Раимов. Образование Башкирской Автономной Советской Социалистической Республики. М., 1952, с. 174.
- ¹¹⁵ В. Любимов, Б. Юлдашбаев. Указ. соч., с. 83—84.
- ¹¹⁶ Образование Татарской АССР. Сб. док. и мат. Казань, 1963, с. 71—72.
- ¹¹⁷ История Чувашской АССР, т. II, Чебоксары, 1967, с. 24.
- ¹¹⁸ История Татарской АССР (с древнейших времен до наших дней). Казань, 1968, с. 369.
- ¹¹⁹ Т. Давлетшин. Указ. соч., с. 173.
- ¹²⁰ Резолюции областных конференций Башкирской партийной организации..., с. 110.
- ¹²¹ В. И. Ленин и Татария. Сб. док., мат. и восп. Изд. 2-е. Казань, 1970, с. 19.
- ¹²² R. Pipes. Op. cit., p. 170—171.
- ¹²³ S. A. Zenkovsky. Op. cit., p. 193.

- ¹²⁴ Т. Давлетшин. Указ. соч., с. 179.
- ¹²⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, с. 98.
- ¹²⁶ А. Исхаки. Указ. соч., с. 45.
- ¹²⁷ G. v. Mende. Der nationale Kampf der Russlandtürken, S. 154; A. Bennigsen et Ch. Quelquejay. Les mouvements nationaux chez les musulmans de Russie. Le „Sultangalievisme“ au Tatarstan. Paris, 1960, p. 143.
- ¹²⁸ H. Seton-watson. Nations and States. An Enquiry into the Origins of Nations and the Politics of Nationalism. Boulder (Colorado), 1977, p. 316.
- ¹²⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, с. 146—147.
- ¹³⁰ М. К. Мухарямов. Указ. соч., с. 243—245.
- ¹³¹ Там же, с. 242.
- ¹³² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, с. 149.
- ¹³³ Образование БАССР. Сб. док. и мат., с. 526—527.
- ¹³⁴ Г. Касымов. Пантюркистская контрреволюция и ее агентура султангалиевщина. Казань, 1931, с. 94.
- ¹³⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, с. 221.
- ¹³⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, с. 148—149.
- ¹³⁷ R. Pipes. Op. cit., p. 171.
- ¹³⁸ Очерки истории Удмуртской АССР, т. 2, с. 81—88; История национально-государственного строительства в СССР. 1917—1936, с. 246—247.
- ¹³⁹ W. Kolarz. Op. cit., p. 49.
- ¹⁴⁰ Очерки истории Мордовской АССР, т. II (1917—1960 гг.). Саранск, с. 174—176 и 255—263; М. В. Дорожкин, И. А. Яшкин. КПСС — организатор национальной государственности мордовского народа. Саранск, 1970, с. 5—6, 17—20, 23, 31 и 40.
- ¹⁴¹ История Чувашской АССР, т. 2, с. 61—63.
- ¹⁴² Очерки истории Марийской АССР (1917—1960 гг.). Йошкар-Ола, 1960, с. 161.
- ¹⁴³ „Indiana Slavic Studies“, vol. II, p. 57; „Problems of Communism“, vol. XVI, 1967, № 5, p. 75; E. Allworth (Ed.). Soviet Nationality Problems, p. 178—179.

Глава V

- ¹ G. v. Mende. Die Völker der Sowjetunion. Reichenau, 1939, S. 118.
- ² „Journal of International Affairs“, vol. 27, № 1, 1973, p. 25.
- ³ „The American Slavic and East European Review“, vol. XII, № 3, 1953, October, p. 318.

⁴ К 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина. Сб. док. и мат. М., 1970, с. 36.

⁵ Ленинизм и национальный вопрос в современных условиях. Изд. 2-е, М., 1974, с. 34.

⁶ G. v. Mende. Der nationale Kampf der Russlandtürken. Berlin, 1936, S. 58.

⁷ E. Allworth (Ed.). Soviet Nationality Problems. N. Y., L. 1971, p. 176.

⁸ К. Ф. Фасеев. На путях пролетарского интернационализма. Казань, 1971, с. 226.

⁹ S. A. Zenkovsky. Pan-Turkism and Islam in Russia. Cambridge (Mass), 1960, p. 203.

¹⁰ R. Pipes. The Formation of the Soviet Union Communism and Nationalism. 1917—1923. Cambridge (Mass.), 1970, p. 163.

¹¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, с. 183.

¹² История Башкирской АССР, т. II (Советский период). Уфа, 1966, с. 215.

¹³ «Пролетарская революция», 1928, № 5 (76), с. 153.

¹⁴ R. Pipes. Op. cit., p. 165.

¹⁵ БПА, ф. 22, оп. 4, д. 1, л. 7.

¹⁶ БПА, ф. 22, оп. 4, д. 1, лл. 1, 9, 17—18.

¹⁷ R. Pipes. Op. cit., p. 165.

¹⁸ БПА, ф. 22, оп. 4, д. 1, л. 32.

¹⁹ S. A. Zenkovsky. Op. cit., p. 202.

²⁰ Резолюции областных конференций Башкирской партийной организации и пленумов обкома КПСС (1917—1940 гг.). Уфа, 1959, с. 108.

²¹ S. A. Zenkovsky. Op. cit., p. 190.

²² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 16, с. 11.

²³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 7, с. 122.

²⁴ Я. Ш. Шарапов. Национальные секции РКП(б). Казань, 1968, с. 91.

²⁵ G. v. Mende. Der nationale Kampf der Russlandtürken, S. 158.

²⁶ A. Bennigsen et Ch. Quelquejay. Les mouvements nationaux chez les musulmans de Russie. Le „Sultangalievisme“ au Tatarstan, p.p. 55—57.

²⁷ Очерки истории Башкирской организации КПСС. Уфа, 1973, с. 228.

²⁸ R. Pipes. Op. cit., p. 165.

²⁹ Пленум Марийского областного комитета Российской Коммунистической партии. 28—29 октября 1921 г. Краснококшайск, 1921, с. 6.

³⁰ Образование БАССР. Сб. док. и мат. Уфа, 1959, с. 531—541 и 584—587.

³¹ «Пленум Марийского областного комитета Российской Коммунистической партии...», с. 6.

³² Образование БАССР, с. 575.

³³ Очерки истории Башкирской организации КПСС, с. 286 и 371.

³⁴ Очерки истории партийной организации Татарии. Казань, 1973, с. 390.

³⁵ Подсчитано автором по «Материалам к отчету Удмуртского обкома ВКП(б) XV облпартконференции». Ижевск, 1934, с. 72—73.

³⁶ Материалы к отчету Удмуртского обкома ВКП(б) XV облпартконференции, с. 73.

³⁷ И. Т. Гришук. Партия — организатор братского сотрудничества народов РСФСР. Воронеж, 1976, с. 43—44.

³⁸ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1970, т. 3, с. 57.

³⁹ И. Т. Гришук. Указ. соч., с. 56.

⁴⁰ Очерки истории Башкирской организации КПСС, с. 313 и 372.

⁴¹ Очерки истории Удмуртской организации КПСС. Ижевск, 1968, с. 214 и 283.

⁴² Очерки истории Чувашской областной организации КПСС. Чебоксары, 1974, с. 157 и 270.

⁴³ История Коммунистической партии Советского Союза. В 6 томах, т. 4, книга вторая (1929—1937 гг.). М., 1971, с. 89—90.

⁴⁴ B. Spuler. Idel-Ural. Berlin, 1942, S. 95.

⁴⁵ Материалы восьмой областной конференции РКП(б) Марийской Автономной области (1—5 декабря 1925). Краснококшайск, 1926, с. 10 и 4.

⁴⁶ БПА, ф. 122, оп. 4, д. 36, л. 3.

⁴⁷ Очерки истории Удмуртской организации КПСС, с. 214.

⁴⁸ Очерки истории партийной организации Татарии, с. 322—323.

⁴⁹ W. Kolarz. Russia and Her Colonies. Third Edition. London, 1956, p. 47.

⁵⁰ Очерки истории Куйбышевской организации КПСС. Куйбышев, 1967, с. 380.

⁵¹ Очерки истории Горьковской организации КПСС. Часть вторая. 1918—1941. Горький, 1966, с. 205—206.

⁵² Резолюции XIII-й Марийской областной конференции ВКП(б). Йошкар-Ола, 1930, с. 3.

⁵³ H. Seton-Watson. The New Imperialism. London, 1963, p. 56.

⁵⁴ A. Bennigsen and Ch. Quelquejay. Islam in the Soviet Union. London, 1967, p.p. 104—105.

⁵⁵ R. Pipes. Op. cit., p. 169.

⁵⁶ A. Bennigsen and Ch. Quelquejay. Op. cit., p.p. 103—105.

⁵⁷ Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, т. 2, М., 1970, с. 45.

⁵⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, с. 163.

⁵⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, с. 166—167.

⁶⁰ R. Small-Stocki and A. Socolnicki (Ed.). Russian and Communist Imperialism in Action. Milwaukee (Wisconsin), 1963, p.p. 29—31.

⁶¹ См., например, след. работу: E. Koutaissoff. The Soviet Union. London, 1971, p. 59.

⁶² A. Bennigsen and Ch. Quelquejay. Der „Sultangalievismus“ und die nationalistischen Abweichungen in der Tatarischen Autonomen Sovetrepublik. — „Forschungen zur osteuropäischen Geschichte“. Band 7. Berlin, 1959, S. 323.

⁶³ R. Pipes. Op. cit., p. 169.

⁶⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, с. 328—330.

⁶⁵ Л. Рубинштейн. В борьбе за ленинскую национальную политику. Казань, 1930, с. 38.

⁶⁶ Г. Касымов. Пантюркистская контрреволюция и ее агентура султангалиевщина. Казань, 1931, с. 94.

⁶⁷ Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 2, М., 1970, с. 487.

⁶⁸ Т. Давлетшин. Советский Татарстан. Теория и практика ленинской национальной политики. Лондон, 1974, с. 333.

⁶⁹ Очерки истории Удмуртской организации КПСС, с. 193—194, 205, 248—249.

⁷⁰ Резолюции и постановления III Пленума Чувашской областной контрольной комиссии ВКП (большевиков) с 10 по 14 ноября 1930 г. Чебоксары, 1930, с. 33.

⁷¹ E. H. Carr. A. History of Soviet Russia. The Bolshevik Revolution 1917—1923. Vol. 1. London, 1969, p.p. 377—378.

⁷² R. Small-Stocki and A. Socolnicki (Ed.). Russian and Communist Imperialism in Action, p. 22.

⁷³ A. Bennigsen and Ch. Quelquejay. Islam in the Soviet Union, p. 156.

⁷⁴ КПСС в резолюциях и решениях..., т. 2, с. 442.

⁷⁵ КПСС в резолюциях и решениях..., т. 4, с. 19.

⁷⁶ КПСС в резолюциях и решениях..., т. 4, с. 418.

⁷⁷ Очерки истории Удмуртской организации КПСС, с. 172, 204—205.

⁷⁸ БПА, ф. 22, оп. 5, д. 15, л. 194.

⁷⁹ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 6/н, ед. хр. 44, л.л. 5—6.

⁸⁰ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 16, ед. хр. 26, л. 185.

⁸¹ Резолюции XIII-й Марийской областной конференции ВКП(б). Йошкар-Ола, 1930, с. 132.

⁸² Резолюции и постановления III Пленума Чувашской областной контрольной комиссии ВКП (большевиков) с 10 по 14 ноября 1930 года. Чебоксары, 1930, с. 34.

⁸³ A. Bennigsen and Ch. Quelquejay. Op. cit., p. 153.

⁸⁴ „Studies of the Soviet Union“, vol. 1, № 1, 1961, p. 20.

⁸⁵ КПСС в резолюциях и решениях..., т. 2, с. 336.

⁸⁶ КПСС в резолюциях и решениях..., т. 4, с. 239.

⁸⁷ Стенографический отчет XV областной партийной конференции (5—15 июня 1930 г.). Казань, 1930, с. 284—285.

⁸⁸ «Кзыл Татарстан», 1930, 1 май.

⁸⁹ «Кзыл Татарстан», 1930, 20 апрель.

Глава VI

¹ М. А. Сулов. Марксизм-ленинизм и современная эпоха. Сборник выступлений. М., 1979, с. 43.

² „Aus Politik und Zeitgeschichte“. Beilage zur Wochenzeitung „Das Parlament“, 20. April 1960, S. 269.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, с. 428.

⁴ J. v. Mende. Der nationale Kampf der Russlandtürken. Berlin, 1936, S. 70.

⁵ „Cahiers du monde Russe et Soviétique“, vol. XIV, 1973, juillet-sept., p. 324.

⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, с. 112.

⁷ W. Kolarz. Russia and Her Colonies. London, 1956, p. 7.

⁸ Это никоим образом не означает, что партия слепо копировала методы, применявшиеся в центральных районах страны, при проведении своей политики в национальных республиках и областях (См.: «КПСС в резолюциях и решениях...», т. 2, с. 236).

⁹ R. Small-Stocki and A. Socolnicki (Ed.). Russian and Communist Imperialism in Action. Milwaukee (Wisconsin), 1963, p. 21.

¹⁰ S. A. Zenkovsky. Pan-Turkism and Islam in Russia. Cambridge (Massachusetts), 1960, p. 269.

¹¹ „Revue du monde musulman“, vol. LI, 1922, October, p.p. 17—35; „Soviet Studies“, vol. III, № 2, 1951, October, p. 115.

¹² КПСС в резолюциях и решениях..., т. 2, с. 235.

¹³ Э. П. Горбунов. Социалистическая индустриализация СССР и ее буржуазные критики. М., 1962; И. Н. Олега. Индустриализация СССР в английской и американской историографии. Л., 1971; В. И. Тетюшев. Социалистическое преобразование экономики СССР и буржуазные «критики». М., 1978 и др.

¹⁴ Л. Нагорна. Проти буржуазних фальсифікацій національної політики КПРС. Київ, 1974; И. И. Грошев, О. И. Чеченкина. Критика буржуазной фальсификации национальной политики КПСС. М., 1974; Г. С. Марцунь. Торжество ленинской национальной политики и ее буржуазные фальсификаторы. Минск, 1975 и др.

¹⁵ К. Н. Новоселов. Против буржуазных фальсификаторов истории Средней Азии. Ашхабад, 1962; Д. А. Рзаев. О фальсификации истории Советской Средней Азии. Фрунзе, 1962; Г. А. Хидоятлов. Правда против лжи. Ташкент, 1964; его же: Строительство социализма в Средней Азии и современный антикоммунизм. Ташкент, 1978 и др.

¹⁶ У. Белялов. Против извращения истории индустриализации Татарии. — «Коммунист Татарии», 1970, № 6; М. Абдуллин, С. Батыев. Татарская АССР: реальность и буржуазные мифы. Казань, 1977, Глава VII.

¹⁷ G. v. Mende. Op. cit., S. 160.

¹⁸ G. v. Mende. Die Völker der Sowjetunion. Reichenau, 1939, S. 120.

¹⁹ W. Kolarz. Russia and Her Colonies. London, 1956, p. 28.

²⁰ G. Stökl. Sowjetrußland unter Lenin und Stalin (1917—1953). München, 1963, S. 44. — Цит. по: У. Б. Белялов. Руководство Коммунистической партии социалистической индустриализацией в национальных республиках Среднего Поволжья. Казань, 1978, с. 29.

²¹ Handbook on Communism. N. Y., 1962, p. 418—419. — Цит. по: В. И. Тетюшев. Социалистическое преобразование экономики СССР и буржуазные «критики». М., 1978, с. 99.

²² E. Koussissouff. The Soviet Union. London, 1971, p. 55.

²³ Т. Давлетшин. Советский Татарстан: теория и практика ленинской национальной политики. Лондон, 1974, с. 201.

²⁴ W. Kolarz. Op. cit., p. 13.

²⁵ G. v. Mende. Der nationale Kampf der Russlandtürken, S. 160.

²⁶ B. Spuler. Idel-Ural. Berlin, 1942, S. 97.

²⁷ H. Seton-Watson. The New Imperialism. London, 1962, p. 68.

²⁸ БСЭ, изд. 3-е, 1978, т. 29, с. 1870.

²⁹ Ф. Э. Дзержинский. Избранные произведения. Т. 2. 1924—июль 1926 гг. М., 1957, с. 222.

³⁰ И. Г. Александров. Основа хозяйственного районирования СССР. М.—Л., 1924, с. 59 и карта-приложение.

³¹ Пятый съезд Советов Татарской Советской Социалистической Республики. Стеногр. отчет (с 5-го по 9-е января 1925 г.). Казань, 1925, с. 24.

³² W. Kolarz. Op. cit., p. 44—45.

³³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, с. 236—237.

³⁴ „Aus Politik und Zeitgeschichte“. Beilage zur Wochenzeitung „Das Parlament“, 20. April 1960, S. 260.

³⁵ В. Н. Конюхов. Осуществление ленинской идеи индустриализации в автономных республиках РСФСР. М., 1971, с. 123.

³⁶ У. Б. Белялов. Указ. соч., с. 385; Роль социалистической индустриализации в развитии автономных республик Российской Федерации. Уфа, 1974, с. 77.

³⁷ W. Kolarz. Op. cit., p. 16.

³⁸ История Татарской АССР. Казань, 1968, с. 437; Очерки истории Марийской АССР (1917—1960 гг.). Йошкар-Ола, 1960, стр. 215; П. К. Кузнецов. Культурная революция в Удмуртской АССР (1917—1958 гг.). Ижевск, 1975, с. 263 и 260; Формирование и развитие советского рабочего класса Башкирской АССР. Ч. I. 1917—1950 гг. Уфа, 1971, с. 150 и 148; История промышленности и рабочего класса Чувашии. Ч. I. 1861—июнь 1941 г. Чебоксары, с. 185.

³⁹ Формирование и развитие советского рабочего класса Башкирской АССР. Ч. I, 1917—1950 гг., с. 149.

⁴⁰ У. Б. Белялов. Указ. соч., с. 253, 254 и 258; Ф. Л. Саяхов. Осуществление ленинского плана построения социализма в Башкирии. Уфа, 1972, с. 47; Деятельность партийной организации Татарии по осуществлению ленинских идей строительства социалистического общества. Казань, 1971, с. 88—90.

⁴¹ История Чувашской АССР, т. 2. Чебоксары, 1967, с. 72.

⁴² Роль социалистической индустриализации в развитии автономных республик Российской Федерации. Уфа, 1974, с. 113.

⁴³ У. Б. Белялов. Указ. соч., с. 269.

⁴⁴ Роль социалистической индустриализации в развитии автономных республик Российской Федерации, с. 42.

⁴⁵ История Чувашской АССР, т. 2, с. 87.

⁴⁶ Формирование и развитие советского рабочего класса Башкирской АССР. Ч. I. 1917—1950 гг., с. 176—177.

⁴⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, с. 53.

⁴⁸ G. v. Mende. Der nationale Kampf der Russlandtürken, S. 165.

⁴⁹ E. Strauss. Soviet Agriculture in perspective. A. Study of its Successes and Failures. London, 1969, p. 82. Цит. по: В. И. Тетюшев. Указ. раб., с. 181.

- ⁵⁰ История Татарской АССР, Казань, 1968, с. 423.
- ⁵¹ Очерки по истории Башкирской АССР. Т. II (Советский период). Уфа, 1966, с. 271.
- ⁵² К. И. Шибанов. Социалистическое преобразование удмуртской деревни. Ижевск, 1963, с. 44.
- ⁵³ Очерки истории Удмуртской организации КПСС. Ижевск, 1968, с. 228.
- ⁵⁴ „Der Islam“. Zeitschrift für Geschichte und Kultur des islamischen Orients. Band 29, Heft 2. Berlin, 1949, November, S. 191.
- ⁵⁵ J. R. Krueger. Chuvash Manual. Introduction, Grammar, Reader and Vocabulary.—Indiana University Publications. Uralic and Altaic Series“, vol. 7. Bloomington. Mouton. The Hague. 1961, p. 20.
- ⁵⁶ Л. И. Зубок. Очерки истории США (1877—1918). М., 1956, с. 23.
- ⁵⁷ «Правда», 1981, 2 февраля.
- ⁵⁸ История Татарской АССР. Казань, 1968, с. 471.
- ⁵⁹ Очерки по истории Башкирской АССР. Т. II (Советский период), с. 356.
- ⁶⁰ У. Б. Беялов. Указ. раб., с. 382.
- ⁶¹ Очерки по истории Башкирской АССР. Т. II (Советский период), с. 361.
- ⁶² Очерки по истории Мордовской АССР. Т. II (1917—1960 гг.). Саранск, 1961, с. 274.
- ⁶³ История промышленности и рабочего класса Чувашии, Ч. I. 1861 — июнь 1941 г., с. 228.
- ⁶⁴ „Indiana University Publications. Uralic and Altaic Series“, vol. 7, p. 22.
- ⁶⁵ E. Goldhagen (Ed.). Ethnic Minorities in the Soviet Union. London, 1968, p. 255.
- ⁶⁶ „Journal of Contemporary History“, vol. 4, № 1, 1969, January, p. 151.
- ⁶⁷ Т. Давлетшин. Советский Татарстан: теория и практика ленинской национальной политики. Лондон, 1974, с. 43—44.
- ⁶⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, с. 25.
- ⁶⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, с. 7.
- ⁷⁰ A. D. Low. Lenin on the Question of Nationality. N. Y., 1958, p. 176.
- ⁷¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, с. 121.
- ⁷² И. В. Сталин. Соч., т. 12, с. 367—369.
- ⁷³ G. v. Mende. Der nationale Kampf der Russlandtürken, S. 167.
- ⁷⁴ История Коммунистической партии Советского Союза. В 6 томах, т. 4, М., 1970, с. 230.

- ⁷⁵ Ethnic Minorities in the Soviet Union, p. 261.
- ⁷⁶ G. v. Mende. Op. cit., S. 159.
- ⁷⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, с. 120—121.
- ⁷⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, с. 304—305.
- ⁷⁹ Очерки истории Удмуртской организации КПСС. Ижевск, 1968, с. 274—275.
- ⁸⁰ Ф. Л. Саяхов. Осуществление ленинского плана построения социализма в Башкирии (1926—1937 гг.). Уфа, 1972, с. 72—73.
- ⁸¹ G. v. Mende. Op. cit., S. 58; Ch. W. Hostler. Turkism and the Soviets. The Turks of the World and their Political Objectives. L., 1957, p. 195.
- ⁸² S. A. Zenkovsky. Pan-Turkism and Islam in Russia. Cambridge (Massachusetts). 1960, p. 270.
- ⁸³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, с. 415.
- ⁸⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, с. 420.
- ⁸⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, с. 425.
- ⁸⁶ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК КПСС, т. 2, М., 1970, с. 49.
- ⁸⁷ К 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина. Тезисы ЦК КПСС, М., 1969, с. 29—30.
- ⁸⁸ Ленинизм и развитие социалистической культуры. Материалы Всесоюзного симпозиума. Ташкент, май, 1970. Москва — Ташкент, 1971, с. 286.
- ⁸⁹ См. Историю Азербайджана, т. 3, ч. 1, глава 28, § 3 (Баку, 1963) и Историю Узбекской ССР, т. 3, гл. 8, § 5 (Ташкент, 1967).
- ⁹⁰ „Soviet Survey“. A Quaterly Review of Cultural Trends. № 34. 1960, October-December, p. 15.
- ⁹¹ „Der Islam“. Band 29, Heft 2. 1949, November, S. 190.
- ⁹² Лишь в отдельных работах, как, например, в книге А. Беннигсена и Ш. Лемерсье-Келькеже «Ислам в Советском Союзе» (Лондон, 1967, с. 110) говорится о деятельности «Союза безбожников» в 20-х годах.
- ⁹³ „Soviet Survey“, № 34, 1960, October-December, p. 15.
- ⁹⁴ Индустриализация Татарской АССР. 1926—1941. Сб. мат. Казань, 1968, с. 314.
- ⁹⁵ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, т. 4, М., 1970, с. 396—397.
- ⁹⁶ B. Spuler. Idel-Ural. Berlin, 1942, S. 93.
- ⁹⁷ „Die Welt des Islams“, Band 18, 1936, S. 124.
- ⁹⁸ S. A. Zenkovsky. Op. cit., p. 2.
- ⁹⁹ W. Kolarz. Russia and Her Colonies. L., 1956, p.p. 35—36.
- ¹⁰⁰ Культура и письменность Востока. Кн. 7—8. М., 1931, с. 22—23.

- ¹⁰¹ Культура и письменность Востока. Кн. III, Баку, 1928, с. 5.
- ¹⁰² Культура и письменность Востока. Кн. I, М., 1928, с. 4.
- ¹⁰³ Там же, с. 68.
- ¹⁰⁴ Культура и письменность Востока. Кн. IV. Баку, 1929, с. 31 и 39.
- ¹⁰⁵ „Revue du Monde Musulman“, vol. LXIII, 1926, p. 80.
- ¹⁰⁶ Первый Всесоюзный Тюркологический съезд. 26 февраля — 5 марта 1926 г. (Стенограф. отчет). Баку, 1926, с. 320—321.
- ¹⁰⁷ „Soviet Studies“. A. Quaterly Review of the Social and Economic Institutions of the U.S.S.R. Oxford. Vol. III, № 2, 1951, October, p. 120.
- ¹⁰⁸ W. Kolarz. Op. cit., p. 36.
- ¹⁰⁹ Культура и письменность Востока. Кн. IV. Баку, 1929, с. 4.
- ¹¹⁰ Там же, с. 23.
- ¹¹¹ Там же, с. 165 и 159.
- ¹¹² Культура и письменность Востока. Кн. II. Баку, 1928, с. 11.
- ¹¹³ А. Аршаруни, Х. Габидуллин. Очерки панисламизма и пантюркизма в России. М., 1931, с. 92.
- ¹¹⁴ А. Исхаки. Идель-Урал. Париж, 1933, с. 45.
- ¹¹⁵ „Cahiers du monde Russe et Soviétique“, vol. VI, 1965, № 2, p. 227.
- ¹¹⁶ „The Slavonic and East European Review“, vol. XXXI, № 76, 1952, December, p.p. 135 and 139.
- ¹¹⁷ „Soviet Studies“, vol. III, № 2, 1951, October, p. 119.
- ¹¹⁸ A. Battal-Taymas. Kazan Türkleri. Ankara, 1966, S. 207—208.
- ¹¹⁹ Ali Akis. Idil—Ural Dâvası ve Sovyet Emperializmi. Ankara, 1963, S. 37.
- ¹²⁰ Т. Давлетшин. Указ. соч., с. 305 и 307.
- ¹²¹ Там же, с. 306.
- ¹²² W. Kolarz. Op. cit., p.p. 37—38.
- ¹²³ Ibidem, p. 37.
- ¹²⁴ S. Wurm. Turkic Peoples of the USSR. Their Historical Background, their Languages and the Development of the Soviet Linguistic Policy. Oxford, 1954, p. 49.
- ¹²⁵ „The Slavonic and East European Review“, vol. XXXI, № 76, 1952, December, p.p. 147 and 145.
- ¹²⁶ Литературная газета, 1939, № 61 (840), 7 ноября.
- ¹²⁷ „Cahiers du monde Russe et Soviétique“, vol. VI, 1965, № 2, p.p. 236—237.
- ¹²⁸ „Soviet Studies“, vol. III, № 2, 1951, October, p. 125.
- ¹²⁹ Ibidem, p. 130.

- ¹³⁰ Ленинизм и национальный вопрос в современных условиях. Изд. 2-е. М., 1974, с. 316.
- ¹³¹ Советский народ — новая историческая общность людей. Становление и развитие. М., 1975, с. 456.
- ¹³² А. Исхаки. Идель-Урал, Париж, 1933, с. 49.
- ¹³³ Ethnic Minorities in the Soviet Union, p. 267.
- ¹³⁴ I. R. Krueger. Chuvash Manual, p. 43.
- ¹³⁵ История Чувашской АССР. Том второй. От Великой Октябрьской социалистической революции до наших дней. Чебоксары, 1967, с. 203.
- ¹³⁶ Там же, с. 192.
- ¹³⁷ Ethnic Minorities in the Soviet Union, p. 270.
- ¹³⁸ A. Bennigsen and Ch. Lemerrier-Quelquejay. Islam in the Soviet Union. L., 1967, p. 227.
- ¹³⁹ Ethnic Minorities in the Soviet Union, p. 270.
- ¹⁴⁰ I. R. Krueger. Chuvash Manual, p. 43.
- ¹⁴¹ Применительно к тем народам Поволжья и Урала, которые ко времени победы Великой Октябрьской социалистической революции не прошли всей стадии капиталистического развития, можно согласиться с выводом М. И. Куличенко о том, что они в довоенный период сложились в социалистические нации лишь в основном, а окончательно сформировались в условиях становления развитого социализма, к началу 50-х годов (М. И. Куличенко. Национальные отношения в СССР и тенденции их развития. М., 1972, с. 313).
- ¹⁴² Л. И. Брежнев. Отчет Центрального Комитета КПСС XXVI съезду Коммунистической партии Советского Союза и очередные задачи партии в области внутренней и внешней политики. М., 1981, с. 75.
- ¹⁴³ И. Сталин. Вопросы ленинизма. Изд. 11-е, М., 1939, с. 514.
- ¹⁴⁴ Л. И. Брежнев. О пятидесятилетии Союза Советских Социалистических Республик. М., 1973, с. 11.
- ¹⁴⁵ G. v. Mende. Die Völker der Sowjetunion. Reichenau, 1939, S. 124.
- ¹⁴⁶ W. Kolarz. Russia and Her Colonies, p. 318.
- ¹⁴⁷ G. F. Kennan. Memoirs. 1950—1963. Vol. II. Boston, Toronto, 1972, p.p. 98—99.
- ¹⁴⁸ „Journal of International Affairs“, vol. 27, № 1, 1973, p. 32.
- ¹⁴⁹ R. Pipes. The Formation of the Soviet Union. Communism and Nationalism. 1917—1923. N. Y., 1968, p. 49.
- ¹⁵⁰ „Problems of Communism“, vol. XXIV, № 2, 1975, March—April, p. 2.

¹⁵¹ H. Kohn. *Revolutions and Dictatorships*. Cambridge (Massachusetts), 1941, p. 167.

¹⁵² E. H. Carr. *A History of Soviet Russia. The Bolshevik Revolution 1917—1923*. Vol. one., L., 1969, p. 370.

¹⁵³ J. R. Krueger. *Chuvash Manual*, p. VI.

¹⁵⁴ „Osteuropa“, 1975, № 8—9, S. 729.

¹⁵⁵ Ibidem, S. 730.

¹⁵⁶ A. D. Low. *Lenin on the Question of Nationality*. N. Y., 1958, p. 170.

¹⁵⁷ Э. А. Баграмов. *Ленинская национальная политика: достижения и перспективы*. М., 1977, с. 159.

¹⁵⁸ Л. И. Брежнев. *О пятидесятилетии Союза Советских Социалистических Республик*. М., 1973, с. 25.

¹⁵⁹ „Politische Studien“, № 230, 27. Jg., 1976, Nov./Dez. S. 608

¹⁶⁰ Э. А. Баграмов. *Указ. соч.*, с. 190—191.

¹⁶¹ М. А. Суслов. *Дело всей партии. Доклад на Всесоюзном совещании идеологических работников 16 октября 1979 года*. М., 1979, с. 24—25.

Заключение

¹ Колл. авт. *Основные направления изучения национальных отношений в СССР*. М., 1979.

² П. К. Кузнецов. *Культурная революция в Удмуртской АССР (1917—1958 гг.)*. Ижевск, 1975.

Мидхат Исмагилович Абдуллин

БОРЬБА БЕЗ КОМПРОМИССОВ

(Критика буржуазных концепций разрешения национального вопроса в республиках Поволжья и Урала)

Редактор Б. Земляной

Рецензент И. Аношкин

Художественный редактор Г. Трифонов

Художник Ф. Кадыров

Технический редактор А. Трофимова

Корректоры В. Лашенова, Н. Максимова

Сдано в набор 7.07.81. ПФ 13026. Подписано в печать 12.02.82. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Печать высокая. Гарнитура журнальная рубленая. Учетно-изд. л. 14,2. Усл. печ. л. 13,4. Усл. кр. отт. 13,4. Заказ Н-521. Тираж 2000. Цена 60 коп.

ИБ № 2821

Татарское книжное издательство.
Казань, ул. Баумана, 19.

Полиграфический комбинат им. Камиля Якуба Государственного комитета Татарской АССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.
Казань, ул. Баумана, 19.

60 коп